

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ГОЛУБЕВ А.А.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
ИЩЕНКО Е.Н.
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

8 ■ 2014

ПРЯМАЯ РЕЧЬ	Виктор ШЕВЦОВ, глава администрации Лискинского муниципального района. Родина души 5
ПРОЗА	Виктор ПЕРЕГУДОВ. По улице моих воспоминаний. Очерк. Из «Семи тетрадей». Миниатюры 9 Валерий БУБЕЛЬНИК. Покровские рассказы 50 Валерий РОНЬШИН. Город детства. Рассказы 65 Валерий ТИХОНОВ. Нет зверя опаснее. Рассказ 81 Иван АНЧУКОВ. Из жизни и записных книжек 97
ПОЭЗИЯ	Александр РОМАХОВ. Колодец. Стихи 45 Иван САФОНОВ. Ясная пора. Стихи 62 Наталья ХАРИТОНОВА. Заступница любви. Стихи 76 Николай МАТВЕЕВ. Золотой дождь. Стихи 95 Александр АНИКЕЕВ. Всё хрупко. Стихи 109 В соснах запуталось долгое эхо. Стихи лискинских поэтов 133
ЛИСКИНСКИЕ ИМЕНА	Анатолий ГРИБКОВ. «Отчет был коротким: «Задание Родины выполнил!» (Предисловие Валерия ТИХОНОВА) 112 Валерий ТИХОНОВ. На орбитах судьбы. (Интервью с летчиком-космонавтом СССР, дважды Героем Советского Союза Анатолием ФИЛИПЧЕНКО) 120
СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	Николай ЛИТВИНОВ. Последний воин села Крутец. (Рассказ об отце, солдате военного призыва) 138
СУДЬБА	Александр АНИКЕЕВ. Свет высокой звезды. (Штрихи к портрету художника Василия Криворучко)... 150
ИСТОКИ	Эдуард ЕФРЕМОВ. «Делай добро — и все будет желанным». (Музей — как особая территория творчества, подвижничества и былого) 158
ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ	Николай КАРДАШОВ. Якорь для Икорецкой верфи. (Раритет для памятного места нашли в Крыму). Дорога Ивана Чернова. (Жизнь реабилитировала самого молодого руководителя ЮВЖД). Возвращение шурavi. (По следам афганских подвигов) 167

ОТЧИЙ КРАЙ

- Мария МЕДВЕДЕВА. **Легенды и предания родной земли. Сколько лет тебе, Лиски!** 177
Николай САФРОНОВ. **Дивные горы тихого Дона. Пословицы и поговорки Придонья** 193
Анна ГОРДЫШЕВА. **Люди и годы.** Хроника..... 182

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

- Вячеслав КУЛАКОВ. **Кавалерийская история.**
(Как сохранить память об уникальном гарнизоне) .. 200
Николай САФРОНОВ, Светлана ЛЮБИНА.
В гостях у Шолохова. (Путешествие в Вёшенскую,
к великому писателю) 214

ПОИСКИ И НАХОДКИ

- Страницы прошлого листая...**
(Букинистический фолиант рассказывает о Лисках). 219

ШИРЕ КРУГ

- Сергей ДЕМКИН. **Его гимнастика достойна гимнов.**
(Легендарный тренер Владислав Растороцкий
растит таланты на родине) 239
Валерий БУБЕЛЬНИК. **Под парковой аркой** 245

Золотая гора с серебряными скалами

«В зеленом поле над лазоревой волнисто-выщербленной оконечностью золотая гора, на склонах которой две серебряные скалы, левая из которых выше и имеет черную пещеру. На золотой горе — лежащая и обернувшаяся прямо лиса с серебряным кончиком хвоста».

Белая гора символизирует уникальное месторождение мергеля (смеси известняка и глины, приготовленной самой природой), открытое А. А. Дубянским на южном участке «Белой горы».

Желтый цвет (золото) – символ богатства, уважения, интеллекта, стабильности.

Белый цвет (серебро) – символ мира, взаимопонимания, чистоты.

Голубой (синий) цвет – символ возвышенных устремлений, мышления, искренности и добродетели.

Голубая оконечность дополняет символику и показывает географическое расположение района в бассейне реки Дон.

Герб утвержден решением Совета народных депутатов Лисичинского муниципального района № 60 от 5 сентября 2006 года.

Виктор Шевцов,
*глава администрации
Лискинского
муниципального района*

РОДИНА ДУШИ

У каждого человека есть заветное место, что называется, для души. Мне довелось и по стране поездить, и за рубежом побывать. Работал в нескольких районах и на областном уровне. Люблю свою малую родину — село Пески Петропавловского района. А вот особый уют нахожу здесь, в Лисках, на этой земле. С нею связаны 28 лет моей активной трудовой жизни.

Для меня любое новое место всегда начиналось знакомством с его историко-культурным укладом. В этом есть своя логика. Ведь, как говорили мудрые люди, история, культура — это родина души человека. Поэтому лискинская история приоткрыла мне не просто вековые тайны. Она явила чудный край — с дивной природой, занимательными легендами, поучительными обычаями. Но прежде всего мне открылся мир удивительных людей — по-крестьянски талантливых, трудолюбивых, сокровенных душою. Наверное, неслучайно прототип платоновского «Сокровенного человека» имеет наши, лискинские, корни. Да и вообще, где еще можно найти столь заметный город, который на подходе к своему настоящему имени — Лиски — сменил пяток других — выразительных и романтических.

Мне это легко понять. Со временем я выработал в себе привычку — ежедневно, в любую погоду-непогоду, вечером совершаю пешеходную прогулку по улицам родного города. Занятие всесторонне полезное: здоровье укрепляю, жизнь вижу изнутри и очень легко могу представить, как по этим улочкам-переулочкам проходила История. По мнению местных краеведов, нашему городскому поселению более трех веков. Началось от первых жильцов у Богатой сторожи, дошло до слободы Петровской с возведенной Покровской церковью. Потом слобода стала Новой Покровкой. А настоящий разворот пришел сюда, когда рядом пролегла железнодорожная магистраль. Сначала — с севера на юг, потом от Харькова до Балашова. Станцию называли Лискаами. Узел дорог дал толчок в развитии. Появилась промышленность. В 1928 году пристанционное поселение и

село Новопокровское преобразовали в рабочий поселок со звучным именем Свобода — райцентр Лискинского района. С 1937 года — город. Кстати, в годы Великой Отечественной войны Свобода не покорилась оккупантам. Немецко-фашистские войска 6 июля 1942 года в жестоких боях были остановлены на правом берегу реки Дон. В 1943 году фашистов отсюда прогнали, а город переименовали в Лиски. Через 22 года опять новое имя — Георгиу-Деж, по фамилии деятеля румынской компартии. В 1991 году городу возвращено название Лиски, и, что весьма символично, именно с этого времени — сложного, трудного, непредсказуемого и во многом разрушительного периода в жизни страны — в облике города, да и всего района, происходят кардинальные изменения. Потому тем и полезен взгляд в прошлое, что открывает нам будущее.

Меня нередко спрашивают об этом парадоксе: почему всем известные реформы у многих были связаны с регрессом, а в Лисках — с возрождением, развитием. Можно сказать, вопрос риторический, ответ — тоже. Как-то вычитал слова, сказанные в древние времена, но актуальные для аграриев и сегодня: «Сельское хозяйство можно вести без тонкостей, но оно не терпит невежества». Такая формула может многое объяснить в нашей аграрной практике. Сегодня я не побоюсь сказать, что наш район уникален, может быть, единственный такой не только в области, но и в России. У нас бывает немало гостей, и самых высоких. Все удивляются факту: в Лискинском районе нет мелких сельскохозяйственных предприятий и хозяйств.

Я считаю, главное наше достоинство в том, что в 1990-е годы мы меньше других совершили ошибок. Прежде всего не дали растянуть наши земли по лоскутам. Тогда по всей России рушились и уничтожались спецхозы. Животноводство сплошь признавалось убыточным, а сельское хозяйство — черной дырой. Мы свои спецхозы держали и поддерживали — «Маяк», «9-я пятилетка», «Лискинский»... Практически все хозяйства у нас сохранили свои земли. Нет ни одного гектара пашни в пустырях. Это было архитрудно, но мы не отступили. В крупные хозяйства пришли солидные инвесторы, агрохолдинги, иностранные партнеры с современной высокопроизводительной техникой, передовыми технологиями. Компании «Доминант», «Продимекс», группа «Черкизово», «Эконива»... Это ключевой момент нашей перестройки. Мы оказались правы. Сейчас страна нацелена на крупные специализированные хозяйства. Они у нас есть, причем высокорентабельные.

В прошлом году — для лискинцев юбилейном, восьмидесятилетнем — губернатор области Алексей Васильевич Гордеев, оценивая наши дела, подчеркнул, что «Лискинский район для Воронежской области и всей России — это район номер один по выработке сельхозпродукции. Здесь на одного жителя производится больше чем по тонне зерна, молока и мяса...» Это объективная оценка. Сейчас наш район дает 315 — 330 тонн молока в сутки. Столько надаивают Тамбовская и Волгоградская области вместе взятые. Наш рубеж также сопоставим с Костромской, Тульской, Ростовской, Ульяновской или Ивановской областями. По производству молока небольшой Лискинский район опережает 37 регионов страны.

На недавней встрече с губернатором мы скорректировали свои реальные цели и перспективные задачи. В 2014 году выйдем на производство 110 тысяч тонн молока, ближайший рубеж — 125 тысяч тонн молока в год. Для сравнения, в 1991 году было 48 тысяч тонн. Это наш максимальный показатель тех времен.

Годичное производство мяса на сегодня — 105 тысяч тонн. Это больше, чем производится мяса в 55 регионах страны. С Алексеем Васильевичем мы обсудили вопрос о развитии ООО «ЛИСКО-Бройлер». В перспективе это даст дополнительно 25 тысяч тонн мяса птицы и позволит выйти на годовой показатель 130 тысяч тонн. Но главное, на том же «ЛИСКО-Бройлере» будет создано дополнительно 100 рабочих мест. Социальный аспект наш губернатор выделяет всегда особо. Ведь производство — не самоцель. Это основа для эффективной социальной политики властей на любом уровне — от федерального и областного до муниципального. Сегодня в сельскохозяйственном производстве района (без переработки) работает 5 600 человек со средней заработной платой 23 тыс. руб.

Собственно, для меня как руководителя района эти сферы неразделимы. Стабильное производство — это рабочие места, наполняемый бюджет, и отсюда — развитая социалка, то есть все то, что нужно людям для комфортной, полезной жизни: культура и спорт, образование и медицина... Благополучие в этих сферах рождается на производстве. Будет у человека достойная работа — будет и песня. Ради этого власть работает.

Были, конечно, переломные, казалось, непреодолимые 90-е годы. Дотла рушилось многое, продукты были по талонам. До культуры ли тут? Но мы не разорили ни одного очага культуры. И спортивные сооружения тоже. Сохранили не только крупные, как правило, двухэтажные ДК, но и небольшие сельские клубы. Сберегли кадры. Думаю, сегодня в районе нет такого учреждения культуры, куда было бы стыдно зайти. И не потому, что нынче Год культуры. Мы всегда и успешно участвовали во всех программах возрождения сельских учреждений культуры. Активно содействует этому правительство области. По традиции ежегодно в районе реконструируются, основательно ремонтируются 3-4 крупных объекта культуры. Скоро обновленные ДК получат жители сел Ковалево и 2-го Сторожевого, ремонтируется Степнянский ДК. На очереди ремонт сельского клуба в с. Нижнемарьино и реконструкция районного Дворца культуры.

Мы стараемся создать условия для творчества и полезного досуга всем лискинцам. Во Дворце культуры вечерами за неделю собираются до полутора тысяч самодельных артистов. Музей служит художникам и краеведам, библиотеки — нашим писателям и поэтам. Я много читаю, в последние годы отдаю предпочтение местным писателям. Многие из талантливых лискинских литераторов, такие, как В. Бубельник, В. Тихонов, Н. Харитонов, А. Аникеев, художники А. Денисов, Г. Лоленко, краеведы М. Медведева, Н. Сафронов, наши земляки-писатели В. Перегудов, В. Роньшин, художник И. Анчуков и другие представляют свое творчество в специальном номере журнала «Подъём». Их работы создают удивительно полифоничный художественно-культурный образ нашего района. Это не случайно. Сама Лискинская земля, с ее меловыми Дивами, древними пещерами, величавым Доном, исключительно самобытна. Пройдитесь по селам. Вы обязательно ощутите уникальную этноязыковую среду. Наши исследователи находят здесь русские цуканско-талагайские наречия и хохлацкий суржик (смесь русского с украинским). Это часть нашего исторического кода, черта национального характера, тот бесценный культурный пласт, который мы получили от предков и который должны сберечь для потомков. В необычайно тонкой духовной сфере очень важно не впасть в формализм, в начетничество.

Я вспоминаю Ивана Степановича Васильева в его бытность начальником Лискинского отделения дороги. Никогда не видел, чтобы он зани-

мался спортом, пел или увлекался танцами. Но в его коллективе всегда были лучшие спортсмены и самые нарядные артисты. Он строил в Лисках бассейны, содержал стадион и спортплощадки, обеспечивал участие железнодорожников во всех конкурсах и соревнованиях. Он знал, что это нужно людям. Он понимал, что культура (по определению Дмитрия Сергеевича Лихачева) — это то, что делает людей народом. Потому Иван Степанович был мудрым руководителем. Отрадно, что сегодня есть у него последователи. На все бюджетных денег не хватает. Привлекаем спонсоров — и солидные компании, и бизнесменов-предпринимателей. Главное, что к ним приходит понимание, что без этого не сформируешь человеческий капитал.

Однако есть и другая сторона: стремление самого человека. Я вижу, сколько сделано в городе стараниями мэра Евгения Митюрева. В городе есть почти полторы сотни спортсооружений. Три спортшколы. Наш знаменитый земляк, легендарный тренер Владислав Степанович Растороцкий вернулся домой, растит в своей школе таланты. Работают секции по 20 видам спорта — не меньше. И вот недавно на встрече с молодыми людьми возник у меня разговор. «А как вы боретесь с наркотиками?» — спрашивают и иронично улыбаются. Я отвечаю: «Мы-то боремся. Смотрите, сколько сделали для вас. Но почему-то столько молодых людей вижу не на сцене, не в спортзале, а на скамейке с банкой пива...» Оживилась дискуссия. Нужен перелом в поведенческих стереотипах молодых. Им нужно отшатнуться от бесцельного времяпрепровождения. Нужно учить ребят познавать традиции, беречь то, что есть, избавляться от духовных сорняков.

Как-то бросилась в глаза такая дилемма. Раньше в моем родном селе свадьбу играли несколько дней. Людей собиралось сотни полторы. Песни пели под баян — популярные и народные, русские и украинские. Пели все, хором. Пьяных было — на пальцах посчитать. И водка оставалась. Не так давно был дома на современной свадьбе. За столом — человек сорок. Песни пел ансамбль. Водку выпили за несколько часов, даже не хватило. Скоро и разошлись.

Что случилось? Ушла традиция. И души не стали богаче. Я думаю, не случайно высшее руководство страны и области озабочено разработкой ключевых направлений и принципов формирования государственной культурной политики. Настоящую культуру, вкус к ней необходимо прививать настойчиво, традиции культивировать последовательно. Словом, вывести культуру из периферийной зоны внимания в приоритетную.

Виктор Степанович Перегудов родился в 1949 году в селе Песковатка Лискинского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в воронежской газете «Молодой коммунар», журналах «Политическая работа», «Сельская молодежь», издательстве «Молодая гвардия». Занимал ответственные должности в ЦК ВЛКСМ, политических структурах, Совете Федерации РФ, мэрии Москвы. Публиковался во многих центральных газетах и журналах. Автор пяти книг прозы, в том числе «Великие сосны», «Семь тетрадей», «Золотой сад». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Виктор Перегудов

ПО УЛИЦЕ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Очерк

Впервые этот очерк был опубликован очень давно, в мартовском, 1985 года, номере журнала «Сельская молодежь». Позже он выходил в сборниках, был замысел снять по нему документальный фильм, но замыслы ушли в песок времени. В 1985 году я уже пять лет был москвич, в Лиски наезжал вынужденно редко, а потому однажды взял в журнале командировку домой, в Лиски, в Песковатку. Хотелось написать о той школе, в которой учился, хотелось поклониться прошлому.

Я решил не редактировать очерк задним числом, а представить его читателю в том виде, в каком он был напечатан впервые. Это дает возможность почувствовать перемену времен, и, может быть, те перемены, которые происходят с каждым из нас.

Прошло почти тридцать лет, и я снова несу мой поклон.

Она легко и быстро тронула бумаги на столе — одним движением, — и возник идеальный порядок. Потом, размышляя, Татьяна Михайловна Никитина, директор школы, сказала, что в этих стенах — реформа каждый день. Надо все время работать по-новому.

Быть в курсе педагогической науки. Помнить заветы великих педагогов прошлого и современности. Верить в то, что...

Тут вошел какой-то человечек из второго класса, ростом со стол, спросил, раздувая щеки, какую-то ужасно нужную ему справку. Татьяна Михайловна отложила все, поставила печать, погладила человечка этого совершенно по-матерински по стриженной круглой голове — он нимало не удивился, пошел по коридору важно, пузырь пузырем. И тут уже я до конца, окончательно понял, что я — в своей школе. Дома.

...Хотелось мне вспомнить детство — и вспомнилась зима. С вечера метель, к утру страшный, внезапный мороз; мы пошли в школу, пришли — и удивились тишине, темноте: электричества не было, и в маленьком кабинете директора горела керосиновая лампа. Петр Иванович что-то писал, вышел к нам, сказал: «Сегодня не учиться — мороз великий!» — и мы пошли домой, заходя по дороге греться в хаты — холод лез под пальтики, и немели пальцы.

Давно все это было. Приехал я домой, пошел навестить свою школу. Двухэтажный дом ее, невысокий, побеленный, был все тот же, но ворота школьного двора, прямо против входа, были наглухо заделаны, а новые, широкие — для въезда машин — устроены в другом месте. Теперь тут больница. В детстве в школе, я вспомнил, делали всем уколы под лопатку, я сказал после укола «спасибо», и медсестра негромко засмеялась. Теперь в классах — палатах — стоят вместо парт койки, лежат больные там, где бегали и шумели дети... что-то невыразимо печальное в такой судьбе старого школьного здания, построенного после войны деревенским миром. Должно быть, честно послужив началу жизни, столь же честно предназначено ему служить теперь горькой, большой, а для кого-то и последней ее минуте.

Я смотрел на школу сперва издали, потом подошел близко и не решился войти, вдохнуть теплый, плотный больничный воздух с постоянными запахами лекарств, кухни, стираного постельного белья. Все ушло куда-то. Куда?

Я пошел к деду Чиркову. Высохший, сгорбленный, в старой красной спортивной куртке, которую донашивает он за внуком, дед слушал меня совсем равнодушно, часто мигал слезящимися, навсегда уставшими глазами. По привычке он закуривал «Север», зажигая спичку трясущимися, темными, сухими пальцами, но выкурить целой папиросы не мог, его одолевал глубокий трескучий кашель, и дед бросал папиросу на землю, резко вдавливая ее в песок стоптанным каблуком, ругался привычно и бессмысленно. Мне не верилось, что и он был когда-то дитем, школьником, еще в церковноприходской, что шмыгал, должно быть, носом на уроках, отводя глаза, чтоб не столкнуться взглядом с учителем, что — мыслимо ли — учил и зубрил закон божий...

«Ничего я не помню, все забыл», — сказал дед.

«Но как же так!» — едва не воскликнул я, но удержался и сам стал рассказывать ему, что колхоз у нас организовался без бунта, назвали его «Волна революции», что школа была из бревен, стояла недалеко от церкви, которую взорвали уже в шестидесятые годы, что до самых тридцатых годов учителей настоящих не было, учил колхозный счетовод. Букварь — один на пятерых.

Да, правильно, — кивал дед, и видно было, что слова мои не трогали его и ничего в нем не будили, как не может, например, разбудить крепко спящего человека тихий шорох дождя.

Я замолчал. Мы сидели рядом на нижней ступеньке крыльца, и оба молчали, третьим участником молчания был пегий пес, прибежавший на двор с улицы, — старый деревенский добродушный барбос, друг деда.

Вдруг неожиданно дед начал говорить, что народ, по его мнению, забогател чрезмерно, сытость в ущерб душе пошла, а пережитое, что потом кровью далось, потихоньку забываться стало. «Мы за идеал жизни себя не жалели, не говоря уж про врагов Советской власти, и хотя не сладко ели, а все ж веселые были люди. Жили охотно! Обужи не хватало — ничего, не плакали. Война началась — все четыре брата пошли в строй, а только один я и вернулся. Братья отборные граждане были, не мякина, не солома гнилая».

Дед опять замолчал, снова закурил. Я ждал. Он посмотрел на меня строго. «Ты меня про историю заставляешь говорить. Вот и история... Забывать ничего нельзя! — болезненно громко крикнул он, — забывать нельзя! Без памяти кому мы нужны на белом свете?! Я старик, а братья и стариками не стали! Неужель их-то, молодых, убитых, забыть можно?»

— Нет, — сказал я.

— погоди. Я хуже смерти боюсь, что всех забудут. В школе чему учат теперь, памяти-то учат?

Прости, дед Чирков! В ту минуту подумал я, что зря и пришел-то к тебе, что не пригодится мне этот разговор. А теперь вижу, что, может быть, это самое главное. Ни на старости лет, ни во цвете их, ни на школьной, детской заре нет у человека никакого другого долга, кроме горячего, обжигающего чувства, что и одного часа нельзя прожить безответственно перед людьми и совестью. Возгорается это чувство рано, и школа его образывает, если, конечно, это хорошая, добрая школа.

И еще не раз приходил я к старому двухэтажному дому, желая услышать давно прозвучавшие здесь голоса, но забеленные внизу окна молчали. Что же искать эхо, подумалось мне, когда есть ведь тысячи людей, и их память все сохранила?

Я стал разговаривать с людьми, искать документы, чтобы опереться на закрепленную память, разыскивал фотографии. Но их мало сохранилось, довоенных, видимо, вообще нет. Жители Песковатки уходили в эвакуацию — какие там фотографии, живому бы остаться.

Но что же было до войны? Ликвидация неграмотности. Изба-читальня. Свержение колокола с церкви. «Волна революции». Кровь не пролилась.

До войны... До войны четырехлетку закончила моя мать, закончила в той, самой первой, бревенчатой школе — и четыре класса тогда были делом серьезным.

До войны — то время, ушедшее накрепко в прошлое, хочется мне сравнить с крестьянской молодостью, насыщенной обычным, тяжелым трудом. Школа была прочно связана с колхозом — ходила и на прополку, и колоски собирать, и сосну сажать по пескам. Теперь это старый сосновый лес. Время круто кипело в Песковатке, голые его нервы прошли и через эту школу — среднюю № 1, и, конечно, по справедливости и в воспоминаниях школа связана и с другими важными делами и событиями. Мать и моя первая учительница Татьяна Семеновна Чиркова рассказали мне о школе сороковых годов. Для них это памятное время, близкое...

В сорок шестом году от жары не могла по-настоящему расти даже трава. Бурьян и тот был не буйный, поэтому разрушенная снарядами

Песковатка не пропадала в дикой зелени. В Дону текла мутная, негодная для жизни рыб вода. Густая и горячая, река грозно блестела под плоским белым солнцем. Лишь серо-серебряная лебеда по берегам в трудно вспаханных полях росла изобильно... ее хотелось есть.

Смолотую лебеду осторожно добавляли в драгоценную серую муку, страшась недосыпать. Хлеб выходил горький, но его все равно не хватало. Тогда сухо и гневно ругались, что мало добавили лебеды.

От голода таял мой старший брат Коля. Он родился в сорок втором году. Мать получила пенсию и в райцентре на тощей и цепкой толкучке всю ее отдала за бутылку постного масла. Его оказалось только что в горлышке сверху, для покрытия воды. Поплакать бы — да на слезы силы нужны.

Сын вошел в хату и посмотрел на бутылку синими глазами. Мама помазала с помощью птичьего пера кусок черного хлеба маслом, посыпала солью. Коля быстро съел этот хлеб и сказал:

— Мам, учительница замуж выходит! Иди посмотри!

«Кто бы это?» — подумала сначала мать, но потом любопытство как будто кончилось, словно не могла она поверить, что это теперь возможно — женитьба и свадьба, что может быть другая забота, кроме той, как прокормить и выходить своих детей. Потом она вспомнила, что какие же дети у учительницы — только свадьба, — и пошла посмотреть, чтобы забыть собственное горе.

Вместе с другими бабами-колхозницами она стояла у плетня, молча смотрела, как во дворе, пыльном, заброшенном вялыми зелеными ветками, интеллигентные учительницы Татьяна, Раиса, Людмила и Зоя пели под гармонь: «Мои слова не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня...» (Татьяна — это как раз и есть Татьяна Семеновна Чиркова.)

Свадьба получилась веселая, но мать внешне не поверила веселью, так как перед глазами у нее стояло лицо этого человека — спекулянта на рынке.

Облокотясь на плетень, мать стала под томную песню как бы засыпать от слабости, но вдруг одна из учительниц перебила песню такой отчаянной, прокаленной частушкой, что мать вздрогнула и улыбнулась.

От этого исчезло проклятое белое лицо. Мать поскорее пошла домой, шепча «молодец учительница» — одновременно про невесту и про ту, которая спела частушку. Матери стало чуть-чуть легче, она поняла, что хоть и вышло горе с этой бутылкой, но надо жить как учительницы — хитрить с горем, обманывать его и так иногда побеждать.

В школе этому искусству не обучались, но знали его тогда не только матери — и малые дети могли находить радости в своей жизни, несмотря на великий голод.

Вдовы продолжали верить, что они — жены.

Позже к вечеру праздник утих. Когда быстро поднялась красная луна, было все еще сухо и жарко. В доме целовались сухими губами молодые. Учительницы пошли все вместе к реке. Их было мало, а кавалеров еще меньше. Они походили вдоль реки, вернулись опять в село и прошли тихо мимо дома своей подруги, вышедшей замуж, потом они чему-то рассмеялись и запели.

«Может быть, они знают что, чего я не знаю? — думала мать про учительниц. — Они ученые, наверное, знают. Им первым скажут, если что к лучшему станет сворачивать. Надо Колю в школу отдать».

Но Коля был еще маленький.

Она легла спать и, засыпая, увидела, как чинно танцуют молодые учительницы, как строго смотрит жених в бостоновом костюме, и ему ничего, что жара.

Мама была тогда настолько еще молода, что ей хотелось учиться в школе, как училась четыре года давно, до войны, хотелось писать в чистой тетради, окуная перо в густые, с золотым отливом чернила, хотелось решать задачи про две колхозные бригады, которые соревнуются...

Но было невозможно для нее это счастье детства. А четыре года — они, мелькнувшие когда-то как счастливая небыль, наверное, лучшие в ее жизни. Она была в школе счастлива.

Утром опять шла жизнь. Мать пошла на толкучку за пять верст — по бокам дороги, окаменев ветками и маленькими листьями, стояли серые от засухи деревья. Над ними свивались дрожащие, горячие струи воздуха.

В книжном ларьке она купила какую-то тоненькую книжку с картинками — букваря не было, принесла ее домой, сказала сыну: «Иди руки сперва вымой», и, когда он пришел с чистыми уже руками, притихший и любопытный, она сказала: «Скоро в школу пойдешь. Книжку береги. Порвешь — пороть буду» — и заплакала от жалости к нему.

Никакой школы не было, это только мама надеялась, что как настанет сентябрь, так, может быть, в каком-нибудь дворе и задребезжит звонок, разнося треснутым боком требовательный и озабоченный свой призыв.

Надеялись и учительницы. И школа открылась — первого сентября 1947 года. Был и звонок, были и собрания педколлектива с докладом по передовице «Правды». В духе времени учительницы старались уверить себя, что с учениками надо быть строже, чтобы не разбаловались, и не могли, не желали быть строгими, так как у некоторых детей от голода опухали ноги.

Передачи по радио про успехи восстановления они слушали... но душа трепетала от лирических песен. Все-таки был уже мир. В магазин привезли один раз карамель «подушечки». Приезжал в деревню фотограф-инвалид.

Он ходил из дома в дом и за малые деньги брал на увеличение фотокарточки погибших фронтовиков.

Он сфотографировал учительниц. На снимке глаза их сияли и лучились — от голода, но они говорили: «Исключительно красиво» — и верили, что прекрасный блеск — от одной молодости.

Надо верить в эту красоту как в знак вечной жизни, как верили учительницы моей школы в трудный год засухи, когда словно истаивало, иссыхало в полынный прах село Песковатка в Воронежской области.

Все жары выстояла рожь. Она и спасла людей.

В сорок седьмом была подведена какая-то невидимая, но реальная вместе с тем черта под всеми этими годами, под тем, что началось в сорок первом. Татьяна Семеновна почувствовала, что она тогда стала взрослой, когда чуть посветлела жизнь. А до этого, хотя и говорят, что испытания и лишения скоро взрослят сердце, до этого она все считала себя совсем маленькой, начально юной: так, казалось ей, легче переносить труды и годы. Рассказ о них она всегда начинает с засухи, потом доходит до войны, до начала — я тоже решил сохранить такую последовательность — война ведь была еще страшнее, чем голодовка, и есть внутренние причины нарушения хронологии воспоминаний.

В сорок первом Татьяна Семеновна, тогда, выходит, просто Таня, закончила десятилетку. Она хотела поступить в институт, но ведь война... куда ехать от дома? В военкомате, куда тайком от матери она побежала, назвали ее, заглянув в свидетельство о рождении, чистым дитем, а на повторные доводы ответили просто — вытолкнули в коридор: «Некогда с тобой, девочка!» Плакать от обиды было нельзя — уже ведь голосили бабы, получив похоронки: разные другие слезы потеряли свои права.

(...Я думаю, вот довоенная школа, вот плоды ее воспитания — через военкоматы, помимо призванных сразу в строй, прошло добровольно целое поколение. Высокая его судьба известна нам — больше, чем этому поколению, трудов и боев не досталось никакому. И особый разговор о его женской половине — она едва ли не сплошь из вдов, из солдаток, из одиноких.)

Домой к ним пришел вечером директор школы Павел Иванович Антип. Он был математик, но лирик в своих поступках: он пришел в белой рубашке, с несколькими чистыми тетрадками — высокий больной человек.

— Знаете что, Татьяна Семеновна, учить детей некому стало. Вы ведь любите детей. Приходите, пожалуйста, завтра в школу.

Подарил ей чистые тетрадки.

В сентябре сорок первого года школа работала. Преподавателей-мужчин и до войны было мало, теперь не было уже ни одного. Тетрадочек, дневников не хватало — подарок Павла Ивановича был дорогой, не ценный, а бесценный.

Писали по полям пожелтевших довоенных газет и по свежим газетам, вырезав сначала из них самые важные статьи и сводки Информбюро. Сначала писали по полям, а потом уже и по газетному петиту.

«Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры...» — было напечатано в «Правде».

Карандашом по этим строчкам выводили: «Ма-ма. Па-па». Керосин скоро кончился — и последние уроки второй смены погрузились во тьму. Ничего, можно было и так учиться. Можно было читать наизусть Пушкина, Лермонтова. Татьяна Семеновна пробовала заучивать и прозу, хотя бы небольшие отрывки из Тургенева — «описания русской природы», как иногда теперь говорится. «Описания» и стихи звучали в войну, она помнит, совсем по-другому — как будто неправдоподобно, потому что дышали они иным покоем, другим временем, но неправдоподобность, непривычность была особого свойства: вдруг осозналось с болью, резко неоднозначно — на все это посягнули они... на всю Родину, с ее лесами, полями, с ее литературой, ее Пушкиным, ее детьми, ее вечностью.

Летом сорок второго года жители Песковатки увидели немцев воочию — только Дон разделял раскаленные кромки огромных армий. На другой стороне Дона, на правом берегу, в селе Залужном, по полынным меловым холмам появились они... катили на мотоциклах, стреляли, гоготали, должно быть, дыша свежим воздухом Дона.

В школе на нашем берегу готовились к эвакуации, к новому учебному году. Собирали и связывали в стопки всякую годную для письма бумагу, крепче запечатывали бутылочки с чернилами, проверяли ящики парт — может быть, там остались карандаши.

С правого берега били редко из пушек, прицеливаясь, должно быть, очень аккуратно: недолет, перелет — это означало, что дом взят в артиллерийскую «вилку», потом попадание. Так был наш дом разбит одним снарядом. По школе немцы не стреляли, они, конечно, надеялись, что такое помещение будет им нужно. Но ни один немец не ступил на наш берег. А школа все-таки не выстояла — бревна ее пошли на блиндажи.

...Я съездил на высокие меловые холмы правобережья. Обзор отсюда как на учебном макете, ввиду господствующих высот школа была беззащитна.

В эвакуацию уходили пешком, с детьми на руках, мама несла Колю все сорок километров. Сперва жили в Икорце, а потом ушли в Елань-Колено... Никто не уезжал и не рвался в глубь страны, потому что надеялись: тихий, уже кровавый, как Волга, Дон остановит немцев.

Школа работала. Десятиклассница-учительница Татьяна Семеновна вела начальные классы. Дети сидели вместе на полу, на лавках в чьей-нибудь хате — день в одной, день в другой: кто писал по газете, кто ломал дрови, а кто, стуча зубами от холода, зубрил «Бородино».

В этих хатах проходил тогда рубеж национальной культуры.

Татьяна Семеновна переделывала задачки на военный лад: солдаты взяли в плен шесть фашистов...

Потом она сказала: нет! И стала опять задавать мирные задачи: один колхозник намолотил столько-то пудов ржи, а другой — на семь пудов больше... Она задавала задачи про яблоки и арбузы, про бублики, но это тоже было тяжело, так как голодная шла жизнь в эвакуации.

Осень сменилась зимой, стали морозы и снега. Медленное учение не останавливалось, теплилось то в одной хате, то в другой, а вечерами мама ходила к учительнице, соседке своей Татьяне, пить чай — горячую воду. Керосина не было ни капли, лампа-трехлинейка стояла без стеклянного пузыря, бережно спрятанного до лучших времен. Свет шел от углей в печке да от луны, одиноко замерзающей над Елань-Коленом. Приходили Зоя, Раиса, Людмила и говорили, что надо верить в близкий перелом, чтобы и дети, глядя на них, могли верить. И тут же говорилось: «Дубровский не успевае по арифметике и грамматике — отстывает на важнейших фронтах». Почему-то казалось, что Дубровский этот вовсе не белобрысый песковатский шпингалет, а пушкинский Владимир Дубровский.

Еще никто не знал, что стал посмертно Героем Советского Союза выпускник Машин. Песковатские солдаты воевали не хуже других, и погело их никак не меньше, чем мужиков из других сел, выпускников других школ. Среди них — отец моего старшего брата Дмитрий.

Мама пережила непосильное.

И ей подумалось, что ничем и никем не отменен вместе с горем ее материнский долг. Пусть голод, пусть болезни, пусть одна — все равно надо было воспитывать сына. Школа пошла в наступление — вернулась из эвакуации на пепелище столь недавно еще и бесконечно давно богатого колхозного села. Опять учились по хатам, а весной и осенью прямо на улице. Мать договорилась с Татьяной Семеновной — и вскоре после той свадьбы в конце голодовки Коля стал ходить в эту школу без стен и крыш, без твердого разделения на классы, без тетрадей. Но что такое школа — разве тетради?

Нет. Школа — это не тетради, не задачи и отметки. Школа — это желание целого народа быть завтра, в своих детях, умнее, постигнуть все

богатства разума и духа. Это желание не может быть пресечено войной, в войну оно обретает силу, равную инстинкту продолжения рода.

...В пятидесятые годы, когда расформировался колхоз «Волна революции», грамота, свидетельство об окончании восьмилетки, аттестат о среднем образовании быстро поднялись в ценности — и тогда, как по всей стране, открылась в тех же классах, где днем учились дети, вечерняя школа.

Я помню, что много было разговоров об этой школе, помню, как взрослые, в годах, мужики стеснялись нас, когда приходилось в конце второй смены сталкиваться в коридорах. Долго стали лампочки гореть в деревянных окнах: усачи одолевали геометрию и тригонометрию, учили — «Идет-гудет Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум!».

Я чувствовал школу через старшего брата — то она казалась мне волшебным праздником, то представлялась непосильным трудом, но хорошо помнится детское чувство: скоро в школу, скоро и я пойду...

Первой моей учительницей была Татьяна Семеновна Чиркова.

В шестьдесят первом году Татьяна Семеновна Чиркова показывала нам новый рубль — реформа тогда занимала и наши умы, так как неожиданно медные денежки стали в десять раз крепче. Голос ее был на этом уроке обычный, притягивающий внимание, но слова мы плохо понимали. В другой раз голос был торжественный, она сообщала что-то невозможное: какой-то Юрий Алексеевич Гагарин, корабль «Восток-1», все это ворвалось неожиданно, школа гудела, перед лицом безграничного космоса, как тогда писали, мы забыли на время свои проказы и лихие дела, и в эти же дни оживились по непонятной причине романы любви.

Еще я помню, как Татьяна Семеновна объясняла нам, зачем была взорвана старая церковь.

Сколько же много понимается человеком в самом раннем школьном детстве — взрослея, мы обзаводимся высокомерием возраста, не признаем за детьми права на чувство времени, его главного нерва, а оно есть, это чувство, оно вызревает в классе, в тишине, под шорох страниц... Учитель пения неожиданно пришел на урок не в узеньком галстучке, а в концертмейстерской бабочке, что означало высокую степень вдохновения. Умело рванул мехи аккордеона и спросил песней:

«Хотят ли русские войны?»

Я был тогда уже грамотнее мамы, и она у меня спрашивала:

— Куда лезет Америка?

Кое-что на сей счет я знал из политинформаций, их как раз в те годы ввели в школе, и я рассказывал про революцию, про границы в Европе, про войну — своей Матери, которая ее пережила, про наши ресурсы и резервы, про волчий аппетит империализма. Но мама еще не успокаивалась, хотя я был уже каменно уверен в мощи СССР. Но ее волновала не мощь державы, а несправедливость Америки, ее нахрап и наглость, ее бандитская повадка. Несправедливость я не мог хорошо объяснить, так как был маленький. Тогда я пел ей новую песню «Хотят ли русские войны». Я понимал, этой песней можно объяснить все.

И мама, переполненная дневной усталостью, засыпала под эту песню.

Шли шестидесятые годы.

Историю преподавал директор школы Петр Иванович Фоменков. Разъяснив накрепко урок, он переходил с бережливостью и большим интересом к теме будущего.

Он был фронтовик, историк, аналитик. Самый мир казался ему опас-

но безмятежным после перенесенных страшных бурь, не искушенным своим болезненным опытом, и историку хотелось верить, что эта безмятежность, все газетные и радиослова о наших успехах не эйфория после безмерных трудов, а свидетельство новой, никогда прежде не бывшей у страны силы.

«Расскажи про коммунизм», — говорил он. И я выходил к доске.

Петр Иванович, безмерно аккуратный, по-директорски солидный, в очках, стекла которых отражали все четыре голые лампочки в классе, сидел совершенно прямо, лишь слегка облокотясь локтями о стол, и задумчиво слушал мою историю скорого и счастливого будущего, но одновременно, очевидно, слушал и свой голос, свой опыт, сравнивая, должно быть, детскую песенку с трезвым аналитическим монологом, который произносился мысленно уже не учителем, но историком, не склонным прогнозировать взмах.

Брошюрки тех лет обещали вскоре то царство пластмасс, то изобилие за счет лабораторных побед над молекулами! Петр Иванович не стал дожидаться этого, он огляделся в море оптимизма — и начал строить мастерские при школе, чтобы учить ребят столярничать и слесарничать, дать ремесло, хотя бы начальный рабочий разряд. Тракторишко затарахтел во дворе, и загудела машина — не один десяток восьмиклассников тех лет — хорошие шоферы. Школа, прежде только по-деревенскому сильная духом, становилась политехнической.

Расспрашивая о коммунизме, Петр Иванович думал о будущем — о самом ближайшем, когда его старшеклассникам надо будет выходить в другую жизнь, работать или учиться дальше, заводить семьи, зарабатывать деньги, становиться отцами и матерями.

Его уже нет. В последние годы, оставив директорство, он учил, уже больной, не мог сам ставить оценку в журнал, и это делал тот, кто отвечал урок.

На могилу его я отнес цветы, постоял там — видна была мне новая школа, а старая, которой отдал Петр Иванович свою жизнь, расположена и вовсе недалеко от кладбища...

Учил он нас, не отгораживая от жизни, а объясняя ее честно и прямо. За стенами школы были и будни, были и праздники, часто по-деревенски неопрятные, со скандалами, были разнообразные хулиганские карьеры, были ледоходы на реке с мощным негромким гулом сталкивающихся обколотыми, обтертыми краями ледяных полей, было лето и была зима — вся эта бесподобная кутерьма и мешанина, разноголосая, злая и волшебная, катилась, не укладываясь в лад и порядок.

Многое нам хотели объяснить наши учителя — не все смогли, остальное приходится добирать, доучивать, узнавать — на то и жизнь, и все же думаю я сейчас, что, хотя и принято считать, что школа дает только знания и «воспитание», есть в ней, в школьных годах, еще один и не вдруг ощущаемый урок, тот, о котором напомнил мне старый дед Чирков: совесть. Много собирается в это слово с самого начала детства, со школьных непростых лет, и потом, через годы, прорастает в поступки, в характер...

Мы пошли с Татьяной Михайловной по школе, радуясь ее удачному расположению и ругая проект: не так давно въехала сюда школа, а уже опять не хватает места, учеников — 1076 душ. Это потому, что Песковатка срослась с райцентром, все время строят тут крупные предприятия, народ едет и едет, и школа растет.

Мне казалось раньше, что школа сильно изменилась, но вдруг почув-

ствовал, увидев какие-то пионерские стенды с названием школьной дружины — «имени Саши Чекалина», — что нет же, все самое главное живо, и смешно и глупо было мне вздыхать заранее и предполагать, что теперь все другое, все стало формальным, потому что слишком уж регламентирована педагогика.

Мы вернулись в кабинет, я полюбопытствовал насчет бумаг на столе — справки и доклады, диаграммы, цифры, расчисления, «активность» — учебная и отдельно общественная, и еще трудовая, все это хозяйство что-то объяснило мне, но хотелось узнать о самой сердцевине школьной жизни, об учительских бедах и радостях, и тогда я спросил:

— Татьяна Михайловна, как складывается учительская судьба? Жизнь учительницы — она же в деревне наособицу. Молодая учительница...

Татьяна Михайловна задумалась ненадолго, грустно улыбнулась и сказала:

— Вы, верно, знаете, что школа все забирает... И разводы случаются, если муж упрется. Ему надо, чтоб жена была хозяйка, больше дома крутилась, а хорошая учительница всю жизнь на работе. Как будто какой яд тут принимаешь — привыкнешь к нему, и бросить нельзя. Работа-то несладкая, и глаза болят, и голос садится, и устаешь иной раз до полусмерти, и дети, бывает, замучают — то они не понимают урок, то балуются, то, глядишь, дома у кого-нибудь родитель пьянствует — на все душу тратишь. Тут воз тянешь, домой придешь — и дома забота не отпускает. Что вы — об учительской судьбе говорить! Памятник надо ставить! А к нам как относятся? Я за двадцать один год путевки не видела, пойдешь просить, говорят: «Вы пользы не приносите, вы — школа, а не завод». Да я не жалуюсь... Меня если от школы оторвать, то я умру, правду говорю!

На следующий день я пришел в школу с утра пораньше — старшеклассники уже уехали в колхоз: в сентябрьские дни им было не до учебы, свекла ждала в полях, еще разные сельские, осенние дела просили рук — и поэтому в школе было непривычно тихо, лишь резкий электрический звонок рвал эту сосредоточенную тишину.

Я попросился на урок в шестой класс к Валентине Ивановне Щегловой, учительнице литературы. Валентина Ивановна узнала меня, мы стояли у окна, как-то сбивчиво говорили, вспоминая моих одноклассников — она была все та же, что и много лет назад, — как-то мягко строгая, заметно волнующаяся — всегда Валентина Ивановна слегка волновалась, объясняя урок.

А в классе, сев за последний стол и слушая про способы словообразования, я вдруг как будто потерял чувство времени; вдруг мне показалось, что сейчас Валентина Ивановна вызовет меня к доске, строго скажет:

— Ну-ка расскажи нам, как образуются существительные...

Но она не вызвала меня, а вдруг сказала мне слова, хорошо, видно, продуманные, высказанная мысль как будто тревожила ее:

— Ты посмотри — в одном классе восемнадцать портфелей «дипломатов»! А как одеты! Ничего родители не жалеют, а ведь, может быть, постroje надо!

Класс на это смело загудел, что дело не в «дипломатах».

С острым интересом смотрел я на лица ребят: красивые они были, эти лица, особенно когда девочки задумывались, машинально играя ручкой, нетерпеливо переворачивая страницу... это лица иного поколения, лучше всех прежних обихоженного, и что-то томило меня после слов об этих

«дипломатах» — ведь без трудностей растут эти люди, без испытаний, и, значит, меры вещей они понять пока не могут. Самая их красота не выражала, казалось мне, и малого опыта жизни, все было для них легко достижимо, все, как говорилось в учительской, «на подносе» — но тут я одернул и выругал себя.

Какой старый и банальный грех — считать, что ты все пережил, что ты все знаешь, а другие, вот эти растущие люди, конечно же, не все понимают, и их надо «учить», и они обязательно чего-то недоучат.

Нет, своя жизнь, ничуть внутренне не более легкая, чем когда-то моя школьная жизнь, идет здесь, и так же совершается работа души, и так же сокровенна и сокрыта от глаз эта главная работа.

И потом, вот старшеклассники поехали на поле, и после телевизионных репортажей, для которых иногда механизаторы переодеваются в чистые спецовки, после уроков обществоведения и экономической географии увидят они реальный колхоз, всю эту осеннюю напряженность, этот невообразимый иногда ход работы, который стороннему, новому человеку кажется противоестественно запутанным, увидят, как теряется свекла, — что же, они испугаются этой жизни и не смогут ее понять и принять вместе со сложностями и бедами?

Дудки! Этот поезд без них не уйдет, и что должно быть достигнуто умом и сердцем, то постигнется. Потом другая, промышленная работа откроется им — это уже на практике, на сахарном и маслоэкстракционном заводах, с которыми школа накрепко связана, и эта промышленная, упорядоченная, точная работа не может не понравиться.

И есть еще дом, и сложная жизнь этого дома, откровенно открытая детскому сердцу.

На следующий день мы изучали с Татьяной Михайловной небогатый школьный бюджет: при мне звонила она и на сахарный, просила денег на портреты писателей, и на маслоэкстракционный — этот завод обещал стулья купить, потом Татьяна Михайловна, тщательно избегая фамилий и взяв обещания не указывать профиль фирмы, рассказала, как она в этой фирме много лет выпрашивала необходимые школе материалы. Директор даже и не упрямылся, а просто не снисходил до школы, редко когда отпускал что-то от щедрот... вдруг все переменялось — директор стал отцом первоклассника. Школе открылись недоступные прежде уровни материального изобилия.

— Сейчас — живем! — сказала Татьяна Михайловна. — Хоть денег вечно нету, но хоть просить есть у кого. Вот палас в кабинет подарил завод!

Опять пошли мы по школе, и Татьяна Михайловна показывала с заботой и верой, что где будет висеть, какие будут стенды, и как здорово, вся школьная жизнь отразится на них, и «борьба за пятерку», и разные пионерские смотры, и комсомольская жизнь.

В фойе наши мнения разделились: Татьяна Михайловна задумала строгое, с призывами и лозунгами, оформление, а я все доказывал, что дети должны себя с первого шага чувствовать как дома, чтобы все было ярко, весело.

— Но к нам руководство часто ходит, — возразила она.

— А что они, детьми не были, что ли? — сказал я.

— Вы в наглядную агитацию не верите.

Ах, Татьяна Михайловна, товарищ директор! Да я во все на свете верю, что есть, и особенно в народное образование, и дороги мне ваши слова, что учитель — всю жизнь на работе, а если умеет отключаться, то

надо его гнать в три шеи долой из школы! Как же горько говорили вы, что врачихам и поварихам легче замуж выйти, чем учительницам, и как жалко этих учительниц, у которых ни детей, ни семьи, а только школа, класс, а к тому же и зарплата до последнего времени была тощенькой.

...Вышел я из школы — день был как продолжение сентябрьского, вспомнившегося мне свежего утра из детства. Будто и годы не прошли. По звонку высыпали на двор на перемену школьники — поднялся невообразимый ликующе-озабоченный шум, началась беготня и толкотня мелкого народа, казалось, что никто уже и никогда не введет эту стихию в берега.

Но тут раздался школьный звонок...

ИЗ «СЕМИ ТЕТРАДЕЙ»

Миниатюры

* * *

Очень давно, еще до ремонта, я пришел впервые в Исторический музей на Красной площади и сразу же наткнулся на громаднейший черный дубовый челн. Лет, может быть, тысячу он пролежал в воде, прежде чем его нашли и поместили в музей. А найден он был, вот совмещения какие бывают, в Лискинском районе, в нескольких километрах от Песковатки, на Дону, когда мне было пять лет. Я там родился.

Здравствуй, земляк! Не думал тебя здесь встретить. Мы из одной реки.

* * *

Старые идеи — прочные оковы. Новые идеи — острые ножи.

* * *

Не ищи счастья. Встреча с ним бывает только по его инициативе.

* * *

Если хочешь увидеть что-нибудь более древнее, чем египетские пирамиды, посмотри на любой бархан.

* * *

Все «всемирное» — наказание всему миру. Потоп был!

* * *

Не плюй от злобы на землю, потому что Земля сойдет с орбиты, провалятся города, выгорят океаны, схватится ледяным торосистым кольцом теплый обруч экватора. Помилосердствуй.

Тебе не тяжелее, чем другим, не больнее, чем больным, ты не беднее бедных.

Ты не хуже худших.

* * *

В борьбу можно включиться, а можно вклячиться.

* * *

В Талдомском районе есть поле, на котором делают привал весной перелетные журавли. Так и называется — Журавлиное поле. Его весной засевают дети. Что-то библейское по внутренней красоте...

* * *

Многие знают, что такое страдание. Не все понимают, что такое со-страдание.

* * *

Свободу громче всех воспевают вор и хам. Они же ее вешают на фонаре.

* * *

Женщина в троллейбусе, негромко, подруге: «Живу с одним, а предает меня другой».

Какая старая правда.

* * *

Было такое удовольствие в детстве: качаться на донских волнах от проходящих по реке катеров. Я плавать умел всегда, не помню, как и когда научился. И вот я поплыл «под катер», поперек волны. Вдруг кто-то меня схватил за волосы, длинно отросшие по случаю долгого детского лета, сунул мою голову под мышку к себе и потащил к берегу. Я захлебывался, и даже не мог крикнуть, чтобы он меня отпустил. Здоровенный парень, настоящий наш деревенский дурачок, вытащил меня, полузахлебнувшегося, на берег и сказал с глупой гордостью: «Я тебя спасил!» Ну, ясно, спасил, конечно.

Никогда не плывите рядом с дураком. По реке жизни.

* * *

Человеческая жизнь драгоценна, а все драгоценное необыкновенно хрупко. Иногда жизни назначается чрезвычайно неважная цена: смерть под колесами машины, например. Или городские злодеи налетят, соблазнившись копеечным грабежом. Страшный пожар. Нежданная утрата.

И тогда кричишь: где же справедливость! Где же справедливость?!

Ждите ответа.

* * *

Взглянув на незнакомую женщину, понимаешь, была ли она счастлива прошедшей ночью. Это хорошо видно. У мужчин — нет.

* * *

Так все-таки что важнее — «нерушимость границ» или «право нации на самоопределение»? Две эти дубины поочередно бьют по народам, до кровавой каши...

* * *

Инженер строит страну как инженер, купец как купец, священник как священник, банкир как банкир, учитель как учитель, военный как военный, врач как врач, крестьянин как крестьянин. А ведь нужно ото всех понемногу.

Нужно ото всех помногу.

* * *

Какое счастье среди ночи подойти к окну и увидеть, как ветер ходит по кронам деревьев, и будто волны катят. Ночь чиста, московские огни (а вспоминаются воронежские) промыты ветром и алмазны, серебряная тучка летит по глубокому небу, и кажется — луна звенит, баюкает землю, жалеет ее. Человеку дана вечная жизнь здесь, на земле.

* * *

Другие страны близко, а другие люди — далеко. Другие времена близко, а настоящее время — далеко. Своя боль близко, а чужая, честно... Но боль своих, боль за своих — больше не бывает.

* * *

Все еще надеешься, что подкова, некогда выкованная кузнецом, принесет счастье.

Это случается. К счастью.

* * *

Тоска по державе — не тоска по силе. Это тоска по дому.

* * *

Шестидесятники мечтали, семидесятники дремали, восьмидесятники морщились. В девяностых кровь в голову кинулась. А в начале нового века оказалось, что все мы что-то в себе предали. В себе, в себе. И остались без своего государства, и очутились в «новой» России, и теперь оглядываемся назад. Не близок уже локоток, никак не достать его, хоть шею выверни и руку вывихни. Мы искалечены.

Но живы надежды на иное. И стали ясны старые грехи, к которым привыкли как к домашним тапкам. А это были вериги.

И были совершены, и стали ясны новые грехи.

* * *

Не задавать бы проклятых вопросов. Не знать бы проклятых ответов.

* * *

Если окно грязное, то, несмотря даже на самый трескучий мороз, вымой окно дочиста, до блеска! Станет в доме светлее, станет, от прямого солнца, теплее.

И совесть не так будет мучить.

* * *

Любовь к корвалолу появляется от любви к карнавалу.

* * *

Вот тут верность, а вот тут свобода. Что между ними?

* * *

У слона кроссовок нету, а ведь и он может полюбить! И вполне может захотеть прийти к слонихе на свидание в красивых кроссовках. Беда просто!

Но, с другой стороны, жирафу джинсы негде взять, а носорогу трубочку с голландским табаком.

А курить же ему хочется!

* * *

Есть белый свет, а черного света нет. Только лишь цвет.

* * *

Кукушка хвалит кукуха...

* * *

С молодых журналистских лет положил себе вот что: в старости не ходить по редакциям и не рассказывать журналистам о своей жизни, как ни сложись она. Много повидал таких рассказчиков, впечатлился до предела. Также положил ни в каком случае не стать в старости жадным. И вот вычитал, что старческая жадность — это не черта характера, не вырождение личности, а просто в мозгу перемыкаются какие-то сосуды, и та часть мозга, которая отвечает за жадность и щедрость, начинает угрожать только жадности.

Грустно все это, но это именно так.

Смолоду, говорят, надо быть молодым. Нет, надо до конца...

* * *

Революции готовятся не теми, кто берет власть, а теми, кто ее теряет.

* * *

Снимал я лес видеокамерой, и когда смотрел дома, то подумал: медленно надо жить. В известном смысле — бестрепетно. Березовый листок

трепещет от одного только предчувствия ветра, дубовый и при ветре — железный на железной ветке. Всю зиму, бывает, желтеет, — до нового листа майской чеканки.

Таковы, в большинстве, люди. Я вот не в этом железном большинстве. Не могу к нему прибиться.

* * *

Хороша ложка дегтя к обеду.

* * *

Всем странам земли не хватает, а нам людей. Не хватает собственной еды. Не хватает рационального ума. Все поправляет иногда только воля вождей. Но и воли тоже не хватает.

И все же — все у нас есть.

* * *

Иной раз свобода слова воспринимается как уравнивание в правах трудолюбивой, гениальной пчелы и тифозной вши.

* * *

Лягушка прекрасна. Такие бывают маленькие, малахитовые. И поют лягушки прекрасно. В природе нет плохих звуков. Хотел бы я... не могу выразить! Потом.

* * *

Один дурак сказал у Швыдкого в «Культурной революции», что музеи — это кладбища культуры. Не всех, правда, там «хоронят», вот в чем дело-то. Кого-то «земля» не принимает.

* * *

Недостаток, достоинство, грех... Это ведь не абсолютно. На уровне личности все изменяется, перекручивается, переливается одно в другое, и поди разберись.

Гнилое яблоко сладко. Сказал это, и меня кашель начал бить.

* * *

Завел с детства привычку: в какой-то неожиданный, не рассчитанный заранее момент — запоминать этот момент. Кто я, что со мной, когда, время, место. Местность, обстоятельства. Иногда откладываю в архив газетный номер — лет через пять-семь посмотришь — жизнь прошла, другая пришла. Другая! Вот, так запомнил, как в 1985 году приехал ко мне брат в гости, в Москву, я тогда работал в журнале «Сельская молодежь». Умер Черненко. Два человека от редакции должны были ехать прощаться в Колонный зал. Говорили, проверки, строго, списки провожающих. От нас никто не хотел добровольно ехать, а меня Попцов послал.

Я на риск взял с собой брата Колю, он приехал из Лисок, царствие ему небесное. Мы приехали самоходом к Кировскому райкому, там никто ничего не проверял, сели в автобусы. Долго ждали. Брат невероятно мучился с похмелья. Страдал реально, такое похмелье злое, от которого можно умереть. Трясло его, в глазах боль. Нашел ему валидол. Прямо в оцепление нас завезли в автобусе. Отпустило Колю только в траурном зале. Прошли мы туда без всякой проверки. Вот, я запомнил навсегда этот автобус, глаза брата, как инструктор из райкома втихую, по-хозяйски покурив в автобусе. Много чего запомнил, неважно. Теперь думаю: это, Коля, было историческое похмелье всего советского народа, не иначе. Отламывалась эпоха. Что характерно, действительно через дурное похмелье: вскорости началась «борьба с алкоголизмом». И вот что: через два года я стал Колю расспрашивать, как он все запомнил, а он вытаращил на меня глаза и говорит: я ничего не помню. Какой Колонный зал, ты что? Да, не запомнил шок. Шок. Вчера водку пили, нынче Черненко провожаем. Черненко? Черненко? А не Ленина? Ленина.

* * *

Демократической оппозиции не бывает.

* * *

Союз нерушимый попал под машину. В детстве слышал. Под «машину», да, так. Еще какую! И опять, конечно, во всех реформах виновата Москва. И опять путают город и политический центр.

Да, революции делаются в столицах. Но на самом деле они делаются в мозгах, а тут только реализация энергий осуществляется в видимых формах.

* * *

Апрель 2002 года. Приехал старый друг из Воронежа, встречаю его на Павелецком. Первый вопрос: правда ли, что любой москвич из дома не выходит без тысячи долларов в кармане. Отвечаю: чистая правда. Умный человек, засмеялся. Потом уж я ему рассказал, какие бывают у обычных москвичей тысячи.

* * *

В начале восьмидесятых часто приезжал ко мне брат из Воронежской губернии, из родных моих Лисок. Ну, брат приехал, надо расстараться: Третьяковская галерея, футбол в Лужниках, выпиваем по вечерам. Одни, говорит, бездельники у вас в Москве. Почему же, спрашиваю? А ты посмотри, говорит, сколько на улице народу. И все одеты хорошо. Миллионы человек бездельников, и все одеты хорошо. А кто ж работает?

Он был глубоко, серьезно убежден, что в Москве никто не работает, что тут деньги даром дают. Не верил, что в Москве огромные предприятия. А я тогда крутился на основной работе и на двух подработках.

И уж позднее, на нынешней службе, узнал, что как раз тогда, в восьмидесятые, центр Москву на денюжки обжимал, все текло рекой в республики, но именно в Москве была наивысшая по Союзу производительность

труда. И сейчас московский вклад в российский бюджет огромен. И это не только налоги с банков, которые по понятным причинам тесно сидят в Москве. Это — налоги с труда москвичей.

Спору нет, столица есть столица, огромный город — это огромный магнит, он и притягивает и отталкивает, и любит и мучит, и верит и не доверяет. Но я с детства, с «Родной речи» знал: Москва — для всех город свой. Ты ступил на вокзальный перрон — и ты уже москвич.

А через многие годы понимаю, что, конечно, Москвой надо делиться. Сейчас огромное давление на Москву: миграционное, этническое, и, наверное, моральное. В понятной простоте люди не разделяют Москву на федеральный политический центр, который и делает погоду в стране, и на собственно Москву — очень трудолюбивый город. Очень сердечный. И какая же это чепуха: Москва слезам не верит.

И мало кто понимает из ревнивцев, что в Москве жить — нелегко. На самом-то деле жить в громадном городе трудно и, может быть, очень трудно: расстояния, пробки, круговерть, невероятный темп жизни. Молодых он бодрит, старых томит. По-человечески трудно переносить ежедневное море людей, которые едут, идут, живут, работают, колотятся за копейчку.

Но нельзя Москву не любить — есть тут красота дела, векового дела Москвы и России. Есть дыхание истории — мощное, грозное, благое, вечное.

* * *

Со временем люди меняют взгляды на историю. При этих переменах история реабилитируется. Влюбляются в прежде ненавидимое. «Сталинизм» породил «демократию». «Демократия» увеличивает число «сталинистов».

* * *

«Демократия» всерьез тоталитарна. «Права» — пропуск в то место, где ты их потеряешь.

* * *

Глобализм — всемирная революция. О которой так долго говорили большевики. С теми же целями. «Морда, прошу заметить, глумливая».

* * *

«Оппозиционность» внутренне неотменима. Хакамада не может не быть в «оппозиции». Комфортная пассионарность в чистом виде. Но что-то постоянно ложное в интонации, постоянный надрыв, срыв смыслов в речениях. Светская дама, по жизни, а вот же — «оппозиция»! К делу рук своих. Иначе говоря, собака лает — на карнавал идет.

* * *

«Оппозиция» — это часто не борьба с властью, а чисто половое влечение к власти.

* * *

Новое хорошо, когда в нем добрая доля старого. Старое хорошо без примеси нового. Вспоминаю, как нам в Песковатке (в Лисках) свет проводили. Он был необыкновенно яркий. Сияла лампа как сумасшедшая. Ощутимое чувство радости. Понимаю, что умиляюсь не яркости первого домашнего электрического света, а родным неэлектрическим сумеркам в доме. В хате с земляным полом. С глиняным. «Там, где мама молодая...» И живая.

* * *

Народ самоспасаем — это природа. «За Родину, за Сталина!»? За себя — за народ. Могли бы исчезнуть как народ, потому и кричали за Родину, за Сталина. Символы жизни. Да, за Сталина, по признанию фронтовиков, не очень-то. Больше молча. Садальский сказал по телевизору, что кричали (ему-де об этом говорили), такое: За Родину! За Сталина! За Целиковскую!

А вот будет война, и будут кричать: «За Садальского!»
И многие голоса сорвут!

* * *

Не учите меня жить! И без вас не умею. И с вами.

* * *

У гимна не должно быть авторов. Они не должны быть никому известны — до их смерти. А так — слова Михалкова, музыка Александрова. «Произведение», продукт. Какая бы гордость меня разжигала, если бы я написал слова гимна, и никто бы не знал об этом никогда.

* * *

Старая телевизионная трансляция. Гимн. Все встают. Товарищ Толстая сказала по телевизору, что никогда не встает, ни при гимне России, ни даже — о ужас, Толстая! ужас! — при гимне США. Трепет, трепет меня охватывает при ее смелых словах. Я теряю сознание, меня выносят. Пойти, что ли, на хоккей?

Вообще, хорошо, что некоторые люди не встают. С их стороны — честно (скорее, конечно, иное, не честность), а другим с ними стоять — вместе — нехорошо.

* * *

Раз в жизни, на Медведь-горе в Крыму, я попал в грозу, когда молнии сверкали ниже меня, долбили по скалам внизу. Убежденный атеист при мне перекрестился не украдкой. Бога нет? Это атеистов нет.

* * *

Телевидение морально погубит Россию. Едва ли, Перегудов. Такой силы, погубить, не существует.

* * *

Почему патриоты безрадостны? Ближе к библейской традиции...

* * *

Если серьезно: вот из первоначального астрономического хаоса выпаривается земля. Планета. Океаны кислот. Миллиарды лет реакций. Бактерии, белки слепились. Первичные организмы. Микро. Постепенно, какие-то растения оживают. Из океана на сушу. Что-то живое. Эволюция. Обезьяны. Первобытные люди. Человек.

Вот все это есть технология создания Богом человека. Это, начиная от хаоса, от первичного взрыва — все задумано Богом. А мы смотрим: вот, гляньте, микроорганизмы, вот эволюция, вот пищевая цепочка, и при чем тут Бог?

* * *

Во Франции стихийные бедствия обозначают по степени опасности разными цветами. Самое страшное — оранжевым.

* * *

Как легко пишут про смерть. Я тоже, глупец.

* * *

Не ударить в грязь молодцом.

* * *

Иррациональная ненависть-страх-вина-восхищение — это ведь есть в «мире» к России. В западной цивилизации это есть, к которой мы, считается, некоторым образом, частью принадлежим. Это, я думаю, схема, чепуха, потому что мы универсальны, и тем — непохожи на иные этносы. И вот: иррациональное темное к нам — и чем более неправду гундосят, тем более оттопыривают мизинец со стальным, бритвенным ногтем: вы не такие, вы растакие.

Мы не такие, кто спорит, да и вы тоже — так себе.

* * *

Власти США — принципиально не отличают вранье от правды. Не притворяются, что не отличают, а — не отличают на самом деле. С такими нравственными качествами хочется, конечно, раскладывать кучами «демократию» по всей земле.

* * *

Где все же правда? С кем она ходит?

* * *

Зло само себе адвокат, а добро само себе судия. И палач. Не делай добра — не получишь добра. Делай зло — многое получишь. По морде тоже.

* * *

В Шанхае есть памятник Пушкину. Классический бюст. Это не забудешь, этот Шанхай. Сразу понятно, что ты в миллиардной стране. Физическое ощущение, что живет в Китае миллиард. Плотное поле энергий. В университете встречался с профессорами, пережившими «культурную революцию», а раньше, до бедствий, они учились у нас в Москве. Это — внутренне — уже не только китайцы, как и наши дипломаты в консульстве — немного уже не только русские. Все люди чуток китайцы.

* * *

Покой нам только снится. Когда нам спится...

* * *

Умные люди сейчас в голос кричат, по журналам пишут: не в нефти и газе богатство России, не в них наша сила, а в интеллекте и в технологиях. Да никто и не против. Мы и интеллектом кормим Америку от пуза: там у них, в Силиконовой долине, наши выпускники целыми факультетами. Но вернемся к нефти. Если дело не в нефти и газе, то почему весь мир так жадно вертится вокруг этих вышек и труб? Почему, стоит исламисту-террористу взорвать метр нефтепровода в пустыне, как тут же колеблется курс доллара по всему миру?

Нефти у нас, понимаю, не так уж мало, в смысле запасов. Хорошо с углем у нас. С газом. И с интеллектом прилично. Все есть, а жизнь плохая относительно. Относительно хорошая жизнь, а не абсолютно. К чему призываю? Призываю, чтобы не верили тем, кто говорит, что нефть и газ — это чепуха, а интеллект и технологии — это наше все. Это неглупые люди говорят, но — в корыстных целях. Поаккуратней надо — о нефти. Не дурите. Нам понятны эти заморочки. А перед интеллектом, ну что вы, что вы — я и сам шляпу снимаю.

* * *

В тихий омут черти вводятся.

* * *

Иногда вижу, как белочка, ничего не боясь, скользит вокруг детской площадки по веткам дубов под моим окном и любопытствует на детей. Это белочка-женщина. И над нею кружит громаднейшая ворона.

* * *

Знаю, от знакомых через знакомых, московскую семью. Отец промышляет частным извозом, мать — курьер в конторе. Это — не беднота, тут дело похуже, это — чернь. Сыну — между пятнадцатью и шестнадцатью. Они, родители, с каким-то довольством и гордостью сообщают друзьям и знакомым, что решили купить мальчику проститутку. Думаете, для «опыта»? Нет. Для того, «чтоб не влюблялся, как дурак».

Когда умирать будут, он им воды стакан не подаст. А почему — они никогда не поймут.

* * *

У меня странное ощущение жизни: я ворчу, «выступаю», я недоволен тем-то и тем-то, я ненавижу многих политиков, я крайне остро переживаю всякие несправедливости. Я часто мрачен. Но поверх этого — или же глубже этого — мощный, живой восторг, благодарность миру, благодарность жизни, времени, судьбе, душе, телу, птицам в небе, рыбам в море. Родным людям. Листу на дереве и листу на столе. Я, грешник, думаю, что мы на самом деле живем в раю — здесь, сейчас. А смерть — это, может быть, изгнание из рая. Кто умеет ценить жизнь, тот поймет эту логику. Я хотел бы написать об этом роман. И напишу.

* * *

Почему Москва объединила Россию? Почему Киев не сохранил своей роли?

Мы учебники читали и историю знаем. Но там нет ответа, нет там все же ответа, лежащего глубже «истории».

А на самом деле он есть.

* * *

Куда девается оптимизм, когда наступает «свобода»?

* * *

Пастернак, пишут, искренне восхищался Сталиным. Это ему — в заслугу, эта искренность. Трогательно ведь: гений, а тоже слабый на анализ зла, вот — восхищался искренне.

Больше это — никому не дозволено. Получали-получали Сталинские премии, а, оказалось, ненавидели тирана.

* * *

Я понимаю гневно скорбящих, но ненавижу кликушествующих, похоронщиков, и тех в особенности, кто к месту и не к месту щеголяет фразой, насчет времен, которые в России «бывали труднее, но не было подлей».

Не грешите, ради Бога, потому что в России и во всем Божьем мире бывали времена и труднее, и подлее.

Вижу, больно искус велик: первым бросить горсть земли в могилу России, первым отпевать начать.

Остановитесь: Россия жива!

* * *

Чеховские три сестры дожили до Октябрьской революции. Стенания эти — «В Москву, в Москву!» — это же тайная рифма горьковскому «Буревестнику»: «В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике».

Желание «новой жизни».

Чехов тоже приближал революцию. Желание новой жизни предшествует революции, но когда революция свершается, она первым делом уничтожает желавших и звавших ее. А уж во вторую очередь, согласно известному изречению, революция пожирает своих детей. А в первую — все-таки тех, кто ее смутно и страстно желал.

1918 год. Чеховские сестры стоят и продают последние ложки. И боятся, что пьяные матросы их изнасилуют.

Их насилуют в подворотне и убивают.

Горький — в известное время — ужаснулся революции.

Чехов — не дожил до нее.

* * *

Сериал — это громадная, хорошо иллюстрированная сплетня. Чем и дорог сердцу народному.

* * *

Не каждый человек способен остаться с самим собой, сам с собой поговорить — до самого конца самых нелегких мыслей о себе. И труден самосуд.

* * *

В нынешней России принадлежность к политическому лагерю может привести в иступление. Мне милее всего работающие люди, которые, конечно, имеют политические взгляды, но на первое место ставят Труд. Большими буквами напишу: ТРУД.

А не политику.

* * *

Неловко писать об этом, но как ужасно злобны бывают старые люди. Я все понимаю: трудная жизнь, болезни, дети плохие — но, но! но нельзя старику специально, сознательно и довольно-таки сильно, беспричинно толкать в автобусе щуплого (и по этой щуплости и выбранного) мальчишку в спину, так что тот еле на ногах смог устоять, и кричать ему в лицо: «Ну, ударь! Ударь! Я старик, я тебя посажу! Тебе никто не поверит, а мне поверят! У тебя свидетелей нет!».

Я свидетель. Да никто и не ударит.

Но чем же мальчишка виноват, у него слезы на глазах от обиды!

* * *

В культуре, в искусстве, в пропаганде не только продолжается холодная война, но во всю мощь идет третья мировая. Горячая!

* * *

Если бы у меня оставалась последняя возможность что-то видеть последнее, после чего была бы только тьма, я выбрал бы лица женщин и детей.

* * *

В детстве три фамилии казались мне необыкновенно смешными. Пушкин. Гоголь. Толстой. Потом Тютчев и Фет.

* * *

Бывают сны такой концентрации ужаса, что я никому никогда их не буду пересказывать. Потому что ужас воплотится в слова, а потом это уж не забудется. Зачем? Свой ужас носи в себе.

* * *

Количество идиотов прямо пропорционально градусу революционности, количество негодяев — уровню демократии.

* * *

Читаю «Окаянные дни» Бунина, в который раз. Он прав. Все это из раза в раз повторяется. Украинской «революции» вовремя не дали в морду. Никакой революции и не было, хотя «морда» наблюдалась.

* * *

Говорят, что свобода — это возможность все получить. Но это ведь и возможность ничего не дать. В комнате с низким потолком нельзя выпрямиться в полный рост, а в комнате без потолка — нельзя жить.

Поэтому свободу нельзя «объявить». Ее надо долго строить, долго строить этот самый дом с высокими потолками.

* * *

Любовь — несвобода. Свобода в любви только одну разновидность имеет — предательство.

* * *

Старинный мой приятель прибыл в Москву из Лисок, жене не сказавшись. В Москве у него была дама сердца. И вот на Новом Арбате он не далее как через день встречает собственную жену под руку с московским кавалером. А должна была дома в Лисках сидеть, по всем прикидкам!

Сладка любовь в Москве!

* * *

Не каждый правитель столь даровит и счастлив, что может устроить «застой».

* * *

Глубоким вечером, не зажигая огня, моя мама разговаривала с Шурой. Я, набегавшись в декабрьской метели, неожиданно для себя заснул,

и проснулся от звука их голосов. Мама рассказывала свой сон: как она умерла и мучилась на том свете, и как пришел к ней старик ласковый, взял ее за руку и повел по черной, ночной узкой тропе над бездной адской. Она боялась оступиться, и потом вдруг почувствовала облегчение, в груди радость разлилась, и маму охватил покой, какого она никогда не испытывала в жизни, и о котором даже не знала, что такой покой бывает.

Я замер, слушал... и впервые подумал о смерти, и впервые понял, что бояться — нечего, только жаль бесконечно будет оставить здесь, на земле, своих.

Шура потом стала моей крестной матерью, а маме тогда было только тридцать лет и четыре месяца.

Какая из всего этого мораль? Не знаю, вспомнилось... Мама рассуждала о жизни и грехе, о смерти как пути в вечность. Это был глубокий философский народный разговор, стоящий, по внутреннему весу, толстых книжных томов. Я их неисчислимо прочитал, но ключ — там, в сумеречном вечере декабря 1959 года, когда мне было десять лет, когда метель гудела в печных ходах, а замерзшая вишня веткой шуршала по оконному, в морозных узорах, стеклу.

Этой вишни давно уже нет.

Нет и мамы. Она далеко.

* * *

Искусство (гуманистическое) — это комментарии к десяти заповедям. Негуманистическое искусство... что это такое? Одиннадцатая заповедь невозможна, потому что человек хоть и склонен к мерзостям, но не совершил еще, не придумал одиннадцатого греха. Придумает? Совершит?

* * *

Стенают о «новой вечной России», с наслаждением скорбят, сладострастно проклинаяют. С напряжением чувств сосут водку. Все в честь и ради России!

Ты делай что-нибудь, а не только водку лопай!

Россия — она и так каждый день новая, только удивляться успевай. И с ее вечностью все правильно, если только не считать, что страна погибает всякий раз, когда флаг меняется.

Делай, говорю тебе, что-нибудь для этой вечности.

* * *

Можно ли не согрешить? Возможно ли? Поэтому так мало святых...

* * *

Добро всегда побеждает, и если ты не веришь мне, то посмотри окрест: если бы зло одолело хоть один раз, ничего бы уже не было на земле. И никого. В конце концов, посмотри на себя: не есть ли и ты победа добра над злом?

* * *

Юмор, который построен на коверкании языка, вызывает смех, похожий на отрыжку.

* * *

Статуя Свободы в Нью-Йорке сделана из уральской меди. Такая история со свободой и медью приключилась между Россией и Америкой. Меди не жалко, жалко Свободы.

* * *

Со времен Гоголя как фантастически, как странно изменилась Русь! И — осталась прежней, потому что никак не изменился человек. Все те же мы.

В этой мысли радости немного.
И нет в ней тоски!

* * *

Все ветру кланяются!

* * *

Всю жизнь гриппом не болеют.

* * *

Народ не должен хныкать.

* * *

Ты жаждешь определенности дороги. Решись.

* * *

Бес найдет сто причин.

* * *

Господь пути знает.

* * *

Я всегда рядом с молнией.

* * *

Если ты не пережил встречи с Богом, то что ж ты об этом судишь?

* * *

В юности тело ликует, в старости тело скорбит. Что же душа? Видно, спит.

* * *

Против мелких бесов нужна свирепая цензура!

* * *

В молодости государство казалось мне прочной конструкцией. Оно и должно быть прочной конструкцией, но сделать его таковым могут только прочные люди.

* * *

Государственные перевороты в Грузии, на Украине и в Киргизии упорно называют революциями. А что там такое особое случилось? Было ваше, стало наше. Если так понимать, то, конечно, первостатейные революции мы видели.

* * *

Духовность — это и есть кризис и страдание.

* * *

Советский Союз еще не оплакан. Еще предстоит братское рыдание. Но поздно... И кажется мне, что все это — Карабах, Чечня, Приднестровье, Украина — все это и есть мучительное рыдание народов по Союзу Советских Социалистических Республик.

* * *

Есть до слез трогательный обычай — в поминальные дни раздавать конфеты.

* * *

В одну реку нельзя войти дважды... Отчего же, можно. Но не следует. Хотя есть такая река, куда дважды не войти — юность. А в старость сто заходов.

* * *

Перелетные птицы избирают путь по линиям магнитного поля. У человека и этого нет. Бредет, беденький, и хорошо, если на дальнюю колокольню оглянется. (Вне метафоры: церкви и строятся как раз на узлах магнитных линий, где полегче сердцу. По-научному это называется витагенная зона. В отличие от патогенной — словосочетание современному человеку более известное).

* * *

Мужчины правят внешним миром, а женщины — внутренним.

* * *

Жены царей с тревогой читают сонники.

* * *

Королевы любят смотреть на юных пажей. Королевам страх как хочется знать анекдоты молодых фрейлин.

* * *

Как хотелось бы верить, что человек разумен. Он, скорее, просто практически умен, сметлив. Большого, видно, и не требуется для текущей жизни. Настоящий ум, прав Грибоедов, способен принести горе.

* * *

Студентка-журналистка (второй курс) пишет с восторгом в политическом журнале, что на Западе давно решены проблемы с цензурой телевидения: жестко ограничен показ жестокостей, насилия, натурализм, эротика.

Дети уже все понимают! На них, видно, и надежда.

* * *

Борьба идей происходит даже тогда, когда идея за себя не борется. Монархическая идея, например, жива. Она борется с коммунистической и «либеральной». Между тем, миром должны править твердые законы, а не благие идеи. Их, в сущности, и нет так называемых благих идей. Либо они похожи на наивных девушек, которых развращают опытные богатые старики. Вот только что юностью благоухала, а вот уже...

* * *

Этническая солидарность: не выдавать своих, даже если объективно они уже чужие. К этому по-разному можно относиться, но больше всего хочется позавидовать. Потому что у нас свои своих — запросто. Без необходимости даже. Это противоположно завету «положить живот за други своя».

* * *

Мы все запутались!

* * *

Быть перелетной птицей — трагедия.

* * *

Никогда не спорьте о патриотизме.

* * *

История Польши — история гонора.

* * *

Встретил на улице парнишку из нашего дома. Бежит, глаза горят.
«Куда, Костик, летишь?»

«По бабам», — отвечает. Я педантично, уважительно и завистливо поправил: «По девкам!»

* * *

На студенческом семинаре в нашей группе зашел спор, давать ли нищему алкоголику опохмелиться. Не дать — умрет. Дать — умрет, но позже. Страсти были нешуточные. Жуть в том, что спорили молодые алкоголики. Не в этом жуть, а в том, что оба они через несколько лет покончили с собой. По водочной реке уплыли в ад. Они были поэты. А вслед за ними ушел той же дорогой и еще один поэт из нашей группы. В которой было всего-то двадцать пять человек. Как если бы земля разверзлась провалом и поглощает их на моих глазах, и в этот миг немота ужаса скывает уста.

Прошло много лет, и мне нечего сказать об этом.

* * *

Злобного пса украшает хороший намордник. Это, хотел бы я уточнить, метафора. Собак-то я люблю.

* * *

Сила и красота природы проявляются как сила и красота женщины. Они полностью параллельны: женщина и природа. Мужчина для женщины — предмет часто утилитарный. Поделом нам, мужики!

* * *

До чего ж авторитарна политкорректность, аж смех берет. Не оскорбил я вас?

* * *

Бывают такие души, которые недостойны красивых тел. Иногда некрасивое тело мрачит высокую душу.

* * *

Не оплакивайте непотерянное.

* * *

Почему женщины большой красоты часто становятся стервами? Они защищаются. Потому что к ним отношение как к лакомству. Ведь в под-

лый ряд включены: сигареты, вино. И женщина, третьим пунктом. А ведь ей красоту Бог дал, и неужели для продажи?

У низкой души красота вызывает злобу.

* * *

Однажды, в солдатах (я служил в стройбате), я заснул в обед, в степи на траве, и ко мне на грудь заползла гадюка. Мы смотрели друг на друга. Я не шелохнулся. Она скатилась с груди. Я написал потом несколько писем подряд: маме, девушке, но об этой гадюке никому ни слова. В ответном письме мама спрашивала: «Сынок, что с тобой там случилось?».

Мама, ничего не случилось. Просто гадюка заползла на грудь. Только и всего.

* * *

Я — это мальчик из фильма «Ночной гость» 1959 года. Домик на берегу огромного озера, пристанище случайных городских постояльцев, рыбаков и охотников. Смоктуновский, очень еще молодой, играет городского хлыща, решившего «покорить» юную дочь хозяйки домика. Патефон, танцы, хлыщ разливает по стаканам белую, но сам не пьет.

Мальчик лежит на печке и читает книжку.

* * *

Армия, поздняя весна 1969 года. Утро в степи, алой от тюльпанов. В утренних почти еще сумерках алое кажется серым, но быстро набирается родного цвета. Утренняя красная заря, в другом краю неба висит серебряная луна, над ракетным стартом сияют яркие лампы прожекторов, а мы сидим у костра, и он все еще отбрасывает тени. Из глади степи возникает бесшумно (низкий рев прикатил позже) огромный серый «стратег» — самолет дальней авиации. Неправдоподобно медленно поднимаясь, он окрашивается красным золотом.

Мне нет еще девятнадцати. Мы работали тридцать часов подряд. Я очень хочу есть и спать.

* * *

Как богата все-таки наша Россия. Множество людей кормится одним только ее оплевыванием.

* * *

Никто ничего не знает о жизни, не пережив большого горя.

* * *

Мой дед Андрей Васильевич Машин был казак Войска Донского, Георгиевский кавалер. Конечно, он был к коллективизации «кулак», жил в хате под оцинкованной крышей. У нас создавался колхоз «Волна революции». Хлестанула эта волна дикой силой. Дед в колхоз записываться не хотел, лежал, черный, дома у себя. Пришли к нему бедняки во главе с

беспросветным лодырем Филей. «Андрей Василич, или мы тебя на Соловки, или пишишь в колхоз».

Да я же, отвечает, кулак, куда мне в колхоз. «Если ты не запишешься, никто у нас не запишется. Все село Советская власть покарает! А за тобой люди даже и в колхоз пойдут. Запишись, Христом Богом тебя молим». Записался, хату отняли под правление, но потом, после «Головокружения от успехов», отдали назад, но уже без крыши — крышу все же Филя себе снял. Потом, в колхозе, уже разжалованный из председателей, Филя приходил к деду и говорил: «Андрей Василич, если ты мне мешок пшеницы даром не дашь, я у тебя в сенях повешусь». Дед давал.

Перед войной Андрей Васильевич возил в Москву на выставку выращенного им могучего племенного быка, получал грамоты. Был и орден Трудового Красного Знамени — указом Сталина, из рук Калинина.

Он умер, когда я служил в армии, в 1968 году. За дни перед смертью ползком (!) добирался до огорода, руками, навек скрюченными от работы, рвал сорняки на картофельной гряде. Мама не могла удержать его, плакала. Вечный, природный был крестьянин.

Еще через много лет после этого, в конце семидесятых, я приезжал домой, шел на Дон, видел — старый Филя ловит с мальчишками рыбу. Всю жизнь он был бездельник, бывший председатель «Волны революции», всегдашний холостяк, потому что с ним ни одна баба не захотела жить.

После его смерти осыпалась, стала разваливаться неприютная его хата под оцинкованной крышей.

На концерте пародистка с птичьей фамилией «пародирует» великую Зыкину. Под фонограмму песни о Волге кривляется, гримасничает, вертится как обезьяна, делает похабные жесты. В это время в зале никто не хохочет. Женщины поют. Вместе с Зыкиной.

И лица их светлы.

В церковном православном языке есть слово — радостопечалие. Не скажешь лучше о жизни. Все тут.

Благородство есть действительное уважение себя.

Шепчут пески пустыни: жарим мираж.

Прилепился ко мне несчастный больной пес, идет и идет за мной, и пошатывается. И я боюсь его: вдруг бешенство! А он, скорее, просто страшно ослаб от болезни, болел где-нибудь всю зиму и весну у теплых труб в подземном коллекторе, и вот выбрался погрызть спасительной травы.

В чем он виноват? Ни в чем, а, видишь, бедует!
Много таких и в человеческом образе.

* * *

Каждое «новое» время сладострастно крушит «старые» идеалы. Каждый сокрушитель оказывается сокрушенным. Иначе не бывает, но сатана без усталости крутит это колесо!

* * *

Воронежская область, село Песковатка, Дон. На правом высоком берегу были немцы, итальянцы и венгры. На левом — наши, моя мама. Когда начинался артобстрел, мама убежала из хаты просто в чисто поле. Хату разнесло как-то одним снарядом, мама только-только успела убежать. Зимой гнали пленных через село, один из них, венгр, «мадьяр» их у нас тогда называли, упал без сил. Мама (жила тогда у деда, у Андрея Васильевича), затащила его в хату, дала что-то поесть, попить. Он показывал фотографию жены и детей. Красивые, говорила мама.

Они (пленные) не виноваты, говорила мама, их немцы на войну гнали. Если мама так считала, то, стало быть, так оно и есть. С матерью спорить не буду.

Она рассказывала, как через наш огород к Дону (плавали через Дон) ночью шли на разведку наши. А утром возвращались, не все. Кто в крови, кого на руках несли, кого не вынесли...

Мама с сестрой ходили «подкапывать» молодую картошку, есть было нечего. С правого берега стреляли — не по ним, а упреждающе, чтоб не подобралась к картошке. Смеялись...

Сейчас в Воронежской области венгры построили памятник своим.

Недалеко от Лисок вытащили из воды два танка Т-34, в восьмидесятых годах. Один поставили на постамент, второй, подбитый, утащили на металлолом. Этот второй танк был до поры на колхозном машинном дворе. Остов без башни, разбитый мотор, и из этого мотора натекло на землю густое черное масло. Как кровь убитой машины.

Я взял из разбитого мотора кусок стали, полукольцо подшипника. Война была совсем недавно. Не давно.

* * *

Детство. Лето. Под тополями на траве одеяло, подушки. Кислые первые яблоки. Тетрадка в косую линейку, карандаш. Я сплю, убаюканный ветром.

Счастье есть. Оно было.

Тогда в нашем селе еще не вешали замки на дверях. И люди еще не вешались.

* * *

Дама с камнями и баба с собачкой.

* * *

Мерцание лугов... как малахит, неполная луна — упругий лук, билет на поезд — путешествий пыль, и розовый, и розовый сосок, дите бормочет, сладко кошка спит, пустой речной трамвай, издалека привет, старинный друг и верный старый враг, какой-то пряный и невнятный сон — о теле — да, да, да, не о душе, под вечер выпьешь с другом и молчишь, или ведешь неспешный разговор, плохая весть — но нет, не подтвердилась, упало дерево в тишайшую погоду, Бог есть, мы — доказательство тому, предотвращен теракт, все, все остались живы, зеленый дым лесов, когда над ними дождь. Мои здоровы все, и слава Богу.

Но вихри враждебные — веют над нами.
Да и черные силы всегда наготове.

* * *

Оппозиция разных оттенков занята тем, что образует импотентные политические союзы, жует жвачку про «свободу слова», предсказуемо гневается и бесстрашно смеется. В общем, пародист Максим Галкин — главный оппозиционер. Когда он Путина передразнивает, Путин, я думаю, улыбается от удовольствия.

* * *

Питие предопределяет небытие.

* * *

Подойди к зеркалу, посмотри в него и подумай, кем же ты стал. Выдержишь ли собственный взгляд. Я говорю это себе. И тебе.

* * *

Ни низость человеческой души, ни высоты ее измерить нечем. Разве что — простым сравнением с абсолютом. Имя его всеу не назову.

* * *

В середине девяностых у меня случился разговор с двумя немцами, которых я водил-возил по Москве. Замотал их окончательно, так, что на прогулку по Москва-реке на катере сил у них уже не было. Мы присели отдохнуть у памятника Кириллу и Мефодию на Славянской площади. Один немец был лет сорока пяти, другому было семнадцать. Отец, Отто, и сын, Юрген. Отто сказал мне, что у нас в России все пошло бы гораздо лучше и быстрее, если бы мы решились на одну небольшую реформу. Я ему ответил в том смысле, что одной больше, одной меньше — уже для России не принципиально. Какую мы должны, Отто, реформу сделать?

Перейдите, говорит, с кириллицы на латиницу.
Это дельная мысль, киваю, но мы это сделаем попозже.
Когда, спрашивает?

Когда японцы отменят у себя иероглифы и тоже перейдут на латиницу. Мы — вслед за ними, сразу же, — отвечаю.

Отто улыбнулся, Юрген захохотал.

Приглашали они меня потом в Германию, да я не поехал.

Во-первых, я там был уже два раза, и даже Берлинскую стену видел, а во-вторых, повидал я немцев неисчислимо, когда учился в Воронежском университете. Люди как люди. Я дружил с ними и не мог понять, откуда там фашизм взялся. Я-то по наивности думал, что он в людях сам собой заводится, а гитлеры просто им управляют. Знакомым студентам-немцам я много рассказывал про войну, со слов мамы. Один из них оказался парнем очень интеллигентным, его отец был в ГДР дирижером симфонического оркестра. Ганс, а называл я его, как его друзья, Ханс, так мягче звучало.

Как я понял позже, этот Ханс мучился комплексом немецкой вины перед Россией. Он плохо знал русский, а я плохо знал немецкий, потому, живя в одной комнате в общежитии, мы объединили умственные потенциалы. Помогали друг другу переводить туда-сюда, с русского на немецкий, с немецкого на русский. Университетские общежития образовывали каре, над угловым зданием, где столовая и кухня, возвышался высокий черный параллелепипед трубы, из которой все время валил дым. Весь студенческий интернационал, включая немцев, хладнокровно и без задней мысли называл эту столовую Бухенвальдом. Ханс это дело как-то пропустил, видно, мимо ушей. Человек он был, повторяю, интеллигентный, ходил в Воронежскую филармонию, крутил классику на пластинках, что до крайности раздражало жившего с нами в одной комнате негра из Нигерии — любителя джаза, а мне нравилось до крайности. Вот мы однажды переводили-переводили, и Ханс мне говорит: «Пойдем в столовую!» А я у него спрашиваю: «В Бухенвальд?»

Он побелел, как мел, так, что наш нигериец даже перепугался.

— Ты не должен так говорить, Виктор, — сказал Ханс.

— Почему это? — удивился я, но, думаю, поздно.

Мы в этот день уже больше не разговаривали, к вечеру он перебрался в другую комнату. Конечно, он рассказал своим немецким ребятам про этот разговор, и они ему все объяснили, и он сообразил, что я не хотел ему ткнуть в лицо это слово.

Но мы не могли с того времени разговаривать друг с другом, никто не мог сделать шаг навстречу. Ханс учился в Воронеже один год, два семестра, а после этого должен был уехать продолжать учебу в Москву.

Однажды я вбежал в фойе общежития и увидел человек десять-пятнадцать студентов-немцев с чемоданами. В Москву они уезжали. Больше в фойе никого не было, разве только вахтерша дремала. Вот все они, немцы, смотрели на меня и на Ханса, и все молчали. Все знали, конечно, эту нашу историю — про эту столовую во дворе и про то, что был, был ведь в истории и другой, совсем другой Бухенвальд.

И мы смотрели мучительно друг на друга, а потом какая-то сила нас толкнула друг к другу, и мы обнялись. Одна немка заплакала.

Я пожал всем им руки и пожелал счастливого пути.

Пусть кириллица останется кириллицей, а латиница латиницей. Понять-то друг друга можно. После войны.

* * *

Макиавелли призывал государя не огорчать знать и быть угодным

народу. Это годится и сегодня. Особенно, если знать не будет огорчать народ, а народ перестанет огорчать Бога.

Государь в такой ситуации достоин памятника при жизни.

* * *

Дети, поющие от грозы.

* * *

Насильно сильно мил не будешь.

* * *

Приснился мне лев, когтящий мою грудь. Он был неутомим, а я не мог ни умереть, ни проснуться.

* * *

Римские сандалии шились не на правую и левую ногу, а так, просто, без деления. Не различались мужские и женские сандалии.

А вы говорите, римское право, римское право!
Беспредел!

* * *

Мало беременных.

* * *

На свете счастье есть. Покоя нет и воли.

* * *

Поехал я домой, в тот город, в ту деревню на краю города, где родился. На привокзальной площади стоит на столбе ангел. Рядом был когда-то сквер при вокзале, а в том сквере — бюст Ленина. В парке Ленин тянул вверх руку с фуражкой, как будто на собрании слово просил. Ленин был домашнего вида, не величественный. Выражение лица — нетерпеливое, как при переходе от продразверстки к продналогу.

Раньше царствовал на каждом плакате и на каждой площади Сталин, но этого я не застал.

Город делается все краше, все время строится, много приезжих из южных республик. Это русские беженцы, мгновенно поднявшие целые улицы не домов даже, а настоящих усадеб, превосходных коттеджей. Вместе с этими нашими гостями завелась в городе наркомания.

Строятся прекрасные церкви и городской собор.

Есть изумительный музей, в котором, как водится, наш город от первого своего дня, наша родная земля от бивня мамонта и океанических окаменелых моллюсков до наших дней. Музей славный, держится любовью и трудом основателя и хранителя Аникеева Александра Владимировича, теплой заботой умной власти.

В музее, в разделе революции, рассказывается, что в Гражданскую войну на ж/д станции выступал перед красноармейцами Троцкий.

Мне это вообразить легко. Троцкий орал. Ни один человек ничего не понял. Каждый второй красноармеец мысленно примерялся, как бы этого горластого посадить из винта.

Прибавлю, что Пухов, персонаж Андрея Платонова, действовал аккуратно в этих местах — у станции Лиски (описан и этот митинг с Троцким). Этот платоновский полог как бы наброшен на город, и описывать наши Лиски (а ранее, о, музыка сфер, город Георгию-Деж, ранее Лиски, ранее город Свобода, ранее Лиски — каково?), описывать все это можно только словами Платонова.

И их не хватает.

Жизнь тут, как и везде, ходит кругами. На железный болт навинчивают медную гайку с другим шагом резьбы, и он ее режет.

Выше города, на правом берегу Дона — высокие меловые холмы. Этому мелу самое большее — 137 миллионов лет, самое меньшее — 70. Это — дно океана.

Город настолько жизнелюбивый, настолько прочно ввинченный во время, что кажется мне, что и в меловом периоде он уже был. Отхлынул океян, а Лиски уже строятся.

Все люди вечно живут. Я на это твердо рассчитываю. Если уж моллюски...

* * *

Птица летит, а ветер ей крыло ломает. Можно бы и пониже ей лететь. Нет, нельзя. Не надо лететь ниже, чем можешь. Не надо. Крылья ослабнут. Разобьешься.

* * *

Протяни руку. Скорее! Скорее!

* * *

Все к Тебе идем, Господи.

* * *

Всего-то дел... Достроить другу дом,
Бездомно пошататься по губернии,
Забыв про всех, кому долги, наверное,
Не выплачу по гроб...

Со стариком —

Пьянчужкою
В последней электричке
Очередную власть пообложить,
И выйти там, где, в общем, негде жить, —
А сходишь вот,

по странности привычки.

Тут, как ответ, держать чужую речь
Перед какой, неведомо, толпой,
А напоследок, став к себе спиной,
Единственное право приберечь —
Пророков из немыслимых отчизн
Не призывать прояснить наважденья —
Знать самому почти что от рожденья:
Всего-то дел... Прожить в России жизнь.

* * *

Эта ночь —
Как тяжкий пласт графита
Из холодных копей ноября.
И конца ей нет,
как будто вбиты
В тьму — по рым — глухие якоря.
Не найти звезды над головою,
И костром не выманить рассвет...
Тополь к небу
стынущей землею,
Словно перст,
Неистово воздет.

* * *

Над поседевшим полынью курганом
Месяц встает — не червленый ли щит?
Клекотом орлим, далече и рано,
Здесь еще вещее «Слово...» звучит.

В ветре запела сухая былинка —
Что-то былинное, мира седей...
Послонец — шеломы бурых суглинков
Ливни размыли до русских костей.

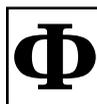

Валерий Владиславович Бубельник родился в 1964 году в городе Троицке Челябинской области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт. Работал учителем, обозревателем районной газеты «Лискинские известия». Публиковался в региональных изданиях, журнале «Подъём». Автор книг художественной и документальной прозы «Чертово колесо», «Мешочек серебра», «Лискинская сторона» и др., соавтор фотоальбома «Лиски и Лискинский район». Лауреат премий Союза журналистов России, администрации Воронежской области. Живет в городе Лиски.

Валерий Бубельник

ПОКРОВСКИЕ РАССКАЗЫ

ДИАЛЕКТИКА

Фильм всему виной. Даже не фильм, а сопутствующая ему погода, которая портилась на дождь. Скверная такая погода, спорная. А фильм был солнечный, романтический. Неземные женщины с волосами цвета старого золота, яхты, далекое море с чайками снежной чистоты и прочие аксессуары роскошной жизни. Женщин то любили, то бросали. Женщины красиво страдали в шезлонгах, а пресловутые чайки кричали о неразделенном чувстве.

Давя ботинками осеннюю слякоть, два кума возвращались из сельского клуба. Один — толстяк-резонер Семен — работал киномехаником, был женат и при детях. Другой, по прозвищу Скульптор, не имел ни веса в теле, ни семьи и предпочитал всем официальным работам ответственную должность клубного художника-оформителя.

Прозвище Скульптор прилепилось к сорокалетнему холостяку Михаилу еще со школы, когда он на уроке вылепил из пластилина Венеру Милосскую. Преподаватель была в педагогическом испуге. И не верила, что анатомические подробности древней красотки почерпнуты исключительно из картинок учебника. С тех пор античные формы не давали юноше покоя.

Он ваял их из глины, резал из мела и дерева, добиваясь пленительного совершенства.

В десятом классе Мишка влюбился. И после прогулок под луной, хмельных поцелуев и сумасшедших клятв Миша предложил девушке быть его натурщицей.

Девушкам нравится, когда их запечатлевают в веках. Это льстит их слабости — быть богиней.

Акт творения происходил в сарае, где после уроков запирались влюбленные. Это и вызвало первые подозрения родителей, подумавших по своему культурному невежеству нехорошее.

Родителей разубедили, сказав правду. Хотя главным аргументом оказалось другое: Настя — невеста на выданье, а Мишка парень правильный, трудолюбивый.

Статуэтка получилась как живая. С пленительным поворотом головы, улыбкой, великолепной линией ног и прочими прелестями. Тепло, которое исходило от гипса, а главное — поразительное сходство с оригиналом дали непредвиденный результат.

Мишка с согласия подруги показал скульптуру на школьной выставке. Тут и случилось непоправимое. Школьники ковыряли статуэтку пальцами. Школьницы краснели и завидовали.

Михаил сдерживался. А затем дракой прекратил глумление над дорогой ему копией возлюбленной. Мать вызвали в школу, после чего на сарай-мастерскую навесился бескомпромиссный замок.

Настя с неделю не показывалась от стыда в школе. Вечная любовь кончилась крахом.

Вернувшись из армии, Мишка придал своему таланту практическое применение. Делал на заказ. За заказами приезжали со всей области. Продолжал делать и для себя, непродажное. Специалисты ему благоволители и советовали учиться.

Но вернемся к осеннему вечеру, случившемуся после просмотра фильма о красивой жизни. Спорить кумовья начали еще в клубе. Неженатый идеалист Михаил прекрасно понимал всю наигранность картины. Но неожиданно для себя принялся заступаться за сверхъестественно красивых персонажей. Может, всколыхнулись воспоминания о Насте. Может, еще что, только Скульптор вдрызг ошетинился на реплику киномеханика: «Брехня! Такого не бывает!»

— Тебе же только что показали!

— Знаю я этих красавиц! Краска на морде и Менделеев на башке! Выбирает один, а пользуются все! Вон, к примеру, бухгалтер наша. Кто ее только не возил на шашлыки... Из производственной необходимости, — съязвил Семен. — Секс-символ с КЗОТом под мышкой.

— Ты, кум, какой-то ушибленный. Женщина — это мечта прежде всего!

— А мечта женщины — зарплата мужа. Тебе по фигу — не женат, не поймешь. Ты на гипс всю зарплату грохачешь. А мы — люди простые, нам детей кормить надо. А с идеалом пообщаться — если только скалымишь. Винца возьмешь, шоколадки — и хоть к тому же бухгалтеру. Наобщался с прекрасным — и привет!

— Кому привет?! — закипятился Михаил. — Чего ты узлы вяжешь? Бухгалтер! Да у нее глаза — пуговицы нечищенные!

— А что тебе до ее зенок? Нормальные зенки, без очков. Между прочим, для бухгалтера — редкое достоинство.

— Ну уж нет. Противно.

— Вот женишься, не на ней, конечно, сразу не противно станет. Хотя, когда тебе жениться, тебе бы только гипс лапать!

Скульптор замолчал. Ботинки идущих противно чавкали по поздней осени.

— Слышь, кум, — остановился Семен у калитки, — давай заскочим к тебе, подсушимся. Дырка у меня, что ли, в башмаке?... К тому же до-мой пока не хочется, — продолжал Семен, пока кум открывал дверь. — Вообще-то мы с женой душа в душу живем. Вот сейчас приду — все уже готово, наставлено, постелено. А у тебя, небось, и пожрать нечего.

По правде говоря, ботинок здесь был ни при чем. Просто киномеханику хотелось продолжить разговор. Убедить кума, да и лишний раз себя самого, что он правильно живет, без противоречий.

Уложив носки и ботинки возле печки, Семен прошел в комнату. В углу на табуретке стояло что-то, накрытое простыней.

— Чего это там? — поинтересовался Семен, мимоходом осматриваясь насчет еды.

— Бухгалтер, — хмыкнул кум, — в разрезе. Картошку будешь?

— Сыпь!

Хозяин поставил сковороду, достал банку грибов.

— Эх, под такую-то закусью... — вздохнул киномеханик.

— Ну, утроба! Ты ж скоро шнурки сам завязать не сможешь!

— Вот на это жена и требуется! — заулыбался Семен при виде бутылки.

— Я не буду, — предупредил хозяин.

Семен опрокинул стопку.

— Бухгалтер говоришь? Глянуть можно?

Под простыней оказалась небольшая скульптура девушки. Кум заходил вокруг, придирчиво оглядывая новую работу. Михаил терпеливо ждал суда.

— Ну? — не выдержал наконец.

— Грудь маловата! — задумчиво изрек кум. — Это не грудь, это прыщ какой-то! Вот у бухгалтера — это да! Раздолье!.. А шея, — продолжал он, — шея длинная, как у висельника. Улыбается еще чему-то, идиотка! Я б на ее месте — камень на шею и в воду! Как она называется?

— Купальщица, — мрачно ответил Скульптор.

— Вот-вот! — подхватил Семен. — Она на верном пути... А руки? Чего она их задрала? Жарко, что ли?

— Ну не знал я, куда ее руки деть, — растерялся Михаил. — Не знал!

— Ребеночка подsunул бы. Нехай нянчит. Я где-то уже это видел, так делают.

— При чем тут ребенок? Она же купальщица, девочка! Невинное совершенство!

— Ну не скажи! Моя, например, далеко не невинная, но давно совершенная. Дура. Без единого изъяна.

Вспомнив, что ему тащиться еще черт знает сколько, Семен выпил снова.

— По молодости она была еще ничего. А вчера, прикинь, нашла у меня поллитру и с маху об забор ее. Я ей говорю: «Свои же деньги коло-тишь!» А она... Эх! Может, ты и прав, что с живыми бабами не связыва-ешься. Эту вон поставил в угол. Пыль только вытирай.

В дверь постучали. Забежала молоденькая соседка спросить спичек. Увидела статуэтку и зашлась в восторге. Михаил порозовел от удовольствия.

— Слушай, сосед, сделай и мне такую. В серванте место пустоует, а она там в самый раз! Сделаешь?! — подмигнула игриво.

Семен ткнул кума в бок:

— Лови ситуацию! Твой гипс только глаз может ласкать, а эта все остальное за милую душу!

— Отвяжись! — смутился хозяин, невольно посматривая на брызжущую энергией живую женщину.

— Ну, сосед, сделай? Я в долгу не останусь, — прильнула она кудрявой головой к плечу Михаила и тут же, маня, отстранилась. — Так как?!

— Попробую, — буркнул Михаил. — В сервант, значит, в сервант.

— Скромник ты наш! — вошел в раж Семен, ощутив себя свахой. — Попробует он! Только такую доходягу больше не лепи! Создай этакое, настоящее, чтоб душа пела! — В животе кинемеханика заурчало. — Я тебе подкажу, как надо!

Семен выпил еще. Угостили и соседку, вмиг запьяневшую. Хозяин, слушая ее рассыпчатый смех, разволновался. Принялся было объяснять соседке про принципы искусства, толковать о халтуре и творчестве, но быстро умолк, сообразив, что здесь это никому не нужно.

Между тем разошедшийся кум взялся за дело всерьез. И предложил ваять непосредственно с соседки. Прямо сейчас.

Не откладывая затею в долгий ящик, он отыскал в столе ком пластика, сунул его скульптору, а соседку заставил улечься на диване в томной позе. Сам сел рядом, поглаживая те места натурщицы, на которые, по его мнению, Михаилу следовало обратить особое внимание. Поглаживание сопровождалось развеселым потоком прибауток.

За шумом никто не услышал, как отворилась дверь и в комнату вошла жена Семена. Постояла на пороге, созревая до кипения.

— Кажется, у вас ночной сеанс? — наконец зловеще выдавила она. — И почему билетик?

Соседка вылетела пулей, забыв про спички и интерьер для серванта. А ополоумевший от неожиданности Семен успел только приподняться, как на голову ему обрушилось первое, что попало под руку — статуэтка купальщицы.

Свершив акт возмездия, жена кинемеханика неторопливо удалилась.

Семен сидел на диване, раскачиваясь и держась за суровую шпешку. В наступившей тишине было слышно, как под полом скребется мышь.

— Все они одинаковые! — вымолвил он наконец. — Что живые, что гипсовые. Все одно — камень!

УДАВ НЕБРИТЫЙ

— Сколько нас было? Четверо? Один говорит: «Загонишь эту фальшивую кольцо?» — «Ну, а почему ж нет?»

Пошел я. Подхожу на рынке: «Слышь, купишь?» — «Куплю!» — «Ну, на тебе». Он ее берет. Сколько-то я там отошел, может, метров пятнадцать, он как за мной: «Гэй!»... Ну, короче, убог я.

Седая листва поздней осени слетелась на песчаные улицы Покровки. Каркает истошное воронье, и трем мужикам у калитки давно хочется выпить. Пятидесятилетнему Сашке — кряжистому, с грудью навывкате и похмельной щетиной на лице — хочется особенно.

Все трое холосты. Их прежние жены долго ошибались, прежде чем развестись окончательно.

Выпить хочется. Самогон есть. Но такой удушливый, дешевый, что без закуски — грамм не пролезет. И Сашка вновь стучится в дом матери.

— Чего? А? Чего? Сам знаешь, ничего у меня нету!

— Мам...

— Есть нечего!

— Я не есть пришел.

— Ты когда на работу пойдешь?!

— Сегодня... нет, после выходных.

— Сколько выходных прошло! Да ты еще собаку завел. А ей полбуханки в день!

— Полбуханки? Буханку!

— Два кобеля! Так тот хоть брешет, а ты?

— Я? А я тоже скоро гавкать начну. По буханке хлеба мне давай!

— Ты на чего похож, погляди. Ты себя в зеркале угадываешь?

— Бросаю пить, мам. С сегодняшнего.

— Дня три-четыре не пьет — и опять!

— Мам!

— Уже говорила, что матери у тебя, можешь считать, нет.

— Как? А это кто?! — куражливо тычет пальцем Сашка.

— ...и буду умирать — не подходи ко мне прощаться, — отталкивает старушка полезшего обниматься сына. — Не подлазь! Работать поступай!

— Да где она, эта работа? За сто пятьдесят могилы рыть? Я лучше буду поставлять для них!

— Клоун!

— Эх, ма, какой ты тяжелый человек! — восклицает Сашка и делает рывок в сторону чулана, где провизия. Но чулан на замке. Мать неторопливо складывает фигу и подносит к Сашкиному носу:

— Закусил, удав ты небритый?!

— Мама, удав ведь он скользкий! — смеется сын. — Ну дай зажевать.

Ребята ждут.

— Пусть работают, собутыльники! Вон Трынка нашел работу.

— Ага, Трынка...

— А ты не Трынка?

— Его били тут, били, чуть не убили...

— Его не убили, а тебя убьют.

— Меня? А кто-эт меня убьет?

— Убью-ют! — торжествуя протягивает мать. — Сама убью!

— Ого! А потом хоронить! А за что?!

— Пойду в депо, попрошу у начальника машину...

— В какое депо?

— Где я работала!

— Так ведь не тебя хоронить, а меня!

— А мне дадут! Заверну тебя в простыню и на кладбище, к деду под бок. Чуня могилу выкопает.

— Чуня? О! Чуня выкопает!

— Только вот наряжать тебя надо будет. А наряжать не в чего, — озадачивается старушка.

— У меня ж костюм белый!

— Затаскал! У двора сидеть на траве в белых брюках! Людей стыдно...

Помнишь, как письма из тюрьмы писал? — женщина перешла на слезный шепот: «Мама, я приеду, знаешь, как мы заживем!»

— О!!

— Дай сказать!
 — Ты же сейчас кричать начнешь!
 — Год дали тебе сроку...
 — Спокойно! Нормально! Чего ты меня толкаешь?.. Опять толкаешь, опять толкаешь! Я ведь просто с тобой разговариваю.
 — Може, ночью убить?.. — размышляет вслух мать.
 — Кого?
 — Тебя. Допек. Неделю не спала. И мне за это ничего не будет. Сердце лопнуло.
 — Да давай я сам сейчас пойду и...
 — Иди работай, удав! Даже дураки работают. А ты себя считаешь, что ты умный. Вон они и пьют, и работают!
 — Лучше я воровать пойду!
 — Тебя затанут. Ты ж воровать не умеешь. Ты ж отказаться не сможешь! Затанут тебя по самый рубчик. Эти будут в стороне, а ты в бороне. И ездить к тебе больше не стану. Я до Воркуты всю дорогу слезы лила. Все четыре тысячи километров. А ты не пощадил мои слезы. Приехала на свиданку, а его — нет.
 — Лишили меня. Ну, лишили. Провинился, в изоляторе сидел. Но ведь пятнадцать минут мы поговорили через решетку? В Ухте? Мне тогда по ребрам дали, кожа как чешуя слезала.
 — ... а ты меня даже не пощадил! — не слушала мать. — Дед молодец, хоть я им и недовольна, он от тебя отказался. А я... Нехороший ты.
 — Ладно слезить. Завтра шоферить устроюсь.
 — Шоферить?! Шоферил уже! Ну какая тебе машина, ты в голову возьми чуть-чуть. Вспомни: насажал бомжей и поехал пить. Я встала на пути, а ты орешь: «Сейчас перееду!» Тебе ездить нельзя. Бери вон кувалду и намахивай!
 — Мне врачи сказали: тяжелее двухсот грамм не поднимать!
 — Я ж тебе и дом выстроила — пропил! — обреченно вздохнула старушка. — Мотоциклетки покупала — где они?.. Удав ты, удав!.. Яйца в столе возьми, сала отрежь и мне немного оставь.
 ...Упал тонкий иней на ночную Покровку. Стихло село, луна заблестела в окнах. Мать скорчилась на скамейке. Рядом спал перепивший сын. Она не смогла втащить его в дом — слишком тяжел. А будить соседей в такой час — глаза не знаешь куда деть.
 Вынесла из дома тулуп, одеяло, подложила под сына и укрыла его. Села рядом, ожидая, пока проспится, пряча мерзнущие руки в рукава.
 Луна светит на Сашкино лицо. Такое родное во сне. Уверенное и насмешливое, как у мужа.
 Холодная сегодня ночь. Женщина заботливо подтыкает одеяло и ждет. Ждет, оцепенев от одиночества, как в тот день, когда война прислала похоронку.

МЕШОЧЕК СЕРЕБРА

Плоскодонка выгребает от берега к большой воде, почесываясь за скорюзлыми боками о щетку камыша. Место это зовется «Ленькина пристань». Дед Ленька упирает весло. Недозрелые лягушки испуганно топятся.

Вдруг — треск. Рыбак обиженно глядит на обломок весла.

Да, это обидно, хоть глаз коли. И тотчас начинает казаться, что в

спелой воде озера, как в столовой, уже выстроился в очередь прикормленный с вечера карась.

— Споймаем! — негромко решает дед Ленька, принимаясь аккуратно работать обломком по обоим бортам. — Тут рядом.

Солнце плеснуло на обветренные кулаки, добавив им внушительности и силы. Полюбовавшись руками покровского рыбака, солнце дохнуло теплом на Белое озеро, пощекотало прибрежный ивняк и выкатилось над всей Покровкой. Июнь. Дед Ленька закинул снасти, и мы в ожидании пасем разноцветные поплавки.

— Споймаем!

Судя по интонации, карась обречен. Дед сладко вытягивает из воды первенца. И вскоре завтрак из компании карасей, играя чешуей, аплодирует хвостами на дне лодки.

Сложное это дело — подыскать ненавязчивый повод, сложное. Рыба здесь, собственно, ни при чем. В каком-то смысле жизни карасей были положены на алтарь искусства. В нашем случае — искусства рассказа. Рыбалка — только осторожный предлог. И мы оба это отлично знаем.

Главная грусть нынешней Покровки — отсутствие слушателей. Кроме скучающего деда Леньки, в селе осталось смотреть телевизоры восемь старушек, которым не надо ничего слушать, поскольку они все узнают раньше других — по наитию. И даже «борщ медовой за святые волоса» (древний покровский эпитет, означающий высокое качество продукта), на который частенько созывает соседок дед Ленька, не способен собрать благодарную публику. Но отдадим должное: все без исключения старушки охотно признавали у Леньки определенные способности, даря приоритет последнему мужчине когда-то большого села.

Единственный упрек, который они себе позволяли, касался только репертуара. Едва дед Ленька, усевшись на манер Бояна, заводил байки из покровской жизни, слушательницы всплескивали руками и подолами:

— Снова здорово!

На что рассказчик обиженно возвращал соседкам чувство реальности:

— Так выходит, я не брешу! Не прибавляю и не убавляю!

Старушки соглашались, поправляя в тугих еще волосах гребни, и шли заниматься своими делами.

Мы встретились в то время, когда дед Ленька из-за несправедливо ущемляемого творческого самолюбия несколько подрастерял напор. И в нашем затянувшемся рыболовном молчании читалось его настойчивое желание проверить былые силы, когда садились за один стол пожарный Петя Ломакин, Моник и политик-любитель Матвей Федорович, а Ефим Холонка, прижав культей бумагу к столу, сыпал табак и принимался вертеть козью ножку. И чесались от дыма глаза и языки, и конца не было вечеру.

— Знаешь, в этих людях зло не помещалось, — начал дед Ленька и облегченно вздохнул, как парашютист под раскрывшимся куполом. — Были среди них и потешные, и умные, и такие, что... Помню, вернулись из эвакуации, я — пацан и кругом не лучше, либо старики. Все разбито, топить нечем. А на голодного холод вдвойне. Топили дровами, валегой, воровать ходили ночью от лесника. Раз поймал меня — и санки изрубил, и дрова забрал. Лес же был тогда отменный, дубы обхватные. Солдаты, когда лес на окопы готовили, пооставляли дубовые пни. За пни лесник не ругался — все равно сгниют.

И вот снегу черт знает куда, топоры на салазках и нас пацанов пять-шесть вместе с дедом Семеном. Одних не пускали: волк и кабан зверее лесника. Дед же Семен рослый, сильный.

Оттопчем пни от снега и на колени. Ползаем, под карандашик их тешем. А дед Семен как сядет с одной стороны, как начнет сечь и пока не свалит. Себе быстро срубит, и к нам. Подойдет, плечом пень надаст — курите, ребята!

Раз подзадержались, по темному из лесу волочимся. Дед Семен всегда последним шел, чтоб никого не оставить. Топор в дровину вбит, и снег такой тяжелый, весенний, неповоротливый, до грудного хрипа доводит.

Оглядываемся — нет старика. Только слышится невдалеке хлюпанье, будто давится кто-то.

— Дед Семен! Дед Семен!

Тихо. Страшно. Ну мы топоры повывергивали и вперед. И опаздываем: дед задушенного волка уже на санки грузит, сопит:

— Ибен, здоровый, подлюга! Сзади сиганул!

Шкуру он потом продал. А часть денег — серебряную монетку — сложил в свой знаменитый мешочек. Монетки, конечно, были не серебряные. Обычные, белые, гривенники, двугривенники. По привычке так назывались. Дед их собирал. Пенсии у него не было, но из того мешочка он никогда не тратил.

Нечасто, понятно, но наполнялся мешочек. Из холста пошитый, плотный, с завязкой по верху. Хранил он его под матрацем, вместе с документами. И никогда не пересчитывал. Ему не нужно было, и так помнил, как каждая монетка досталась: дочери ли подарят, заработает ли, словом, у каждой монетки — своя история.

Как он их отличал — неизвестно. Но высыплет иногда на стол, разворошит пятерней — слушай. Обычно слова из него не выпросишь, а тут загорался дед, закуривал, и к выловленной наугад денежке прикладывался разговор. Много я тогда о людях узнал из дедова мешочка. И что интересно, дед никогда не ошибался в монетках. Я нарочно помечал несколько, думал, ошибется, рассказывая. Нет, все в точности: кто, когда, за что...

Был там и мой гривенник. Дядька мой из города приезжал — угостил. И собрался я морсу выпить. У нас в прежней церкви был буфет с водкой, пряниками и морсом. Я морсу никогда не пробовал. Иду ж. Рот слюны полный.

Вдруг вижу: возле дедова двора телок пасется. И что меня дернуло — ухватил я того телка за хвост. Телок бегаёт по приколу, орет, я за ним.

Дед Семен, вышедши, увидел это. Увидел и с ходу:

— Ах ты, ибен, гад! — сгреб меня за рубаху, поднял. — Вот тебя, ибен, стукнуть сейчас (у него кроме большего мата не было), тебя, ибен, стукнуть, так за тебя, ибен, будешь отвечать, как за человека, а ты, ибен, — гад!

Рассказчик, забыв про святую тишину рыбалки, захохотал. Лодку закачал.

— Я ногами в воздухе выплясываю, телок одобрительно посматривает, ну вырвался я кое-как. А телок с испугу от меня возьми и шарахнись. Колышек вместе с веревкой по земле скачет, дед окликать скотину, да где! Бычок такую свободу почувал, что задние ноги выше головы забрасывает! Дворов через пятнадцать, вцепившись в веревку и проложив пузом новую тропинку к колодцу, я останавливаю эту корриду. Тут и дед подоспел:

телка на место, меня обмыл, у самого вид такой виноватый, будто виновен. Но хитрый! Усадил меня за стол, покормил, потом достал свой заветный мешочек, перетасовал, выплеснул на стол и начал вспоминать — знал, что меня за уши от его историй не оттянешь.

Вот тут-то я и подсунул незаметно свой гривенник в общую кучу. Очень уж мне хотелось, чтоб и мое серебро в его серебре посверкало! Так хотелось! Ну, пацан! Он после все время удивлялся: откуда, мол, ибен, монетка эта? Мол, не помню, стареть начал!

Стареть! Как косили, бригада у нас была, он — старший, так каждый старался под него не попасть. Потому что он идет сзади, и кажется, что его коса — вью — пятки тебе режет! Сам косишь, а сам стараешься пятки скорее убрать! Куда там старухе с косой за ним угнаться!

Но помню, когда еще при живности своей он всех просил: и Настю, старшую дочь, и младшую Настенку: «Вы по мне не плачьте! Я прожил — все!» А на Василя, на внука, говорил так: «Ты, Василь, ты, ибен, сыграй на моих похоронах. Мою сыграй!»

А его была такая плясовая игра, что он ее не выдерживал! Василь соберет иногда ребят возле двора. Выйдет и дед. Василь обязательно подпойт его немножко — уважал дедушку. Возьмет, например, выпить — обязательно к дедушке, никогда один не выпьет. Я тоже любил его и стриг под горшок, на пол-уха. Дед мне: «Подстриги, а то уже шею точит!» Я и подстригал.

Ну, так вот: соберет Василь, внук, компанию. Деда позовет. Дед садится. Симпатичный, волос черный с проседью, борода. Внук заиграет, а он плечами дергается — заняла его песня. Возгорается, но сидит еще. И тут Василь мне мигнет — пора! Закружусь я, завыплясываю возле него. И с этого бока, и с той стороны.

Дед терпит-терпит, потом — у-у! — распрямляется и давай топтать ногами. Тяжелый, грузный и всегда круглый год в валенках — такой уж у него был способ. Валенки непременно у печи стоят, никогда на двор босым не выйдет! Чтоб он босым вышел — никогда! И в смысле безопасности, и в смысле холода. Отец мой всегда его валенкам бесплатный ремонт давал. Мы ведь рядом жили. Отец до полночи сапожничает, а дед Семен рядышком, скучно ему, бабка рано померла. Так он все время с нами.

Как-то наладились мы в Бобров, овечек продавать. Не в Острогужск, а в Бобров, там овечки подороже. Тебе остается все нутро, жир и голова, мать все обделаает, холодцу наварит. И деньжонки еще. Пару овечек на базаре продашь — считай, половина овцы твоя. За осень раза по четыре ездили. И дед с нами.

Ехать-то наладились, а денег на билет нет. Махнули: «Ладно, так проедем, чего!»

— Да я, ибен, залезу под лавку! — заговорщицки шепчет дед. Неловко ему, пожилому.

В то время в пригородных поездах скамейки были на ножках и под них свободно можно было лечь.

Ерзал дед, ерзал и нашел себе место. И полез. А ноги не помещаются — длинные. Торчат. Скамейка ходуном, дед шипит.

Раз — ревизор. Ноги, как факт, сразу отмечает:

— Эй, там! Покажись!

Дед выкарабкиваться и — никак. Застрял, ну что ты скажешь!

Весь вагон свои дела побросал, наблюдает, как старик с обстоятель-

ствами справится, сочувствует вслух и на кондуктора недобрые взгляды кладет.

Кондуктор заезгзился, жизнь понимать начал, не до билетов ему. И тут дед наш наконец вылез, аж покраснел от усердий. Встал, руки свесил.

Покачал головой контролер, но ничего не сказал и ушел.

— Теперь, ибен, задаром только на тот свет поеду! — зарекся дед. — До конечной. Не ссадят!

...Солнце по-начальственному распекает серый песок тропинки, но обуваться мы не стали. Ногам тепло, как в валенках деда Семена, из земли силой тянет, упругой уверенностью.

— Так я о чем хотел сказать, — неожиданно останавливается мой спутник, опускает сумки и опирается на сломанное весло, словно не желая уходить далеко от той давней истории, всплывшей сейчас на озере. — Так я о чем хотел сказать. Тогда на поминках водку пить было не положено — только могильщикам. Остальным обед там какой, где что предусмотрено, квас, борщ, лапша. А могильщикам-копарям — этим водочки по стакану. Мы ж ему могилку копали. Он уважаемый был, никогда никого не обидел, никогда.

И вот Настя выносит дедов мешочек с серебром:

— Ребятуншки, нате. Вы его друзья, вы его хоронили, нате, поминайте!

Принесли водки, кто не помню, я как-то не заострял. Сколько — тоже не помню. Во всяком случае, водка была, и мы помянули.

Смотрю, Василь, внук, подпил и заплакал. Сильно он привязался к дедушке. Потом поднялся и ушел куда-то. С баяном возвращается.

Уж мать его так просила, так просила, а он плачет, но говорит:

— Я обещал, значит, я исполню дедушкину плясовую. На прощание.

И все равно: сам плачет, а сам так играет его эту, последнюю, любимую, так играет!

И никто его не упрекнул. Никто не упрекнул. Потому что дед Семен так приказывал. Стариковские же песни он не любил.

НЕПОГОДА

— А я думала, сын сегодня пораньше вернулся! — выглянула из черной от грозных сумерек двери немолодая женщина. — Вам кого?

Парень с девушкой на крыльце замялись.

— Заблудились, что ли? — переспросила хозяйка. И заворчала, как бабушка из доброй сказки: — Мой непутевый тоже где-то блудит. По неделям дома не живет. И ведь не говорит, где шляется, зараза! Всех соседок оббегу, обспрошу...

— От поезда мы отстали! — улыбнулся Сергей. — Недавно поженились, путешествуем и от поезда отстали на вашем полустанке. А тут вечер, тучи! Пустите переночевать! У нас документы. И заплатим!

Лицо женщины приняло деловой вид. Она почти вслух обдумывала, какой ценой ей обойдутся неизвестно откуда взявшиеся молодожены. Но тут напряженный ход ее мыслей прервался цокотом дождя.

— Ну чего жметесь?! Быстро в дом!

Мелькнула молния, и баба Таня, как она назвалась, испуганно задвинула заслонку печи и выдернула антенну телевизора.

— Где ж его, непутевого, в такую тьму носит?! Не зайвится — на диван ляжете, — кивнула баба Таня в сторону оленей. — А и зайвится, так на полу устроится. Не в первый раз, — прибавила она. — Будет знать как!

Над диваном висел коврик, где паслись три застиранных оленя. Под диваном уткнулась носами пара детских ботинок архивной модели. Нынешние дети такие не носят.

Туристы развязали рюкзаки. О стол стукнула банка тушенки, зашестели скорлупой вареные яйца, развернулась из платка картошка с тонко нарезанным розовым салом.

— Угощайтесь, баб Тань!

Не забывая про угощение, хозяйка между тем не забывала и всматриваться в окно. В свете набирающих злость молний был хорошо виден край улицы, неподалеку от железнодорожного полотна. Улица начиналась от дома бабы Тани и густо поросла упрямой вербой.

— А где сын-то работает? — отчего-то вполголоса спросила Наташа.

Баба Таня повернулась к ней и с минуту странно глядела.

— Какой сын?

— Ну, ваш, — глотнул Сергей, — непутевый.

— А-а, — просветлели глаза женщины. — В пожарных он, окаянный. На днях бензовоз тушили. Так никто не сунулся, боялись, взорвется. А он взял и потушил. Грамоту ему дали. И премию. У него вообще очень много грамот. Хороший он. Только вот редко заходит... Так вы сами издалека? Не слышали разве?!

Налетел порыв ветра. Лампочка замигала. В окно громко стукнуло. Наверняка это была яблоня в палисаднике, но баба Таня вскочила к двери. Молодые переглянулись в ожидании таинственного ночного гостя.

— Не. Никого. Скорее всего, на работе заночевал, чтоб не простудиться.

Разливая чай, хозяйка продолжала:

— Он у меня с пеленок неусидчивый. Иду я на работу, а я на путях работала, он за мной увяжется и всю дорогу: мам, а это что? мам, а это зачем? Потом на бухгалтера выучиться пошел. Грамот у него — вешать некуда!

— Так вы ж говорили — пожарный?

— А что? И пожарный. Он на все руки. Только вот приходит нечасто. А под утро, глядь — уже исчез. — К законной гордости женщины примешалась горечь. — Девки его любят! Красивый! Баян возьмет — праздник!.. Чай давайте пить. Да ложитесь. Вам же вставать рано.

Молодые расположились на пружинном диване. Шепотом (да за грозой и не было слышно) обсуждали непутевое дитя приютившей их женщины.

— И откуда такие берутся? — прижималась Наташа.

— Оттуда, откуда и все. Мало ли их, красивых? С баяном?!

Наутро хозяйка проводила гостей до крыльца. Денег не взяла:

— Детям, когда будут, гостинцев от меня купите!

По пути молодежны переиграли маршрут. Решили для разнообразия исключить из туристического меню поезд и путешествовать автостопом.

Вскоре показался попутный грузовик. И вовремя. Ливень, поднакопивший за ночь силы, наотмашь хлестнул по кабине.

Дорогой Сергей спросил пожилого шофера: не знаком ли ему знаменитый пожарный, у матери которого они сегодня ночевали?

— Непутевый? — уточнил водитель. — Знаком. Он тут всему поселку знаком. Отзывчивый? Добрый, смелый? Только домой не ходит? А почему не ходит? — крутанул руль мужчина, обочиной объезжая боль-

шую лужу. — Потому что нет его! Ни в пожарных, ни в бухгалтерях! Нигде! Утоп он. Еще маленьким. Вот с тех пор на непогоду баба Танька в сказки ударяется.

— Она сумасшедшая?!

— Наверное...

Машину снова остановили.

— Ну куда я вас всех дену? — заворчал шофер. — Ладно, устраивайся живее. Если б не дождь...

— Ты здешний? — обратился к водителю новый пассажир. — Вот удача! А я корреспондент. Из райцентра. Прослышали мы про вашего геройского мужика, который бензовоз потушил. Прозвище у него еще странное — «Непутевый». Весь день вчера искал — не нашел. Как в воду канул! А мы ведь ему и место на передовице оставили!

— Да-а, беспокойная у вас работа...

А Наташа, всматриваясь в дорогу сквозь струи дождя, вдруг вспомнила про детские ботиночки у дивана. Ботиночки, которые смогли дошагать так далеко, аж до райцентра! В самую непогоду.

Иван Савинович Сафонов родился в 1936 году. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Лискинском районе киномехаником, учителем, завучем, директором Тресоруковской средней школы. Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор десяти поэтических сборников, в том числе «Проселки», «Печаль, любовь, работа», «В родном краю» и др. Член Союза писателей России. Живет в селе Тресоруково Лискинского района Воронежской области.

Иван Сафонов

ЯСНАЯ ПОРА

* * *

В предчувствии осени ранней
На грани ее рубежа
Подвластна ее полыханью
И воля моя, и душа.
Ясней проступают потери
Сквозь свет обретений и встреч,
И прошлого зримые тени
Врываются в думы и речь.
Глядишь молчаливо с откоса
На небо, на поле и лес,
Оставив на время вопросы,
Храня лишь один интерес.
Ко всем представлениям и сдвигам
В природе, бумагах людских,
Когда ты не вечным, а мигом
Живешь, бескорыстен и тих.
Когда твои опыт и знания
Ничтожны по сути своей
Средь ясной поры увяданья
Прозрачно-томительных дней.

* * *

Тонкий волос паутины,
Звон летящего листа —
Что за дивные картины
Дарят отчие места!
В обнаженности осенней
Света белого вокруг

Не уйти от потрясений,
Возвышающих нам дух.
И отдавшись неизбежной
Грусти, равной красоте,
Ты замрешь душой мятежной
На загадочной черте.
От неожиданного подарка
На осеннем рубеже
Чисто, молодо и ярко
Станет слову и душе.

* * *

Родина! Сущее слово
Душу от бед отвело.
Верная память былого
Нас возвращает в село.
Домиков низких соседство
С тенью знакомых берез
Эхом далекого детства
В нас отзовется до слез...
Тайной и вечной загадкой
Будет для нас до конца
Холмик могильный с оградкой,
Что успокоил отца.
Дружной водою и талой
Точит осевший сугроб...
Кто из нас родиной малой
Не любовался взахлеб?!
Ты у нее на примете,
С детства зовут до седин
Дали прозрачные эти
С красною кистью рябин...
Только тревожат ночами
Думы — слезами в горсти —
Беды ее и печали
Смог ли когда отвести?..
Чтобы спокойно и просто
С легкой душою принять
Миг неизбежный погоста,
Где похоронена мать...

* * *

Нам поздней осени цветы
Необходимей и дороже
Той полнокровной красоты,
Нас пробирающей до дрожи.
Непоправимо хрупок срок
Последнего тепла и света,

Когда всего один цветок
Милее летнего букета.
Когда все глуше голоса,
Река темней и даль туманней.
Земли прощальная краса
Для душ ранимей и желанней.
О, как мы свято дорожим,
Как бережем тех дней остаток,
Чей след обманно недвижим,
И горек, и высок, и сладок.

* * *

Когда приходит ясная пора
осенних дней, объятых позолотой,
мы убираем листья со двора
с необычайной грустью и охотой.

Опять горят высокие костры,
опять сады пронзают струйки дыма,
и вновь душа пронзительно ранима,
и чувства удивительно остры.

Как отступает сразу суета
от дел и мыслей, от мечты и слова...
И проступает жизни полнота
сквозь поздний след осеннего покрова.

Валерий Михайлович Роншин родился в 1958 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил исторический факультет Петрозаводского государственного университета, Литературный институт им. А.М. Горького. Сменил много работ: электрик, слесарь, радиотелеграфист, преподаватель. Публиковался в журналах «Континент», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонек», «Юность» и др. Автор более 40 книг художественной прозы, в том числе детской литературы. Лауреат премии им. В.П. Катаева, а также Ордена Кота Ученого (за книги для детей). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

Валерий Роншин

ГОРОД ДЕТСТВА

Рассказы

Есть слова холодные... есть теплые... «Лиски» для меня — теплое слово. Не успел я здесь родиться, как родители увезли меня на Север. Но каждый год — летом — меня привозили в Лиски, к бабушке и дедушке. Поэтому я никогда не видел, как на Лиски падает снег... Лиски для меня — это вечное лето, вечное солнце... Лиски для меня — это яблоки и вишни на ветках, помидоры и огурцы на грядках...

А еще Лиски для меня — это первая любовь и первый поцелуй, в котором я чуть было не утонул; так же, как однажды чуть было не утонул, купаясь в Дону.

Но прежде всего Лиски — это люди. Мне это стало ясно, когда я повзрослел и начал понимать, что люди бывают и плохими, и хорошими. Но вот парадокс — в Лисках я не встречал плохих людей. Наверное, они там есть, как и везде. Наверное, они и должны быть — прежде всего для того, чтобы хорошие люди смотрели на них и знали, какими быть не надо.

Как бы там ни было, но в Лисках меня окружали только хорошие люди. Напротив дедушкино-бабушкиного дома жила хорошая Лида Мартынова, слева жил хороший Сашка Репкин, неподалеку жила моя родная тетя Надя, а рядом, через дорогу, жил мой лучший друг детства Серега. Именно он подарил мне на день рожде-

ния книгу, и, кто знает, может быть, благодаря этой самой первой подаренной мне книге я и стал писателем. А судьба в свою очередь подарила мне в Лисках встречу с человеком, который стал для меня на всю жизнь эталоном Настоящего Человека. Это Мостовой Дмитрий Михайлович. Иначе говоря, мой дедушка Митя.

Да, есть люди — «удары судьбы», а есть люди — «подарки судьбы». Мой дедушка был для меня самым бесценным подарком судьбы. Он не совершал подвигов ни на войне, ни в мирное время — он просто жил. Жил как порядочный человек. И прожил свою жизнь достойно и честно. А это ведь тоже подвиг — прожить всю свою жизнь честно и достойно.

Дедушки уже давно нет. Но — опять же! — есть люди, которые уходят из нашей жизни, а есть — которые не уходят. Для меня мой дедушка все так же живет в Лисках, на улице Трудовые резервы, с моей бабушкой Шурой; и они будут жить там до тех пор, пока я буду их помнить. А я буду их помнить *всегда!*..

Все течет, но ничего не меняется. Мало того, что-то еще и возвращается к нам из прошлого. Как вернулось теплое и уютное слово «Лиски», заменив собою холодное и царапающее ухо «Георгиу-Деж»... Нет, конечно же, Лиски устремлены в будущее... Лиски растут, Лиски строятся... Но при этом я и сегодня могу зайти в роддом, в котором я когда-то родился, или в школу, в которой когда-то училась моя мама... И так же каждый год в Лиски приходит весна, и так же течет мимо Лисок тихий Дон, и так же стоят меловые горы, и так же бегут по рельсам поезда, ненадолго останавливаясь у лискинского вокзала. И кто-то, посмотрев в окно вагона и прочтя название станции, скажет безучастно: «Какие-то Лиски...»

Для кого-то, может быть, и «какие-то», а для меня — это место, прекрасней которого нет на всем белом свете.

СТОЯНКА ПОЕЗДА ДВЕ МИНУТЫ

Жена Хохолкина была тихая и бледная. Звали ее Танюша. На лето она с их единственным ребенком, тоже тихим и бледным мальчиком по имени Сева, уезжала в деревню. Сам же Хохолкин ездить никуда не любил, он брал отпуск только лишь для того, чтобы посидеть с удочкой на берегу реки. Так было и год, и два, и три... Хохолкин сидел на берегу, жена Танюша была тихая и бледная, ребенка по-прежнему звали Сева, за зимой наступала весна, а не наоборот... И вдруг в какой-то неуловимый момент Хохолкину стало казаться, что он не сидит на берегу реки, а едет в поезде.

Дальше — больше...

Хохолкину стало казаться, что он едет в поезде, даже когда он и не сидит на берегу реки. Теперь, вставая по утрам с кровати, он первым делом глядел в окно, проверяя, как изменился пейзаж за прошедшую ночь. Пейзаж между тем оставался неизменным — стояли дома... дома... дома... Но Хохолкину все равно продолжало казаться, что он едет... едет... едет... «Просто поезд сделал полный круг, — думал Хохолкин. — Выходит, я едущу по кругу? Странно...»

А тут еще одна странность.

Из деревни должна была вернуться тихая и бледная Танюша с бледным и тихим Севой. А приехала крикливая и краснорожая Тереза с крикливой и толстозадой Элен. В то же самое время Хохолкин откуда-то знал, что краснорожая Тереза и есть бледнолицая Танюша. Вот только насчет

толстозадой Элен у Хохолкина имелись кой-какие сомнения — уж больно вечно жующая Элен не походила на евшего, как птичка, Севу.

— Танюша... э-э... Тереза, а где наш Сева? — несмело интересовался Хохолкин.

— Какой еще Сева?! — тут же начинала раздражаться Тереза.

Она все делала с раздражением — говорила, ходила, сидела и даже спала; а ела не только с раздражением, но еще и с отвращением, словно живых тараканов пережевывала.

— Ну, сынок наш.

Эти последние слова Хохолкина почему-то особенно задевали нервную Терезу.

— Ты что, совсем дурак?! — верещала она и с тем же самым верещанием обращалась к дочери: — Элен, поди скорей сюда!

Элен была на кухне. Пила жидкий кисель прямо из кастрюли; пила долго, громко хлюпая, тяжело сопя, проливая на грудь.

— Счас, побежала, — отрывалась она на секундочку от киселя.

— Ну, иди же сюда, Элен! — совсем выходила из себя Тереза.

— Ну, чо тебе надо-то?! — выходила из себя и Элен.

— Фазер твой с ума спятил! — орала из комнаты в кухню Тереза.

— А я тут при чем?! — орала из кухни в комнату Элен.

А Хохолкин смотрел в окно. А за окном вместо осени была уже зима. А вместо большого города был маленький городок, в котором когда-то жил маленький Хохолкин. «Это же моя станция, — вдруг дошло до Хохолкина. — Мне же надо скорее выходить. Здесь же стоянка всего две минуты». Хохолкин срывался с места, бежал в прихожую, торопливо натягивал куртку, выскакивал в коридор...

— Селедки купи! — кричала ему вслед Тереза.

— И киселя! — кричала Элен.

Но Хохолкин их не слышал, он, как метеор, несся по лестнице, боясь, что поезд вот-вот тронется и ему снова придется возвращаться к жующей тараканов Терезе и хлебающей кисель Элен.

Хохолкин настежь распахивал двери подъезда и выскакивал на улицу.

Бушевала метель. Крупные хлопья снега косо неслись к земле. Позади раздался гудок локомотива и послышался убыстряющийся перестук колес: тудух-тудух, тудух-тудух... Хохолкин, подставив лицо снежинкам, ловил-ловил их губами. И еще дышал-дышал морозным воздухом и никак не мог надышаться.

Он успел. Успел соскочить с поезда.

Поезд ушел без него.

НЕСТАРЕЮЩИЙ СТАРЕЕВ

Стареев на все сто процентов не соответствовал своей фамилии. Он не старел. Хотя все вокруг него только и делали, что старели; мало того — еще и умирали. А Стареев не старел, и больше того — не умирал. Когда это с ним началось, Стареев точно уже не помнил — где-то в районе полтинника. А до этого у Стареева все было, как у людей: стареевская плоть демонстрировала Старееву явные признаки своего старения. А потом вдруг стареевские биологические часы остановились, и Стареев перестал стареть.

Уж кара ли это ему была небесная или награда — Стареев в эту сто-

рону даже и не думал. Что толку думать. Все равно ведь наверняка не узнаешь. Ну, предположим, это была награда за его добродетели. Так ведь не было у Стареева никаких особых добродетелей, а были так себе — добродетелишки. Ну, там, иной раз, идучи мимо церкви, кинет монетку нищему. А иной раз и не кинет. По настроению.

И карать Стареева тоже особо не за что было. Никаких таких особых грехов за ним не водилось, так себе — грешочки. Ну, сходит Стареев на лево, кинет там палку. А иной раз и не кинет. Тоже по настроению.

Однако же факт оставался фактом — Стареев перестал стареть. Уже и жена его — красавица — сплошь покрылась морщинами; уже и дети его — кто облысел, кто поседел. Да что там дети — внуки, и те уже сами с усами. А Стареев, как огурчик — ля-ля-ля... ля-ля-ля... — знай себе напеваает.

Дальше — больше...

Оказалось, что Стареев не только перестал стареть, но еще и не умер, как положено. Уже и все его поколение поменяло миры, и следующее за ним поколение в полном составе на тот свет отправилось... А Стареев — тут как тут! — красивый! молодой! стопятидесятилетний!..

Ну, конечно, Стареев, не будь дурак, не кричал об этом на каждом углу. Еще чего! Люди-то — сами знаете — только тем и утешаются, что все равны перед Смертью. А тут какой-то Стареев равнее всех получается. Убить его за это мало!

Так что Стареев помалкивал себе в тряпочку и жил себе помаленечку — двести лет... триста... четыреста... Нет, поначалу-то Стареев не просто жил, а — боролся и искал!.. находил и не сдавался!.. Ну потому что войны — полыхают!.. революции — громяхают!.. Кто за веру умирает, кто за царя, кто за отчество... И Стареев туда же. И как только шею себе не свернул?! Ну да судьба Стареева хранила. Проще говоря — ему везло. А если повезет, то, как говорится, и сухарь в пирожное превратится.

И только проживши не одну сотню лет, Стареев понял, что в человеческой жизни всегда будет место подвигу и лучше всего держаться от этого места подальше. А еще спустя несколько сотен лет до Стареева дошло, что в жизни самое лучшее — это однообразие. И лишь на исходе стареевского тысячелетия Старееву, наконец-то, открылась истина: самое лучшее однообразие — это рутина.

Кааааааароче, поживешь подольше — поймешь побольше.

К слову сказать, Старееву ни капельки не надоело жить, несмотря на заявления всяческих маложивущих умников, что если человек будет жить долго, то ему это надоест. Ха-ха-ха!.. Да ты вначале проживи хотя бы свой жалкий столтник, а уж потом утверждай про «долго».

Столетия только успевали отскакивать от Стареева. И с высоты прожитых лет Стареев прямо-таки диву давался — чем больше все менялось, тем больше все оставалось по-прежнему: дети оставались неблагодарными, женщины — непостоянными, мужчины — незамысловатыми. Ну, или наоборот: дети — непостоянными, мужчины — неблагодарными, женщины — незамысловатыми. Ну, или еще наоборот: женщины — неблагодарными, дети — незамысловатыми, мужчины — непостоянными... Да и не в этом суть; а суть в том, что у всех у них была одна дорога. На кладбище.

И идя по этой дороге, все вечно наступали на одни и те же грабли. Все, кроме Стареева, разумеется. Потому что он этой дорогой не шел. Он шел совсем другим путем — из века в век, из века в век...

Вот об этом обо всем мы со Стареевым и поговорили, когда он дошел до нашего — 21-го века. И отправился дальше — в 22-й век... 23-й... 24-й... А я остался в 21-м, из которого мне-то уж точно живым не уйти. Как и вам, мои маленькие читатели и читательницы.

ДУРАК ЕМЕЛИН

Жил на свете дурак Емелин. И решил он жениться. Дело было так. Шел он по улице и увидел на балконе пятого этажа бабочку. Вернее — бабу. По имени Любенька. И сразу же решил на ней жениться. Любенька — не против.

— Только, — говорит, — вначале зайди ко мне в гости. Посмотри, как я живу.

Зашел дурак Емелин. И в ту же секунду угодил в паутину.

Дело в том, что вся квартира была опутана липкими нитями. Да не тонкими, а с добрый канат толщиной. А под потолком, в углу, сидит Любенька, руки-ноги враскоряку. Ни дать, ни взять — паучиха.

— Ни хрена себе! — поразился Емелин такому обороту событий.

А Любенька уже по паутине спускается, клацая ядовитыми челюстями. Хорошо еще у Емелина правая нога свободно болталась. Он ею с размаху ка-а-к даст Любеньке! И пока та в себя приходила, высвободился из паутины и — бе-жать!

Впрочем, Емелину, как и положено дураку, эта история впрок не пошла. Через пару дней ему опять жениться хочется.

На сей раз познакомился он с Аленушкой. Симпатичной девушкой в очках. И пригласил ее в кабак.

— Не желаете ли мое сердце? — таким фертом подкатывает.

— Сердце я не желаю, — отвечает Аленушка. — А вот от печеночки не откажусь.

Тотчас явилась жареная печеночка с жареной же картошечкой. И Аленушка жадно набросилась на еду. Ест-ест, а изо рта у нее слюни каплют. Прямо на белоснежную скатерть. И куда капля попадает, там сразу же дырка образуется.

Пригладелся дурак Емелин к девушке повнимательнее и видит — язычок-то у нее *раздвоенный*. Тут-то до Емелина и дошло, что перед ним — ядовитая змея.

А Аленушка тем временем шею вытянула и говорит ласково:

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Дурак Емелин ноги в руки и — бе-жать!

После таких сюрпризов ему и жениться-то почти расхотелось. Вот так невесты, — думает, — одна паучихой оказалась, другая — очковой змеей. Неужели уж совсем хороших девушек не осталось?.. Только он это подумал — глядь — навстречу ему идет хорошая девушка. Вся в косметике, татушках, пирсинге и с сигареткой... Словом — настоящая русская красавица!

И зовут ее Варенька! И квартира у нее в центре! И денег у нее куры не клюют!..

Короче, вскоре настал момент, когда дурак Емелин лег на пол и сказал: — Любимая, вытирай об меня ноги.

Вареньку не пришлось долго упрашивать. Они поженились. И Варенька дала мужу ласковое прозвище — Чубчик. Очень оно Емелину нравилось. Бывало, по утрам Варенька зовет:

— Чубчик! Чубчик! Пошли скорей гулять!

И дурак Емелин радостно бежит на зов любимой. А с гулянья придут, Емелин сразу же к своей персональной мисочке несет... И все бы хорошо, одно плохо: нет в квартире у Вареньки зеркал. Ни тебе побриться, ни просто так поглядеться.

И вот однажды (после сильного дождя) глянул дурак Емелин в лужу на асфальте и... *остолбенел!* Потому что из лужи на него смотрела белая собачка. С розовым бантиком на шее.

— Любимая, — спрашивает Емелин, — почему ты мне не сказала, что я превратился в болонку?

— Так не в дворнягу же, — отвечает Варенька.

— Что значит — не в дворнягу?! — возмутился дурак Емелин. — Я стал собакой. Понимаешь?! *Собакой!*

— Ну и что? — пожимает Варенька плечами. — Я же тебя кормлю?

— Ну, кормишь.

— Гулять вывожу?

— Ну, выводишь.

— Так что тебе еще надо?

— Но я же — человек! — заорал Емелин.

— А мы об этом никому не скажем, Чубчик, — почесала ему за ушком Варенька.

Емелина до того разозлил этот жест, что он взял да и цапнул любимую за ляжку.

— Взбесился! — завизжала Варенька и вышвырнула дурака Емелина из дома.

И с тех пор стал Емелин жить на пригородной станции. Под платформой. Вместе с другими бездомными псами. А питаться — на помойках. Никто ж не виноват в том, что ты дурак.

НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ НЕЗАМЫСЛОВАТОВ И ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ КАРЦИНОМА

Незамысловатов оправдывал свою замысловатую фамилию на все сто процентов. Он был донельзя незамысловат. Поэтому и поступки его были самые что ни на есть незамысловатые. Едет, к примеру, Незамысловатов в лифте — то ли вверх, то ли вниз, то ли вбок — неважно; а вместе с ним едет симпатичная женщина. И Незамысловатов сразу же ее так незамысловато — хватить! — за причинное место.

А через каждую женскую душу, чтоб вы знали, мои маленькие читатели и читательницы, стремительно проносятся бесконечные «да» и «нет»: данетданетданетданетданет... И даже сами женщины зачастую толком не понимают, что у них в данный момент на душе — «да» или «нет». А уж мужчинам этого тем более не понять. Тут уж как попадешь. Так вот Незамысловатов, в силу свой незамысловатости, всегда попадал на «да».

Хотя в принципе Незамысловатов мог бы пойти и другим путем — виртуальным — включить комп, найти в Инете соответствующий сайт и незамысловато справиться свою «плотскую нужду», как наши предки когда-то выражались.

Но для незамысловатого Незамысловатова виртуальный путь был слишком уж замысловат; к тому же слишком уж много во Всемирной паутине развелось пауков и паучих; они буквально кишели на бескрай-

них интернетовских просторах, дни и ночи напролет обсасывая попавшие в паутину новости.

А Незамысловатов вообще новостей не смотрел, не читал и не слушал. И поэтому для него не существовало ни землетрясений, ни наводнений, ни извержений, ни... ни... ни... Ничего, одним словом. Ну, потому что то, чего мы не знаем — для нас и не существует.

«А о чем же тогда Незамысловатов думал?» — подумаете вы. Да ни о чем. Мысли Незамысловатова — если, конечно, это можно назвать мыслями — были столь же незамысловаты, как и он сам. Например, когда Незамысловатов лежал незамысловато на диване и смотрел незамысловато в потолок, он думал: «В потолок смотрю». А когда за окнами падал снег, Незамысловатов, незамысловато глядя в окно, думал: «Снег падает».

Работа у Незамысловатова тоже была самая что ни на есть незамысловатая. Он работал автоответчиком в кинотеатре; хотя при этом находился все время дома, на все том же своем незамысловатом диване. Если раздавался телефонный звонок, Незамысловатов брал трубку и говорил «металлическим» голосом: «С вами говорит автоответчик, сегодня в нашем кинотеатре на таких-то сеансах такие-то фильмы».

Платили Незамысловатову за такую незамысловатую работу вполне себе незамысловатую зарплату; копейки, проще говоря. Но Незамысловатову этих копеек вполне хватало, еще и оставалось. Ну, потому что сейчас, чтоб вы знали, мои маленькие читатели и читательницы, время баракла. Чего ни купи — дорогое, дешевое — все баракло. И зачем тогда, спрашивается, покупать дорогое баракло, когда точно такое же баракло можно купить по дешевке.

Но Незамысловатов не покупал ни дорогого баракла, ни дешевого. Хотя и регулярно ходил по супермаркетам. Там он находил мертвые зоны камер слежения и таскал незамысловато к себе домой все то, что ему требовалось для проживания его незамысловатой жизни.

Кто-то скажет — кража, а я скажу — дележка. Ведь даже в русской народной песне поется:

Если от многого взять немножко,
Это не кража, а просто дележка.

А целый народ, как известно, ошибаться не может, тем более русский.

Развлекался Незамысловатов тоже вполне себе незамысловатым образом: со своим лучшим другом — телевизором. Поставит вечером телик на таймер — на тридцать минут — и смотрит какой-нибудь фильм, который первым под руку подвернется. А через полчаса лучший друг — щелк! — и выключается сам собой. И что уж там Маша сказала Саше или что же там Дженин ответила Джонни; и догнали ли тех, которых догоняли; и убежали ли те, которые убежали... Это Незамысловатову было без разницы, он отправлялся спать.

Сны Незамысловатова, кстати сказать, тоже были незамысловатыми. Это другие в своих снах вечно от кого-то убегают или вечно кого-то догоняют, прямо как в кино. А Незамысловатов в своих снах тоже спал. А утром, проснувшись, шел на кухню готовить себе незамысловатый завтрак. А потом постель уберет, посуду помоем, туда-сюда — глядь! — а уже и обедать пора. Пообедаем, а там уж и до ужина рукой подать.

И так день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом...

И вдруг!

— Ха-ха-ха, — рассмеются мои маленькие читатели и читательницы. — Да какое еще «вдруг»? Да никаких «вдруг» с незамысловатым Незамысловатовым просто быть не может!

На что я с присущей мне назидательностью отвечу заезженной-переезженной сентенцией:

— В жизни все может быть, и даже то, чего быть не может.

А началось это самое «вдруг» у Незамысловатова, как всегда, очень даже незамысловато; прямо как в детском незамысловатом стишке:

Я гляжу в унитаз, хохоча,
У меня голубая моча.

С той лишь разницей, что у Незамысловатова моча была не голубая, а розовая; и в унитаз он глядел отнюдь не хохоча. Вначале-то Незамысловатов, в силу своей незамысловатости, подумал было, что это он просто красного виноградного сока много выпил или винегрета с морковкой и свеклой переел... Но потом, когда к Незамысловатову пришла девушка с замысловатым именем Карцинома, Незамысловатов сразу и понял, что дело тут вовсе даже не в винограде и не в винегрете.

И еще Незамысловатов понял, что девушку Карциному за причинное место вот так просто не схватишь; она сама кого угодно схватит за что угодно.

Так вот, пришла девушка Карцинома к Незамысловатову и забрала у него... нет, не сердце, а — почку. Обычно, если уж эта девушка приходила, она забирала именно сердце. А у Незамысловатова почему-то забрала почку. Видимо, для разнообразия... Кааааааароче, пришла, забрала и ушла. А перед уходом Карцинома поставила Незамысловатова на таймер; прямо как он ставил своего лучшего друга.

И вот стоит Незамысловатов на таймере и думает:

Живем себе, не ведаем,
В какую пропасть следуем.

Этими незамысловатыми строчками мы и закончим этот незамысловатый рассказ о незамысловатом Незамысловатове.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Ехал как-то по осени на электричке мужик по имени Егор. Ездил он в город на воскресный базар продавать своего бычка Степана. Продал очень удачно и теперь возвращался в родное село Хлевное. Доехал Егор до райцентра, где ему следовало с электрички на автобус пересесть, и тут ему, как это частенько с мужиками и бывает, «мысль» в голову ударила. Дай, думает, не на автобусе проедем, а пешочком пройдем.

А время между тем уже к ночи.

Шел-шел Егор, и застала его в дороге эта самая ночь. На улице ночевать Егору, естественно, не хотелось. В один дом постучался, в другой — фиг попало; никто на ночлег не берет, еще и собак спускают. Словом, исчался Егор. Прямо хоть на землю ложись да лопухом накрывайся.

И тут вдруг видит Егор: кладбище у дороги широко раскинулось, крестов на этом кладбище видимо-невидимо, аж до самого горизонта понатыкано. А рядом с кладбищем дом стоит — старый-престарый, все бревна в нем черные-пречерные. Забора вокруг дома нет, зато травы — по пояс, и окошки не светятся... Ни дать, ни взять — брошенный. Егор скорей-

скорей туда. Тук-тук-тук — все ж таки постучал он для приличия. А в ответ — тишина. Только ветер над кладбищем завывает — уууууууу... Толкнул тогда Егор дверь, шагнул в дом и...

И обомлел.

Потому что внутри дом оказался вовсе даже не заброшенным: свет горит, самовар пыхтит, на столе — тарелка стоит, в тарелке — пирожок лежит.

А кругом — ни-ко-го.

— Эй, — позвал Егор, — есть кто в доме?..

В ответ — тишина.

— Эй, — снова позвал Егор.

Опять тихо. Только часы-ходики на стене «ходят»: тик-так, тик-так, тик-так...

Напрягся тут Егор. «Ох, что-то здесь нечисто», — думает. А более всего напрягло Егора то, что иконы в красном углу нет. Вот нет-таки нет!.. А висит там вместо иконы — постер (ну, то есть плакат, проще говоря) с изображением Леди Гаги (Егор как-то раз эту Гагу-певицу по телевизору видел, так потом неделю плевался), которая криво так с плаката-постера Егору усмехается.

«Ох, нечисто тут, ох, нечисто...» — снова подумал Егор. И хотел было уже из этого странного дома «ноги сделать». Но, как на грех, на улице таааааакая непогодь разгулялась — хорошая собака хозяина во двор не выпустит.

Дождь. Мразь. Грязь.

И тут... входная дверь закрипела, отворяясь. И в дом вошел глубокий старик с седой бородой.

— Здравствуй, — говорит, — Егорушка. Я твой батя.

— Какой еще «батя»? — занервничал Егор. — Мой батя на войне пропал. Без вести.

— Да не пропал я, — морщится старик. — А просто командир меня в разведку послал. Я и пошел.

— И где же ты был столько лет?

— В разведке, где ж еще.

— Ну, выпей тогда, батяня, чайку, — предлагает находчивый Егор.

Старик не заставил себя просить дважды. Выпил чайку, пирожком закусил да под стол упал. И захрапел там.

А дверь вновь закрипела и вновь отворилась. И в горницу входит... Леди Гага собственной персоной, со своей кривой усмешечкой. Пригляделся к ней Егор — а это вовсе и не Леди Гага, а его жена — Нюра. *Лет десять как умершая.*

Егор, хоть был и не робкого десятка, а тут сробел, боится.

А Нюра посмотрела на Егора при-и-и-и-истально так и говорит:

— Ишь, глазки-то подленькие как бегают.

— О чем это ты, Нюр? — спрашивает Егор, а у самого сердце в пятки уходит.

— О том самом, — отвечает умершая Нюра. — О том самом... Расскажи-ка, мил голубок, как ты меня на тот свет спровадил.

— Вот этого, Нюра, не надо, не надо! — засуетился Егор. — Сама отлично знаешь, что у тебя было двухстороннее воспаление легких. И справочка от врача имеется.

— Справочка твоя, — говорит Нюра зловецким тоном, — *липовая.*

И такой у нее вид сделался — вот сейчас кинется Егора душить.

Но в этот момент входная дверь снова заскрипела и снова отворилась.

На пороге появился маленький мальчик.

— Дайте, — просит жалобно, — на орехи.

Нюра как увидела этого мальчика, так и закричала истошным голо-
сом:

— Сынок! Сынок! Сынок!..

— Что такое? — Егор опять ничего понять не может.

— Это ж сыночек наш! — плачет и смеется Нюра. — Помнишь, я его из роддома несла, пить захотела, наклонилась над колодцем, малютка из рук и выпал. Я думала, утонул.

— Не, выплыл, — говорит сынок. — Но с тех пор бедствую.

Тут и батя-разведчик из-под стола выполз. Глаза продрал, на Нюру уставился.

— Мамочка! — ахнул: — Мамочка!..

— Какая я тебе мамочка, пес старый! — Нюра ему в ответ.

А старик плачет горючими слезами. «Мама, мама!» — бормочет.

Егор хоть и дурак был, но умный, сразу смекнул, что к чему и что делать следует. Взял да и осенил себя крестным знамением (ну, то есть перекрестился, проще говоря). И вмиг все исчезло: и дом заброшенный, и жена-покойница, и сынок бедствующий, и батяня-разведчик.

А на улице уж не темень — а свет. И не осень — а лето.

Во как нечистая сила балует!

ПУСТОЕ МЕСТО

Промокашкин был пустым местом. В переносном, разумеется, смысле; так-то он занимал в жизненном пространстве место не больше и не меньше, чем все остальные. Но при этом его никто не замечал. Даже в упор. Стоит он, положим, в очереди в железнодорожную кассу. А ему говорят: вы тут не стояли. Ну, или в магазине он стоит. А кассирша ему говорит — ой, а я вас и не заметила. И на службе начальство Промокашкина тоже не замечало — хотя он уже не первый год стоял на одной и той же служебной ступеньке. Да что там на службе, если даже дома жена и та ему так прямо и говорила: «Ты, Промокашкин, пустое место».

Тот момент, с какого Промокашкин стал пустым местом, он, честно говоря, и сам не помнил. А может быть, и не было такого момента, может быть, Промокашкин сразу пустым местом и родился. Может быть, а может и не быть. Во всяком случае, у родителей об этом не спросишь, потому что они уже перебрались в места не столь отдаленные.

Дальше — больше...

У Промокашкина начала проявляться стойкая тенденция к еще большей пустоместности. К примеру, как-то раз Промокашкин переходил дорогу на зеленый свет, а водитель неся на красный. И только чудом успел затормозить перед самым промокашкинским носом.

— Откуда ты, мужик, взялся? — тарачился водитель на Промокашкина. — Ведь дорога была совершенно пустая!

И далее Промокашкин пустел все более и более. И его замечали все менее и менее. Пока и вовсе не перестали замечать. Промокашкин это ясно понял, когда жена привела домой — при нем! — любовника. А затем Промокашкина уволили с работы за систематические прогулы. Хотя Промокашкин систематически приходил на работу.

Впрочем, в промокашкинской пустоте были и свои несомненные пре-

имущества. К примеру, Промокашкин мог теперь в магазинах набирать себе все, что угодно; и уходить, не заплатив ни копейки.

И вот Промокашкин начал использовать себя, как пустое место, на всю катушку. Он, облетел, объездил и обплавал всю Землю, вдоль и поперек, на самых лучших в мире самолетах, машинах и кораблях. Он останавливался в самых лучших отелях мира, отдыхал на самых лучших мировых курортах и обедался в самых лучших в мире ресторанах.

И вроде бы все теперь было у Промокашкина о'кей. О'кей-то о'кей, да не о'кей. Возвращаясь от плюсов к минусам промокашкинской пустоты, скажем, что Промокашкин, ощущая себя пустым телесно, вдобавок к этому начал ощущать еще и душевную пустоту. Чего-то явно ему не хватало. И очень скоро он понял, чего ему не хватает; да и не хитрое было дело это понять. Промокашкинской душе хотелось другую душу. Родственную. Чтобы было с кем по душам поговорить.

И вот как-то раз, из дальних странствий возвратясь, Промокашкин, бредя одиноко в толпе людской, увидел, что навстречу ему спокойно так идет абсолютно голая женщина. А многочисленные прохожие и ухом не ведут, и глазом не моргают. А Промокашкин так прямо на нее во все глаза и уставился. И голая женщина тоже на Промокашкина уставилась, и тоже во все глаза. И спросила с изумлением:

- Вы что, меня — *видите?*!
- Вижу, а вы меня?
- И я вас вижу.

Вот так встретились два пустых места. Мужское и женское. И обрели счастье, отнюдь не пустое. И уже вместе объездили весь мир, который их как не замечал, так и продолжал не замечать. Впрочем, они платили миру той же самой монетой; потому что если два человека счастливы в своей любви, то зачем им весь этот мир?!

Наталья Евгеньевна Харитонова родилась в городе Красногвардейске Белгородской области. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работала инженером-технологом в локомотивном депо Лиски. Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор поэтических книг «Спрятанный город», «На семи ветрах». Лауреат фестиваля поэтического творчества «Воронцовая Русь». Живет в городе Лиски.

Наталья Харитонова

ЗАСТУПНИЦА ЛЮБВИ

* * *

У осени в крови повадки лисьи —
То тут, то там мелькает рыжий хвост,
И расстаются с деревьями листья
Под вечным оком равнодушных звезд.

И все томится в хрупком ожиданье
На рубеже и света, и тепла,
И ждет от осени чего-то в оправданье,
Пока зима за горло не взяла.

Покуда для зимы закрыты двери,
Еще не время плакать и грустить.
И сказок нет таких, чтоб не поверить.
И нет таких грехов, чтоб не простить.

* * *

Чего ж не поется,
Коль жизнь хороша?
Над чем так смеется
И плачет душа —
То кверху взовьется,
То тянет на дно
И бабочкой бьется
В глухое окно.

Ей эта работа
Надежду сулит,
Что, может быть, кто-то
Окно отворит.
Ах, ей бы забыться
И в деле таком
Напрасно не биться
В стекло мотыльком...

Ах, ей бы туда,
Где в зеленом бору
Сосновые лапы
Дрожат на ветру,
Ах, ей бы туда,
Где поют ковыли
Прекрасную грустную
Песню земли.

Ту песню услышать,
Ту песню понять,
И все неизбежное
Сердцем принять.
И в этом свободном,
Безбрежном краю
Найти утешение —
Песню свою.

* * *

Осень ты моя,
Осень дымная,
И вчера, и ныне, и впредь
Во твоих дворах
При твоих ветрах
На твоих кострах и гореть.

По витым мостам,
По святым местам,
Что остались там, не води.
Вся бледным-бледна
Там стоит Весна
Да с моей виной на груди.

Посуди сама,
Впереди Зима,
Открывай свои закрома,
Осень битая,
Осень сытая,
Осень, спитая из ума!

* * *

Спор про жизнь считаю чистой лажею —
Удалась или не удалась?
Я взялась вести возок с поклажею
И везу покуда, раз взялась.

Все бывает — ямы и колдобины,
Что порой ни встретишь на пути.
Разве в этом дело, люди добрые?
Главное, что есть, чего вести.

Ничего, что небо — черной тучею,
Ничего, что осень на носу,
Ничего, ребята, я везучая,
Потому что свой возок везу!

* * *

Нагулялось лето всласть — благодарна я.
Вот и осень началась календарная.
Лето льет тебе в бокал счастье пенное,
Но оно — величина переменная.

И на счастье ты, дружок, не загадывай,
Понапрасну губ своих не раскатывай —
Караулит грусть-тоска — сила рьяная.
А она величина — постоянная.

Жизнь идет своим путем, больше горками.
И мешаются с дождем слезы горькие.
Грусть, откуда ты взялась с этой сыростью?
Вот и осень началась Божьей милостью.

* * *

Наташе Блохиной

А печалиться сейчас нету повода.
Слишком долгие у нас вышли проводы.
И плохое отошло, и хорошее,
Все, что на душу легло — дело прошлое.

И раскинет надо мной небо бел шатер.
То, что было — за спиной, впереди — простор.
Но дорога налегке не в моем роду —
Обожглась на молоке — дую на воду.

Ты, заступница любви, мать сыра земля!
Да окупятся твои рощи и поля!
Мне на помощь призови силу древнюю,
Научи меня любви и смирению.

* * *

Не любитя, не пишется,
Не навещает друг,
Музыка сфер не слышится,
Все валится из рук.
Задумчивая, томная,
Стою, смотрю в окно.
Сегодня ночка темная
Со мною заодно.

А дока — ветер северный
Закусит удила,
Махнет рукой рассеянно
На все мои дела.
Он рвется в упоении —
Вот мне бы эту прыть!..
Бывало, даже гении
Куда не знали плыть.

* * *

Какая невеселая картина!
Как быстро время летнее прошло.
Примета осени — летает паутина,
Цепляясь за последнее тепло.

Не тратя сил и времени впустую,
Тоску и грусть не пряча на челе,
Я умоляю осень золотую
От имени всех женщин на земле:

«Не торопись, оставь тепла и света
Еще на день, на час, на миг хотя б!»
И осень мудро дарит бабье лето,
Да и чего не сделаешь для баб?

* * *

Отдаленных звезд
Безразличный свет.
Победивших нет,
Побежденных нет.

И да славен будь,
Для других нелеп,
Каменистый путь
Преломивших хлеб!

Не клонись, Ветла,
Не шуми, Ольха,
Ведь и грусть светла,
И печаль легка.
Если на миру
Даже смерть красна,
Во сыром бору
Ты не плачь, Сосна!

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Пусть от судьбы я никуда не денусь,
Но на нее не стану воровать.
Дышу, живу. Пока живу — надеюсь!
А без надежды разве стоит жить?

Небесных бездн таинственные сферы.
Влечет и высота, и глубина.
Но ничего не сделаешь без веры —
Необходимо, чтоб была она!

Приметы осени склонились к изголовью.
Но сколько ты душою ни криви,
Все в этой жизни движется любовью.
Не обойтись на свете без любви.

И ради этой триединой сути
Не жаль души сердечного огня.
И вы, мои друзья, не обессудьте,
Пока живу, надейтесь на меня!

Валерий Алексеевич Тихонов родился в 1946 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор многих книг прозы и поэзии, публикаций в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Подъём», в других центральных и региональных изданиях. Член Союза писателей России. Живет в городе Лиски Воронежской области.

Валерий Тихонов

НЕТ ЗВЕРЯ ОПАСНЕЕ

Рассказ

1

Лыжи скользили по снегу легко, свободно, и, если бы не встречный колючий ветер, обжигающий лицо, Сергей Иванович уже давно был бы на лесной опушке, где поджидала его охотничья братия.

— Ничего, подождут, до ночи еще далеко! Пока костер разведут, кабанятинки отварят — на охоте дичь под стопочку деликатес особый — а там и я поспею. Есть нынче, чему порадоваться, удалась охота: двух кабанчиков добыли, трех лис отстреляли — развелось их в последнее время не в меру. Мало того, что по окрестным селам бедокурят, курятники опустошают, так еще и бешенство разнести могут.

Охотиться Тюнин любил, давно уже увлекается этим заманчивым делом. Только были у него на этот счет свои, отличительные от других охотников понятия. Он никогда и нигде не употреблял слово «убил», заменяя его более мягким «добыл». Стрелял, только имея лицензии, по путевке, и то не в любого попавшегося на глаза зверя, а в подранка, состарившегося секача или в запоздавший приплод, которому явно не выдержать предстоящую зиму. На зайцев вообще не

охотился, жалел безобидных зверюшек... Не признавал и утиную охоту, считая, что стрелять в птицу — большой грех! Друзья иногда ворчали на Иваныча за его, сдерживающие охотничью удаль, ограничения, но подчинялись — бригадир есть бригадир. Да и прав ведь он по большому счету: зверя не так уж и много в округе осталось, без ума можно всю живность перевести.

А отстал охотник от товарищей по одной простой причине — решил заглянуть в ольховник, присмотреть жердины поровнее для своего хозяйства. Уже и в конюшне выгороди пришла пора поменять, и заборы подправить... Пока зима, болото застывшее, можно и заготовить, и на санях на хутор переправить. А весна придет, сразу к делу и приступить.

...Порыв ветра в очередной раз обжег лицо морозной стужей, заставил охотника остановиться, растереть варежкой окоченевшие уши. Не привык прятать их под шапку — леса не услышишь! И только было собрался двинуться дальше, как уловил его обостренный слух какой-то странный, еле различимый звук. Шел он из-под большого заснеженного куста и походил на щенячье поскуливание — тонкое, жалобное.

— Щенок, что ли? Только откуда ему тут взялось? Деревня далеко, собаки сюда не забегают, а если и додумается какая, то не цениться же прибежит в эту промерзшую глушь...

Стряхнув снежные шапки с застывших кустов и раздвинув их, Сергей Иванович увидел зарывшийся в снег какой-то шевелящийся серый комок, и впрямь похожий на младенца-щенка. Тот пытался куда-то ползти, сучил лапками, но силенок явно не хватало, чтобы одолеть снежную преграду.

Взяв находку на руки, Тюнин тут же опытным охотничьим глазом определил в ней не что иное, как новорожденного волчонка, коему отроду всего-то два-три дня.

— Как же ты сюда попал? — глядя на дрожащего то ли от холода, то ли от испуга зверька, спросил Иваныч, зная, что тот ничего ему не ответит.

— Мать-то твоя где, чего бросила?

Сергей Иванович огляделся вокруг, на всякий случай снял с предохранителя ружье — волчица коли рядом где, за детеныша на все пойти может! Выждал минуту-другую, тихо кругом, не видно никого.

— Что же с тобой делать-то? Околеешь ведь тут, если мать не найдет. А гарантии такой нет. Ладно, пошли до дому, а там видно будет...

Засунув волчонка за пазуху овчинного полушубка и согреть его своим телом, охотник развернул лыжи на сто восемьдесят градусов и, все еще оглядываясь с опаской по сторонам, заскользил по пробитой только что лыжне.

2

Городская жизнь не то чтобы угнетала Тюнина, но явно давила на него своим многолюдьем, бетонными и кирпичными стенами многоэтажек, непрерывным своим шумом-гамом... Родившийся в деревне и проживший в ней до самого призыва в армию, он так и не смог отвыкнуть от бескрайних сельских просторов, ароматного лугового разнотравья, манящего ягодами да грибами леса по ту сторону речки. Как и забыть ее саму — с бодрящей живительной влагой, бархатными бережками, рыбалкой на облитой туманами зорьке.

В общем, жил Сергей Иванович с семьей в городской коммунальной квартире, исправно нес свою службу в одной из организаций, а душа его продолжала жить той, незабываемой, сельской жизнью. А если точнее — неугасающей мечтой, если уж не перебраться на постоянное место жительства в какую-нибудь деревню, то хотя бы иметь возможность почаще там бывать. Только вот где? От его родной Березовки только с десятков дворов осталось, да и в тех доживающие свой век старики. А главное — далеко-далеко она, за сотню верст много не наездишь!

Вот и приглядел как-то во время охоты Тюнин полузаброшенный хуторок. Уютный, веселый, видать, когда-то был! Прямо посредине, в ложине, пруд сердце радовал, а вокруг него, по бугру, хатенки с резными ставенками да крышами соломенными. Дворов тридцать, не меньше, было, и в каждом целые семьи жили. В основном в колхозе местном народ трудился, к тому же почти в каждом подворье свою скотинку держали... Потом, когда рухнуло все — и власть Советская, и колхозы, и порядок какой-никакой, — остались люди без работы, без денег. Поначалу живность домашнюю извели: жить-то надо, а потом и сами кто куда поразъехались. Старики остались, да только ненадолго. За какой-то неполный десяток лет вымер хутор, только хаты с заколоченными дверьми да ставнями остались. И еще сплошь заросшая теперь рыжим камышом да заваленная всякой всячиной впадина на месте пруда...

Изю всех бывших хуторян здесь остался только престарелый дед Матвей, пожелавший доживать свой век хотя и в одиночку, но в родном уголке. Несмотря на свои восемьдесят с гаком, старик сохранил еще и кое-какую силенку, и память. Он-то и присоветовал охотнику купить одно из брошенных подворий, даже с наследниками через дочку, что навещала его, помог связаться.

Сергею Ивановичу местечко приглянулось, а безлюдье не то, чтобы испугало, а даже обрадовало — будет где от надоевшего шума городского душу отвести, в спокойствии побыть. Как оказалось, и хатенка еще справная, послужит на первых порах, а там видно будет.

Так и осуществилась тюнинская мечта, появилась у него своя «фазенда». От города недалеко, а потому чуть ли не каждый день после работы, все выходные проводил охотник в этом забытом Богом уголке. Так что уже на другой год появились на подворье разномастные сараи да навесы с клетками, а в них самая что ни на есть разнообразная живность: и четвероногая, и двуногая, и мычащая, и рычащая, и поющая — всякая, за которой и пригляд, и уход нужен. Тяжковато было одному управляться, только где их нынче, помощников, найдешь? Приходилось вкалывать как следует, спасибо, еще на время отсутствия Сергея выручал дед Матвей, хотя какая от него помощь? Посторожит — и то хорошо!

...Зимой смеркается рано, так что прибыл Тюнин на хутор в кромешной темноте. Тот уже спал под снежным пуховым одеялом, не проявляя себя ни привычными желтыми огоньками в подслеповатых окошках, ни лаем собак, ни вообще какими-либо звуками. Будто и впрямь мертвый. И только подойдя к своему подворью и отворив калитку во двор, охотник с радостью ощутил, что здесь, словно на каком чудо-острове, жизнь продолжается. От конуры, виляя хвостом, бежал навстречу пес Мартын, в сараюшках тихо похрюкивали свиньи, «переговаривались» меж собой не уснувшие еще утки...

— Ну, вот мы и дома! — вытаскивая из-за пазухи волчонка, выдохнул хозяин подворья. И, постелив в сенцах старенькую циновку, уложил на нее уже чуточку успокоившегося и согретшегося, а потому сладко подремывающего щенка.

— Давай, спи, а утром будем прописку тебе оформлять.

3

День был воскресный, на работу ехать не нужно, как в будние дни, а значит, можно и дела, накопившиеся за неделю, неспешно подобрать, и с питомцами своими вволю пообщаться. Соскучились, поди, по хозяйской ласке.

И тут Тюнин вспомнил о своей вчерашней находке:

— Как он там, отоспался, не замерз в сенях? Мороз-то ночью хороший стукнул!

Выйдя в коридор, охотник растерялся: циновка была пуста!

— Куда же ты, глупенький, делся? — оглядывая темное помещение, искал он зверька. И наконец увидел его — волчонок забился в угол, в какое-то брошенное там тряпье, и опасно поглядывал на нарушившего его покой человека.

Сергей Иванович, как и вчера там, в лесу, бережно взял щенка на руки и прислонил к груди.

— Ну что, Серый, мать твоя за ночь не объявилась, иначе бы воем спать не дала. Так что будем зачислять тебя в наш зверинец. Есть в нем и кони, и корова, и свиньи, и птица разная, а вот волка доселе не водилось. Теперь и ты в штате будешь.

А зверек тем временем тыкался мордочкой в теплую человеческую руку, жадно облизывал один из пальцев, явно принимая его за сосок матери.

— Да ты же, дружище, голодный, тебя кормить срочно надо! — засуетился хозяин, думая, как быстренько решить возникшую проблему. Ясно одно — нужно молоко. О волчьем и мечтать не приходится, а вот коровье, слава Богу, имеется.

Подогрев кружку с молоком, налил чуточку в блюдце и пододвинул к нему щенка. Ткнул для начала носом — ешь, мол, давай! Только, как оказалось, все было не так просто — Серый воротил нос от блюдца, начал беспрерывно чихать, вырываться из рук, и стало ясно, что ничего из такой затеи не получится.

— Мал еще, не попьет сам, тут без соски не обойтись! — отозвался наблюдавший эту картину подошедший дед Матвей.

Тюнин и сам уже это понял, а потому начал собираться в дорогу. Хотя и не с руки по зиме лишний раз в город ездить, к тому же и планы на выходной ломать, но другого выхода не было. Оставив на старика скулящего от голода приемыша, Сергей Иванович помчал в город, набрал в аптеке сосок всех видов и размеров и вскоре уже продолжал процесс кормления. Поначалу пришлось силой впихивать соску от пузырька в зажатый рот щенка, потом не давать тому выплевывать ее, заставлять сосать... Уж чего только ни изобретал Сергей Иванович — и соски менял, и молоко кипятил, — нет, ничего не получалось! Промучился безрезультатно битый час.

— Ты вот что! — снова отозвался старик. — Попробуй его под козу подсунуть. Где двое, там и трое, авось выкормит Розка зверя твоего...

— А ведь правда, — улыбнулся Сергей. — Как же я сразу не додумался? Коза-то, будто по заказу козлят принесла на днях!

Подсовывая под козий живот, где уже аппетитно чмокали губами двое черненьких козлят, волчонка, Тюнин «объяснял» своему новоселу:

— Твои сказочные предки у коз всегда детенышей крали да в лес уносили, а ты, выходит, теперь их молочным братом будешь! Такая вот, брат, перспектива намечается.

Но Серый, похоже, уже ничего не слышал, да и слышать не хотел. Втиснувшись меж «собратями», он с жадностью потягивал спасительную жидкость и млеял от удовольствия...

4

Неустойчивая зима, часто сменяющая холод на тепло, снег на дождь, видимо, устав от своего непостоянства, еле дождалась положенного срока и с радостью передала правление подоспевшей весне. А та неожиданно для всех быстро и решительно отказалась от него в пользу скороспелого лета, так что уже в начале апреля на улице было не просто тепло, а даже непривычно жарко. Потому-то и природа пробудилась раньше положенного срока — все вокруг уже наливалось сочной зеленью, разноцветьем.

Вышли на ближайший лужок и тюнинские питомцы: без малого десятка овец да коза с приплодом. Животные радостно пощипывали молодую травку, наслаждаясь при этом степным чистым воздухом да окружающим раздольем. Вместе с этим овечье-козьим гуртом, с утра до вечера мирно «пастя» теперь уже подросший четырехмесячный волчонок. Он то азартно носился по весеннему лугу, принохиваясь и раскапывая только ему знакомые бугорки, то с удивлением разглядывал обнаруженную в траве ящерицу и пытался придавить ее лапой, то, лежа на солнышке, сладко подремывал... О пище беспокоиться не приходилось — «мама» Роза была рядом, и при надобности всегда можно было утолить и жажду, и голод. К ее вкусному, питательному молоку Серый так привык, что никак не хотел отказываться, предпочитая его другой пище.

Вечером, возвращаясь на родное подворье, волчонок отправлялся на ночлег в оборудованное им среди камышей на берегу пруда лежбище. Видно, пробуждался в нем с возрастом звериные инстинкты. Здесь он отсыпался, смотрел свои «волчьи» сны, а утром снова вливался в дружную семью своих четвероногих собратьев.

Как долго продолжался бы такой его «санаторный» режим, неизвестно, но однажды, по утренней зорьке, решил хозяин подворья отвести душу с удочками на своем пруду. Небольшой по размерам, но достаточно уютный и ухоженный, он был любимым местом отдыха Тюнина. Не зря затратил столько сил, средств и времени. И с друзьями-товарищами «субботники» устраивал, вытаскивая и вывозя целые горы мусора, и замуленные илом да забытые грязью родники откапывал-расчищал, давая им новую жизнь... А сколько пришлось повозиться с обустройством берегов, зарыбливанием — одному Богу известно! Зато вон какая благодать получилась: любо-дорого посмотреть! Прямо, как в сказке, по водной глади лебеди белые плавают, утки всех мастей — позовешь их, поманишь голосом, — и вот они уже рядом, теснят друг дружку в ожидании лакомства. Особенно красив лебедь Тоша, — скажешь ему:

— Ну-ка, станцуй!

И начнет он тогда выделять свои «па» — то по кругу пойдет, то

крыльями поочередно над водой взмахнет, то головкой своей на длинной шее покрутит. А сам зорким глазом на человека поглядывает, чтобы не прозевать, когда тот заслуженным поощрением его наградит.

...А какая беседка приютилась прямо на воде у одного из берегов! Ажурная, выкрашенная в разные цвета — она, словно волшебный кораблик, день и ночь «плывет» по волнам, маня к себе своей красотой и необыкновенным уютом. Кто бы ни пришел, ни приехал к Тюнину, непременно желает в беседке этой побывать. Тем паче, что хлебосольный хозяин умеет удивить гостя необычной кухней.

Так что, есть, чем полюбоваться, раскинув рыболовные снасти!

Сергей Иванович сел на стульчик и, боясь пропустить поклевку, сосредоточил взгляд на поплавках. И тут же услышал за спиной легкий шорох, а потом и знакомое поскуливание Серого.

— Что, не спится, тоже решил порыбачить? — тихим шепотом спросил хозяин. — Ладно, сиди, только тихо, а то рыбу распугаешь!

Волчонок примостился рядышком с рыбаком и тоже, будто понимая что-то, усталился на воду. И тут один из поплавков, вздрогнув пару раз, плавно ушел вглубь, а уже через мгновение у ног рыбака трепыхался небольшой карасик. Вообще-то Тюнин мелочь не брал, бросал обратно в воду — пусть растет! А тут, заметив, с каким интересом рассматривает зверь незнакомое ему существо, решил дать возможность поближе с ним познакомиться.

— На, любуйся, изучай природу-матушку! — бросив рыбешку волчонку, снова прошептал он.

Серый, опершись на передние лапы, сначала удивленно разглядывал кувыркающуюся в траве рыбку, потом начал играть с нею, трогая ее то одной, то другой лапой.

Увлеченный ловлей Тюнин не видел, когда его питомец съел добычу, и, только обернувшись через какое-то время, заметил довольную мордашку и облизывающий губы красный волчий язык.

— Ты что, слопал, что ли, карася? — теперь удивился уже рыбак. — Сроду не думал, что волки рыбу едят! Ну да ешь, коли по вкусу.

Клев в то утро был неплохим, а потому карасики в сторону «рыболова-напарника» летали с исключительным постоянством. И главное — все они тут же исчезали в волчьей пасти.

— Ну, что? Хватит, наверное, для первого раза? — сматывая удочки, теперь уже в полный голос спросил хозяин. — А то, не дай Бог, заболешь еще! Да и мне пора! Так что с боевым крещением тебя, рыбак! Хотя точнее будет — рыбоед!

5

Вот с той рыбачьей зорьки и изменил Серый свой распорядок дня. Теперь он выходил утром из своего камышового логова, оглядывал берега и, если замечал рыбака, напрямик устремлялся к тому. Подойдет тихонько, уляжется сбоку на травку и наблюдает за процессом. Увидев зверя, человек поначалу пугается, но потом, вспомнив напутствия Тюнина, что волчонок бояться не стоит, успокаивается. Даже не подозревая, что ждет его дальше.

А Серый, дождавшись поклевки, тут же занимает исходную позицию, будто бегун перед стартом. Обрадованный выхваченной из воды рыбешке рыболов не успеет и опомниться, как летящая к его ногам добыча тут

же оказывается в лапах волка. Тот совершал свою «экспроприацию» так ловко и быстро, что противостоять ему было практически невозможно. Да и кто осмелится?

Так и кормил рыбачок «соседа» четвероногого, пока тот, насытившись вволю, не удалялся восвояси.

Если же «рыбалки» не случалось, Серый целый день проводил в одиночестве во дворе, с овечками и козой уже не пасся. То ли надоело ему эти каждодневные однообразные выпасы, то ли потому, что не нуждался теперь в кормилице — «маме» Розе. Разбудили, видать, карасики истинные звериные вкусы. Волк ел уже и другую пищу, но особенно обожал сырое мясо, которым угощал его хозяин, возвращаясь из города. Чужая тюнинскую машину зверь за целый километр! Бежит тогда навстречу, а когда та остановится, завилает хвостом, станет на задние лапы и ждет, когда Сергей Иванович лакомым кусочком побалуует. А потом сопровождает до самого двора.

Гулял по двору волк свободно, как и еще один лесной его собрат — дикий кабанчик Борька. Оставшегося без матери, добытой охотниками, Тюнин принес поросенка уже в конце зимы из лесу — выходил, выкормил, теперь он подрост — вон какой здоровяк стал! И что главное — оба зверя не только ладили, дружили меж собой, но не трогали, и даже не помышляли об этом, ни разгуливающих рядом кур, фазанов, козлят, другую разномастную живность, которой был богат охотничий двор. Такое «мирное сосуществование» удивляло многих, но факт оставался фактом.

Тех же, кто впервые попадал на подворье и не знал о тюнинском «зоопарке», ожидало не просто удивление, а самое что ни на есть «шоковое» испытание. Представьте себе, заходит во двор ничего не подозревающий человек, восхищается увиденной красотой, а на него во весь опор несется, пусть и небольшой, но самый настоящий дикий кабан! От испуга гость хватается ртом воздух, трясется весь, норовя крикнуть во весь голос...

— Да не бойтесь вы его — он же прирученный, домашний! — приходит на выручку стоящий рядом хозяин.

И только, когда зверь промчится мимо, или, похрюкивая, подставит хозяину спину, чтобы тот его почесал, товарищ чуточку успокаивается. Правда, ненадолго. Потому как Тюнин обязательно поведет его потом в свою беседку, что на воде, как не показать чудо-изобретение? И вот когда гость идет по дощатому мостку в этот теремок, оттуда ему навстречу выходит серый волк. И снова шок!

— Проходите, проходите, — смеется Сергей Иванович. — Это же Серый, он у нас хороший, добрый! Да, Серенький? — Погладит волка по шерсти и подтолкнет легонько: иди, мол, гуляй!

Только тот далеко не уходит — знает, что и ему перепадет вкусенькое с «барского» стола. Так и остается лежать на помосте в ожидании удачи.

Такие необычные «картинки» воспринимались гостями по-разному. Кто-то, отведав угощений и вволю пообщавшись с приветливым хозяином, уходя, уже и забудет про свой испуг, сам над собой посмеивается. Некоторые же чуть ли не с обидой выговаривали Тюнину: «Ох, доиграешься ты когда-нибудь! Зверь он и есть зверь, как бы ты его ни приручал. Что кабан, что волк — хищники, одни из самых опасных! А ты их среди людей держишь, да еще вот так — на воле».

Хозяин на такие предупреждения особо не реагировал — улыбнется в ответ, и все. В лучшем случае скажет:

— Да кто его знает, где она опасность, от кого ее нынче ждать?

Так день за днем, месяц за месяцем спокойно и неторопливо текла жизнь в этом необычном земном уголке. Только таковы уж неписанные правила жизни, согласно которым радость когда-то уступает место грусти, светлую полосу сменяет темная... И ничего с этим не попишешь, как ни старайся!

Не миновала эта «пересмена» и хуторскую землю. Началось все с того, что поселились в одном из заброшенных домов какие-то люди не из здешних мест. Купили дом или просто вселились, у кого теперь узнаешь? Да и зачем? Пусть себе живут — места всем хватит. Одно смущало — были они не русской национальности, то ли молдаване, то ли цыгане, поди, разберись! Нелюдимые, замкнутые, ни с кем не общаются, со двора носа не кажут. Поначалу вроде бы спокойно жили, тихо, не бедокурили, но потом, видно, обжились, осмелели. Пришел как-то дед Матвей к Тюнину и жалуется:

— Никогда ничего со двора не пропадало, а тут кинулся — топор на днях исчез, нынче гляжу — яблоню обобрали всю как есть! Не жалко яблочек энтих, пусть едят, но зачем чужое брать? Я бы и так дал, коли попросили б. Чует мое сердце — поселенцев этих проказы. Токмо ловить воров я уж не годен, вот что плохо! Да и брать-то у меня особо нечего. А ты, Серега, на всяк случай присматривай за подворьем — мало ли что.

И вот буквально через пару дней после этого разговора остался Тюнин, завозившись допоздна по хозяйству, ночевать на хуторе. Уснул быстро — сказала, видно, дневная усталость. Но ненадолго, потому как ближе к полуночи услышал во дворе какой-то странный шум. Как никогда громко лаял привязанный у конюшни Мартын, испуганно гоготали гуси на берегу пруда, кричали утки... Тут же послышался чей-то крик, после чего завыл во все свое волчье горло Серый.

Быстро накинув одежду, охотник выскочил во двор и увидел, как в темном углу двора через забор метнулась чья-то фигура. У штacketника метался из стороны в сторону волк, видимо, преследовавший, но не успевший схватить вора.

Осмотрев двор, Сергей Иванович поначалу ничего особенного не заметил — двери на сараях были закрыты, решетки на птичьих клетках целы, в беседке тоже все на месте... И только подойдя к приземистым деревянным домикам в дальнем углу пруда, увидел разбросанные на траве птичьи перья, а потом уже и сорванную дверцу с одного из гусиных жилищ.

— Гусей воровал! — понял Тюнин. — Видно, подкрался незаметно, место-то неосвещенное, поотворачивал головы птицам, а когда остальные гвалт подняли, побежал к забору. Коли была бы подальше изгородь, Серый точно не дал бы уйти! Или Мартын бы не на привязи был, хотя у конюшни пост поважнее будет. И охотничьих не выпустишь — не дай Бог, сбегут или уведет кто. Ладно, утром, может, прояснится что, а сейчас дышать надо, вряд ли кто осмелится после такого шума опять лезть.

6

Утром, еще по темну, пришел дед Матвей. Чертыхнувшись с порога и поминая недобрым словом «рехармистов», влезших в Божьи дела и устроивших в стране чуть ли не дообеденную ночь, спросил у Сергея:

— Штой-то за шум такой по ночи был? Как вроде в твоём дворе. Я уж было засобирался выйти глянуть, да слышу — стихло все.

— Да я и сам пока не понял до конца, — натягивая сапоги, ответил тот. — Похоже, кого-то на гусятину потянуло. Из одной клетки пару уволокли. Серый погнался, да не догнал, хотя крик чей-то я слышал. Может, тяпнуть успел на ходу? Только вот кого? Сроду такого не было, чтобы на живность кто позарился...

Старик сел на табуретку, достал неизменный свой кисет, что, по его рассказам, чуть ли не с войны хранит, и только после того, как выпустил первую струю едкого табачного дыма, ответил:

— Оно, конечно, не пойманный — не вор, токмо больно уж сытным духом с цыганского двора нынче тянет. Варевом или жаревом мясным... Откуда бы ему взяться, коли голь перекатная! Они, стало быть, гусаками разговляются, кого еще в эту глухомань принесет воровать? Чего делать-то будешь? В милицию заявлять или сам пугнешь?

— Не знаю пока. Во-первых, пойди докажи, что это они. Запах-то к делу не пришьешь! А во-вторых, скандал затеешь, обозлятся! Еще больше могут натворить пакостей! Подожду пока, Мартына выпущу, этот у любого охотку воровать отобьет!

На том и порешили. А «прогноз» соседа в отношении воров подтвердился в тот же день. Вернувшись после работы на хутор Сергею старик-сосед сообщил, что один из взрослых сыновей цыган-молдаван ездил днем в город. Повстречавшемуся с ним деду прихрамывающий парень объяснил, что колол, мол, дрова и поранил ногу. Вот ездил в больницу. А сам глаза в сторону отводит, все спешит уйти. Знать, и впрямь цапнул его Серый!

Все последующие ночи Тюнин ночевал на своем подворье, опасаясь мести соседей. Но все было тихо, спокойно, а через неделю жизнь вообще стала входить в привычную колею. А тут пришла зима, покрыла все вокруг снегом — каждый след как на ладони! Да и ночи светлее стали, так что для лазанья по чужим дворам время наступило неподходящее.

Сергей Иванович также после работы приезжал вечерами на хутор, занимался разными делами, в выходные ходил с друзьями на охоту. Теперь ему было несколько легче вести свое непростое хозяйство, так как появился у него с некоторых пор помощник, по прозвищу Полторашка.

Подобрал его, закоченевшего от холода, Тюнин по дороге, возвращаясь вечером из города на хутор. Шел тот в полной темноте по полевой дороге — в каком-то старом плащике, на голове шапчонка, больше на фуражку смахивающая, на ногах ботинки дырявые. Жалко стало бедолагу, остановился, посадил в машину — чего не подвезти? Только оказалось, что подвозить-то некуда. Шел человек этот, сам не зная куда. Вернее цель была — какая-нибудь ближайшая деревушка, но вот какая — вопрос! А сподвигнула его на эту крайность достигшая всяких пределов непутевая городская жизнь. Был когда-то и он, Борис Ефимыч Полторанин, нормальным человеком. Работал наладчиком швейных машин на местной швейной фабрике, получал нормальную зарплату, кормил семью. Потом, в лихие 90-е, фабрику закрыли, выкинули всех за ворота... Искал Ефимыч работу, искал, да только где с такой специальностью устроишься? Одно время грузчиком у барыги подрабатывал. Работа тяжелая, а скупердяй-прижимала копейки платил. Домой от стыда идти не хотелось. Скорешился с такими же неприкаянными, как сам, ну и пошло-поехало! И что интересно, на семью денег найти не смогли, а вот пьянки-гулянки каждый день себе обеспечивали. Ночевали в каком-то подвале, про семью забыл... Однажды, спустя чуть ли не год, зашел к себе домой,

а в квартире чужие люди живут. Жена с дочкой, оказывается, уже с полгода, как к матери ее в Краснодарский край уехали. Квартиру то ли сдали, то ли продали, в общем, узнавать не стал. Так и скитался по чужим углам все эти годы, в настоящего бомжа превратился, в Полторашку. А недавно встретил случайно давнего приятеля, вместе на фабрике работали. Тот, наверное, и не узнал бы его, если бы голос не оказался слишком знакомым. Расспросил товарища по несчастью, как до жизни такой докатился, а потом и посоветовал:

— Пока, говорит, здоровье да разум до конца не пропил, мотай из города куда-нибудь в деревню. Жилья там сейчас заброшенного навалом, люди еще не озверели, как в городе, глядишь, не дадут с голода умереть. А баловать водкой не будешь, и работа найдется... Вот он и идет: люди сказали, где-то недалеко село есть.

— А чего по ночи-то, да по холоду?

— Так днем стыдно в таком обличи ийти. Да и милиция ездит, заберут, потом объясняйся. А холод он что днем, что ночью — одинаков.

Понимал Тюнин, что рискует — может, обманывает его бомж этот, может, преступник какой? Но все же одолела жалость охотника к бездомному человеку, предложил пожить у себя. На что тот согласился с великой радостью.

Одним словом, привез Тюнин Полторашку на хутор, отмыл, одел-обул во что было, накормил досыта и заключил с ним такой договор:

— Ты, мил человек, не пьянствуешь, не воруешь, помогаешь мне по хозяйству, а я тебя кормлю-пою, времянку под жилье отдаю. Считаю, что судьба дала тебе шанс снова нормальным человеком стать. Живи, коль согласен, а там, как Бог даст.

Так и прижился мужичок в тюнинском дворе и, надо сказать, оказался исправным помощником, условий договора пока не нарушал. Иногда, правда, Сергей Иванович сам угощал Ефимыча стопкой-другой по случаю какого-нибудь праздника или другого нерядового события. Подвыпивший Полторашка ходил тогда гоголем по двору, отдавал громкие команды своим подопечным, но особенно нравилось ему заигрывать с волком. То за хвост его дернет, подкравшись сзади, то зарычит на зверя, оскалив беззубый рот... тот старался не поддаваться на эти провокации, как правило, убегал от пьяного человека.

Но однажды, во время одной из таких забав Полторашки, Серый решил показать наконец свой волчий нрав. Когда дразнильщик пошел на него с раскинутыми по сторонам руками и громким рыком, волк, оцетинив шерсть и оскалив клыки, двинулся в сторону обидчика, рыча уже по настоящему, по-звериному. Не зря, видимо, говорится: не будите в волке зверя и остерегайтесь от забав!

От неожиданности мужик сначала оторопел на секунду-другую, после чего со всех ног рванул к крыльцу, на котором стоял хохочущий до слез Тюнин.

— А я тебя предупреждал — не дразни зверя! Получишь когда-нибудь сдачи! Волк, он и в Африке волк! — уже серьезно отчитал Тюнин помощника.

Еще не отошедший от испуга, тот достал сигарету, прикурил дрожащими руками и с явной обидой пробурчал:

— Ничего, посмотрим еще — кто кого!

— Дурак ты, Ефимыч, и не лечишься! Видать, нельзя тебе выпивать, совсем голову теряешь!

Так потеха и закончилась... Но с той поры Полторашка волка дразнить перестал, даже стороной стал обходить, хотя чувствовалось, что за-таил он на Серого кровную обиду.

7

Вроде бы успокоилась, улеглась жизнь на хуторе, и Сергей Иванович начал было подумывать, что мимолетная темная полоса над его подворьем рассеялась, ушла.

Ан нет, ошибался охотник! Где-то в начале весны, когда уже стоял снег и мерзлая земля начала оттаивать, не стало деда Матвея. Умер он неожиданно, ночью, в своей состарившейся, как и сам, хатенке. Еще вечером возился во дворе, а лег спать — и не проснулся. Обнаружил его Полторашка, понесший старику кое-какой перекус. Последнее время Тюнин, прижалевывая старика, почти полностью взял его под свою опеку — много ли надо пожилому человеку?

Дочь с зятем решили похоронить отца в городе — на хуторе, почитай, и кладбища-то как такового не осталось, да и за могилкой там ухаживать проще будет.

Так лишился Сергей вмиг и присмотрщика за подворьем, и советчика мудрого. Теперь вся надежда на Полторашку — вовремя его Бог послал ко двору.

...Приближались майские праздники, и Сергей Иванович в мечтах жил уже предстоящими «длинными» выходными, строил в голове планы, что и как сделать за эти дни. Последний перед Первомаем рабочий день выдался напряженным, хлопотным, пришлось допоздна решать массу вопросов, и Тюнин остался ночевать в городской квартире.

— Хоть служба тебя домой загнала, а то бы совсем на хуторе своем прописался! — ставя на стол ужин, вздохнула жена. Нет, она не выговаривала, не обижалась на мужа, понимая, что без любимого занятия он не проживет, что это — огромная, важная часть его самого. Ей просто было жалко измотавшегося в беспрестанных поездках, уставшего от решения вечных проблем, любимого человека.

— Как хочешь, а этим летом повезу тебя куда-нибудь в санаторий или на море. Отдохнем, как люди, подлечимся... Сколько можно без отдыха, — продолжала супруга.

— Доживем! — философски отреагировал Тюнин, уплетая за обе щеки любимые жареные котлеты, по которым уже соскучился.

— Вот всегда ты так! — обиженно заключила жена. — Ладно, доедай да спать, а то завтра опять чуть свет ринешься в свое захолустье.

— Не ринусь, а ринемся, — поправил ее Сергей Иванович. — Поедем вдвоем, чего одной сидеть дома столько дней! А там природа, воздух свежий, травка зеленая... Да и руки женской фазенда наша давно не чувствовала.

— Доживем! — передразнила его жена.

А утром их внедорожник уже мчался по знакомому проселку.

— Сейчас Серый встречать будет, — подъезжая к хутору, заметил Тюнин и, обращаясь к сидевшей рядом жене, добавил:

— Приготовь что-нибудь вкусенькое, любит, когда его угощают тут.

Но как ни всматривался Сергей в бегущую навстречу дорогу, привычно мчавшегося к машине волка не видел.

— Проспал, что ли, чертенок? Или на «рыбалке» с кем дежурит? — гадал он.

Однако ни во дворе, ни на берегу пруда, ни в камышовом лежбище Серого не было.

— Куда же он запропастился? Не убежал ли разом? — проскочила тревожная мысль.

И тут увидел шагавшего к нему Полторашку. Не дожидаясь, пока тот подойдет ближе, крикнул:

— Серого не видел?

Помощник продолжал идти, молча, насупив скуластое лицо и только подойдя вплотную, тихо ответил:

— Там вон за конюшней лежит. Не поднимается почему-то...

Не слушая дальше, Тюнин бросился за сарай и увидел лежащего на траве зверя.

— Серый! Ну, ты чего? — присев на корточки и поглаживая волка, с тревогой в голосе спросил охотник.

Но зверь молчал, даже не скулил, как обычно, отзываясь на ласку хозяина. Из потухших, полуживых глаз его текли и скатывались на землю самые настоящие, совсем, как человеческие, слезы.

— Ну что с тобой, что случилось, Серенький? Давай, поднимайся, я помогу, — продолжал уговаривать своего питомца Тюнин. Но тело не слушалось ни волка, ни хозяина, пытавшегося поставить того на ноги.

— Парализация! — догадался Сергей Иванович. — Неужели клещ? Их время! Если так, то дела плохи... Есть, правда, одно средство, но лишь бы не поздно.

Он быстро сбежал в дом, разбил в чашку два сырых яйца, залил их водкой и, размешав, вернулся к конюшне.

— Сейчас мы тебя подлечим — лекарство не раз проверенное, хоть и на собаках, но помогает здорово, — подходя к лежащему зверю, успокаивал больше себя хозяин.

Он уже было собрался залить приготовленную смесь в волчью пасть, когда понял, что опоздал. Глаза Серого были закрыты, а безжизненное тело его, вытянувшись, покоилось на зеленом бархате весенней травы.

— Что же ты? — чуть не плача, промолвил Тюнин, понимая, что его приемыш, проживший с трехдневного возраста рядом с ним всю свою жизнь, умер.

— Жалко, слов нет, но нельзя же так убиваться! Значит, судьба его такая, — успокаивала Сергея жена. — Теперь захоронить надо где-то.

Но Сергей Иванович, похоже, не слышал ее. В его голове роились, будто пчелы, самые разные мысли.

Да, по всем признакам, похоже на клеща. Но ведь это лесной зверь, защищенный от таких паразитов природным иммунитетом, который приходит к нему с молоком матери. С молоком... А чье молоко пил Серый? Козье! Так откуда же у него будет волчий иммунитет? Как же я сразу-то не додумался? Можно же было прививку, как собакам, сделать, глядишь, и живой был бы.

Долго еще терзал себя Тюнин, не находя места ни в доме, ни во дворе. Забрел в заброшенный сад, что примыкал к его участку.

— Похороню его завтра под этим вот дубом — решил он. — А сегодня пусть переночует, как положено, ночь с нами.

Не помня, как провел день, чем занимался, лег Сергей Иванович спать. Спал плохо, ворочаясь с одного бока на другой. Снились какие-то

кошмары, от которых он то громко вскрикивал, то просыпался и выходил во двор курить. Уже под утро ему в голову вдруг пришла неожиданная мысль — свозить труп Серого к знакомому ветеринару. Пусть вскрыет, узнает точную причину гибели... Все-таки интересно — в самом ли деле иммунитет зависит от молока, которым поят детеныша?

На звонок и просьбу Тюнина ветеринар откликнулся неохотно: праздник, мол, отдохнуть надо. Да и какая теперь разница — сдох и сдох... Но, в конце концов, видимо, почувствовав горестное настроение товарища, согласился.

— Ни при чем тут твоё козье молоко, — складывая инструменты и моя руки, заключил ветврач. — И клещ ни при чем!

— Как так? Что же тогда? — удивился охотник.

— А самое настоящее отравление! Причем, травили преднамеренно, уж больно отравляющая сильнодействующая! Так-то вот! Забирай своего зверя да закапывай где-нибудь подальше и поглубже.

Пожалуй, впервые ехал на свой хутор Сергей Иванович, не видя ни дороги, ни окружающей природной красоты, которой он каждый раз любовался. В его глазах немеркнуло стоял Серый — то тыкающийся носом в блюдо с молоком, то хватающий лапами пойманную кем-нибудь рыбину, то бегущий навстречу Сергеевой машине... Всякий, разный, каким видел его Тюнин за все это время, только не мертвый! Не хотел верить охотник, что его серого приемыша больше нет на этом свете. Не хотел!

8

Зарыл волка Тюнин, как и задумал, под старым дубом в конце сада. За обедом выпил рюмку, помянув безвинную волчью душу.

— Ляг, поспи! Всю ночь ведь прокрутился, — видя переживания мужа, посоветовала супруга. — Отдохнешь, гляди, и позабудется маленько, полегче станет.

Послушался. Лег. Только уснуть снова не получалось. Голову опять теснили вопросы без ответа.

— Кому помешало это безобидное земное существо? Ведь и волком-то Серый был только по своему происхождению, а по жизни, поведению — не страшнее обычной собаки! Никого не трогал — ни людей, ни животных, обитающих рядом. Значит, нашлась подлая душонка, прикрывшая человеческими одеждами свою звериную сущность, еще более хищную, чем у волка... Кто же это мог быть?

Сергей Иванович начал мысленно листать страницы жизни Серого на хуторе, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, что помогло бы найти ответ.

— Может, все-таки это молдаване так жестоко отомстили за укушенного парня? Так вон сколько времени прошло! А зло, оно безрассудно, затяжки не терпит, как правило, сразу требует действий. Да и сам ведь виноват — зачем воровством заниматься? Хотя, если нет у людей совести, от них всегда можно пакостей ожидать... Выждали, видно, подходящий момент, да и сделали свое черное дело. Может, даже Полторашку с вечера угостили, чтобы спал крепче — уж больно утром вид у него был никудышный.

— Погоди! — тут же родилось новое предположение. — А может, это он, божж этот пригретый, сотворил? Не забыл, как волк ему сдачи дал.

Так опять же — сам нарывался... Да и откуда у него отрава, если с хутора уж столько дней никуда не отлучался? Только гарантии его невинности тоже нет.

— Из заезжих кто? Охотники? Говорит Полторашка — не было никого за эти сутки. Оно, конечно, можно и тайком отраву бросить, никто и не заметит, только зачем, за что убивать живое существо?

Нет ответа! Одно только ясно — человеческих рук это дело. Неважно теперь, кого именно, главное — человека! Того самого «гомо сапиенс», который отличается от животного не столько внешностью своей, сколько разумом, поведением. Относит себя к беззащитным от зверя существам, считая того безрассудным, опасным для себя. А так ли это на самом деле?

И тут же, будто отвечая на этот вопрос, привиделся Тюнину покойный дед Матвей. Сидит, как когда-то в один из летних дней в беседке, смотрит задумчиво на лежащего неподалеку Серого и рассуждает:

— Всякая живая тварь на земле Богом создана, хоть и разная вся по подобию своему... Стало быть, токмо ему и решать, кому дать жизнь, у кого отнять, и опять же, в какие сроки. Хоть человеку, хоть зверю какому, как вон волку этому. Наше дело — жизнью этой по-умному пользоваться, белым светом наслаждаться, сохранять все, что вокруг тебя в мире этом есть. Для того Господь, видать, и наделил человека разумом, в отличие от животного, чтобы держал это правило на Земле. А мы токмо и знаем, что воюем меж собой, жизни друг у дружки силой отнимаем... А потом еще на зверей пальцем тычем — хищники, мол, проклятые! К делу не по делу истребляем их нещадно, а значит, в дела Божьи лезем. А про свои забываем. Вот и гадай после этого — кто кого страшнее... Не я придумал, — прищурился подслеповатые глаза, смотрит дед Матвей на охотника, — от дедов своих еще слыхивал: «Коли хочешь увидеть самого опасного зверя на Земле — глянь в зеркало»!

Старик исчез так же тихо и незаметно, как и явился. То ли от видения этого, то ли от усталости, провалился Тюнин в глубокий крепкий сон. И только ходики на стене, будто соглашаясь с мудрыми словами старца, выстукивали в наступившей тишине свое извечное: тик-так, тик-так, тик-так!

Николай Михайлович Матвеев (1950-2008). Родился в городе Смоленске. Окончил Днепрпетровский государственный университет (Украина). Работал инженером Лискинской дистанции водоснабжения и водоотведения. Публиковался в журнале «Подъём», поэтических сборниках и альманахах, региональной печати, в газетах Днепрпетровска, Ялты, Запорожья.

Николай Матвеев

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

* * *

Пусть прольется жизнь
Золотым дождем...
Пусть цветы взойдут
На лугу моем.
Пусть туда придет
Русский паренек.
Знаю,
 он поймет,
Как я одинок
Был —
 любил, страдал...
Это он
Меня на плаву —
Держал.

* * *

Просто так
 лежать,
 не думать,
Слушать, как бежит река.
Комара с запястья сдунуть.
Бросить в речку горсть песка.
Быть
 как крестик
На ладони
У Природы вековой...
Раз сверкнуть —
 и в светлый омут
Погрузиться с головой.

ЯЗЫЧНИК

Я не обрываюсь у макушки.
Свет из сердца
Ввысь и ввысь и ввысь.

Пусть кукуют
 глупые кукушки —
Знаю я,
 что бесконечна жизнь.
Надо мною пусть жена смеется.
«Где же доказательства,
 отец?» —
Говорит мне сын. А сердце бьется
Тысячное из моих сердец.

БЫВАЕТ ТАК...

Бывает так: все в рифму
 просится,
А в сердце —
 «лучше не пиши».
Глаза закрою.
Мысль уносится в глубины самые
 души.
Там свет.
И абсолютно ясно,
Что слово
 к пропасти ведет...
Бывает,
 так писать опасно,
Напишешь —
 и произойдет...

* * *

Истребить и веру,
И неверье...
Просто быть —
Как волк в степи
Глухой.
Заглянуть в глаза природы
Древней
С ожиданьем, болью
И тоской...
Век идти.
Пусть будет путь
Беззвездный,
То, что нужно, есть —
В твоей груди
Бьется сердце,
Полное надежды,
Будто бесконечность
Впереди.

Иван Алексеевич Анчуков родился в 1950 году в селе Средний Икорец Лискинского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Работал инженером, художником газеты «Коммуна», зам. ответственного секретаря газеты «Воронежский курьер». С 1992 года руководитель издательско-полиграфической фирмы «ИАН» («Полиарт»). Издал 8 сборников своих карикатур. Лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области», дипломант и призер более 30 республиканских, всесоюзных, международных конкурсов карикатуры. Член Союза журналистов России. Живет в Воронеже.

Иван Анчуков

ИЗ ЖИЗНИ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

* * *

Любимый анекдот про футбол: Пенальти. Болельщик в попытке докричаться орет во все горло: — Бей в правый угол! В правый!.. В правый бей!..

Удар. Вратарь накрывает мяч в правом углу. — ...твою мать! У тебя что, своей головы нет?

* * *

В одном из интервью на вопрос о моем любимом блюде я ответил:

— Жареная картошка с малосолеными помидорами.

Читаю в газете: «Жареная картошка с огурцами».

— Ребята!.. — говорю я в редакции.

— Да какая разница? — отвечаю мне.

А разница, поверьте, большая.

* * *

В салоне «Итальянская мебель» супруга заказывает стульчик для сынишки.

Сотрудница магазина извиняется: «В настоящий момент на базе такие стульчики отсутствуют, а ближайшая машина в Китай планируется только через месяц».

* * *

Несколько лет назад на моей персональной выставке, в выставочном зале на улице Кирова, слышу восторженный женский голос за спиной:

— Какая прелесть! Какое чудо!

Оборачиваюсь, чтобы как бы невзначай признаться, что я, собственно говоря, не кто иной, как автор этого чуда.

...Оказывается, восторги женщины относились к дивану, одному из экспонатов постоянной выставки-продажи мебели.

* * *

У меня есть друг по фамилии Буденный — прекрасный писатель-юморист. Когда я кому-то хочу рассказать о том, какой он талантливый, я привожу в качестве примера заголовок одного из его рассказов: «Как отдохнуть на юге с женой и все-таки отдохнуть».

* * *

Я получил приз на международном конкурсе карикатур в Канаде.

Это событие мы крепко отметили с Виталием Буденным. Через день я получаю информацию из Канады, что я стал призером еще одного конкурса. Звоню Виталию:

— Поздравь, — говорю, — я получил приз в Канаде!

Пауза. Затем:

— Иван, нельзя так много пить. Ты что, совсем ничего не помнишь?

* * *

Статья в «Комсомолке» на всю полосу «Почему Путин не приехал в Воронеж?» Высказано и досконально рассмотрено множество версий. В конце этой полосы один абзац: «Мы позвонили в администрацию Путина, и нам ответили, что визит Президента в Воронеж вообще не планировался».

* * *

Армия. Я служил в ракетных войсках стратегического назначения. Общее построение полка. Командир полка интересуется:

— Есть ли у кого вопросы?

Солдаты выходят из строя:

— Товарищ полковник, говорят, что служба в ракетных войсках сильно сказывается на потенции?

— Я в этих войсках служу уже 20 лет, — четким, хорошо поставленным командным голосом отвечал полковник, — и с подобными вопросами просьба обращаться к моей супруге.

Под всеобщий хохот всего полка вопрос был закрыт навсегда.

* * *

Анекдот: Стук в дверь к ясновидящей.

— Кто там?

Так вот, если бы все эти предсказатели судьбы за деньги действительно могли

предсказывать события, вы были бы им неинтересны — они играли бы в тотализатор.

Франция. Едем два часа на автобусе на побережье пролива Ла-Манш. После длительной поездки на конечном пункте все бросились на поиски туалета. Образовалась очередь. Правила пользования туалетом: бросил два франка — дверь и открылась. Вышел, захлопнул дверь, следующий из очереди снова бросает два франка. У нас, конечно, только первый растаял с двумя франками. Потом просто перестали хлопать дверью. В конце очереди стояла пожилая английская пара, и, глядя на этот фокус с дверьми, сильно возмущалась по-английски. Когда подошла их очередь, они уже были немножко русскими. Быстро они у нас учатся.

Одно время ко мне в типографию было целое паломничество авторов с рукописями различной тематики. Но говорили они все одно и то же:

— Издай. Уйдет влет! Обогаতিшься.

Я брал в руки калькулятор, просчитывал стоимость издания и предлагал:

— Займите эту сумму, отдайте ее мне, я быстро напечатаю книгу. Уйдет влет! Отдадите долг и еще обогатитесь.

Действовало безотказно. Авторы, так же, как и я, не хотели обогащаться.

Беседую со старым знакомым, неожиданно ставшим колбасником.

— А правда, — говорю, — что лучше не видеть, как делают колбасу?

— Да, правда, но туалетной бумаги там нет — это слишком дорого...

В студенческие годы я начал собирать коллекцию случаев, когда юмор помогал человеку выйти из затруднительного положения.

Первая история такова. Мест в студенческом общежитии всем желающим не хватало. Декан решил создать комиссию, выявить нарушителей режима, лишить их права дальнейшего проживания, а на освободившиеся места поселить более достойных.

И вот комиссия заходит в первую комнату и видит следующую картину: на столе гора окурков и колода карт, под столом бутылки из-под пива, а в кровати отдыхающий после бурной ночи студент.

Декан аж просиял от легкости решения трудной задачи. Подошел к спящему студенту и начал его трясти за плечо. Студент открыл глаза, тупо уставился на декана и после некоторой паузы изрек:

— Приснится же такое.

Повернулся на другой бок и заснул.

Под общий хохот он был оставлен в покое.

Воистину: «Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от намерения вас повесить». (*Бернард Шоу*)

* * *

В стоматологическом кресле у врача слушаю его, раскрыв рот. А врач — юморист, рассказывает непрерывно и не только мне, но и пациентам, ожидающим очереди, и медсестрам:

— Был вчера в гостях, — говорит, — у коллег в стоматологической клинике. Сидим, пьем кофе, заходит еще один коллега. Поздоровавшись, он начал жаловаться, какой сложный мост попался у его последнего клиента. — Намучился я с ним. Еле поставил.

И тут заходит еще один коллега:

— Ребята, вы не видели тут моста, а то вот этот не мой.

Замечательная реклама по типу: туда не ходи, ходи сюда.

* * *

О рекламе. На одной улице было три парикмахерских салона. Один из них повесил плакат: «Лучшая парикмахерская в городе». Второй — «Лучшая парикмахерская в мире». А третьему отступать было некуда, и он написал: «Лучшая парикмахерская на этой улице».

* * *

В детстве мои родители меня не лупили вовсе. Моим же детям от меня иногда перепало.

Видимо, сказывается мое плохое воспитание.

* * *

Эпоха застоя. На площади Ленина мероприятие: помесь плясок и песен с очередями. Я стою в громадной очереди к резчику стекол. Очередь движется очень медленно, т.к. резчик сначала заполняет на вас бланк: ФИО, адрес, место работы и еще что-то. И только потом исполняет заказ. Таким образом, он выполнял план для своей фирмы по оказанию услуг населению по предварительным заявкам. Сейчас это, конечно, выглядит смешно. Но тогда... когда подошла моя очередь, я назвался Пушкиным. Резчик при этой фамилии вздрогнул, но записал. На Александра Сергеевича он уже потребовал с меня паспорт. Паспорта, конечно, не было.

Резчик в позу, я тоже. Очередь встала на защиту резчика с предложением вообще убрать «такого умника» за затяжку времени из очереди. Но «Пушкин Александр Сергеевич» все-таки ушел со стеклом. И историки, копаясь в архивах, могут зафиксировать факт пребывания А.С. Пушкина в Воронеже по хозяйственным нуждам.

Эту историю я часто вспоминаю, когда захожу в ту или иную организацию, где на входе сидит вахтер с журналом и, не спрашивая паспорта, заносит фамилию проходящих в толстую книгу. В свои года я уже не рискую называться Пушкиным, а вот под Иванова иногда канаю.

* * *

«Газета с улицы Лизюкова». Номер уже сдали в печать, и вдруг звонок от Юрия Семеновича Рогоулькина, большого поклонника и знатока футбола, а в данном случае организатора статьи-поздравления одного из корифеев воронежского футбола с юбилеем.

Юрий Семенович очень просил добавить одну фамилию под поздравлением. Повод был убедительным: «Ну, никогда человек не видел свою фамилию в газете печатными буквами».

* * *

Чемпионат мира по футболу. Смотрел, как хорваты на равных сражались с бразильцами, и завидовал их болельщикам. Югославия, как и наш Союз, распалась на несколько маленьких частей и каждая из этих частичек, в отличие от наших осколков СССР, достойно и здорово играет в футбол.

Обсуждали эту проблему с Юрием Семеновичем Рогоулькиным: «Никогда наша сборная не будет хорошо играть в футбол, ни с каким тренером, так как в основе достойной игры сборной лежит любовь к Родине. А ее сейчас нет ни у нас, ни у футболистов!» — сказал Юрий Семенович.

* * *

Семейный обед. Супруга — дочери:

— Да не чавкай ты так!

— А как?

* * *

В моем офисе по стенам развешано порядка 20-ти моих работ, выполненных на холсте маслом. Своеобразная мини-выставка. И народу за день много бывает.

Одна из клиенток хочет пару работ купить. А мне их жалко. Тогда она так по-доброму говорит:

— Иван Алексеевич, но вы ведь скоро умрете, так пусть хоть мои дети на Вас немного подзаработают.

* * *

После того, как я занялся живописью, у меня появился интерес к работам современных художников.

И вот что выяснилось: книжные полки по искусству во всех магазинах, во всех городах заполнены многочисленными фолиантами с иллюстрациями известных художников, увы, уже не современников. Работы этих художников в различных комбинациях переходят из тома в том, и уже практически невозможно купить

пару книг, где бы одни и те же художники с одними и теми же работами в них не пересекались.

Поинтересовался у одного издателя:

— Почему так?

— Очень просто, — отвечает, — издам я альбом работ художника, к примеру, Анчукова, а он не пойдет. Я понесу убытки. А тот же Малевич рано или поздно весь уйдет на подарки.

* * *

Придумал рекламу воронежскому пиву. Я даже ночь плохо спал — распирала гордость за себя: какой гениальный текст получился: «Воронежское пиво — свежее, осязательное... уставшее в пути».

Я ничего хорошего не сказал о тогда еще не совсем качественном воронежском пиве и не сказал ничего плохого о другом хорошем пиве.

С утра я на пивзаводе. Выкладываю текст...

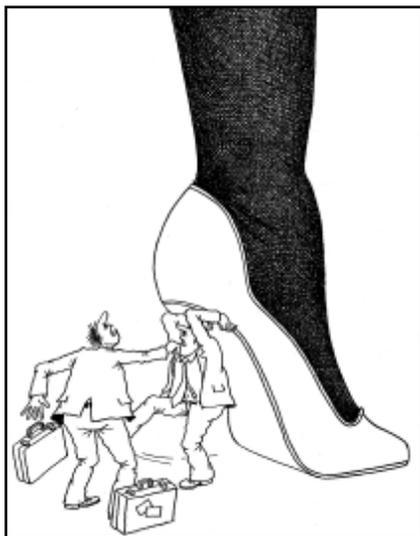
— Отлично, — говорят, — оставляем «Воронежское пиво — свежее». Остальное убираем.

...Я почувствовал себя там лишним и удался.

И только спустя год раздался телефонный звонок:

— До нас дошло. Придите, получите гонорар.

* * *

Село Средний Икорец — моя родина. У меня там остался родительский дом на берегу реки. Люди едут в Икорец по путевкам отдыхать, а я там живу.

Ночь. Река. Громадная желтая луна. Над зеркальной поверхностью воды расстилается туман. Плыть без всплесков, не нарушая тишины. Вода, как парное молоко, и поэтому ее практически не ощущаешь, как и вес своего тела. Если в это время погрузиться в воду так, чтобы глаза оказались на одном уровне с гладью воды, то от полученной картинки можно с ума сойти — теряется ощущение реальности, кажется, что ты попал в другой мир.

* * *

Ночь. Та же река. Та же луна. Подъезжает машина еще с двумя ночными купальщиками.

Первый заходит в воду и его охватывает восторг от воды, луны, тумана... А словарный запас оказался не сопоставим со сказочным пейзажем. И ночная тишина прорубилась от его нескончаемых восторгов: «Ё... какая луна! Ё... как здорово! Ё... Ё...»

* * *

Как-то лет в 18 я впервые подумал, а что бы я ответил Господу Богу, если бы он вдруг снизошел до меня с предложением прожить отмерянный мне отрезок жизни в одной поре, то какой бы возраст я себе бы выбрал?

Я был согласен на 18, затем на 19, и т.д. Впервые я задумался лишь однажды, в 28. А теперь мне уже шестьдесят и мне нравится этот возраст.

В связи с этим вспоминается Гавриил Троепольский, наш замечательный воронежский писатель: он стоял, немножко сгорбившись под тяжестью своих семидесяти лет, в день своего рождения, на сцене Дома актера в раздумье, что сказать в ответ на поздравления залу, людям моложе его, и явно сочувствующих его возрасту.

— Вот смотрите вы на меня, — начал он, — и думаете: «Ну что ему надо в жизни?» На каждом этапе жизни появляются свои интересы, — продолжал он. — И поверьте, что мне сейчас жить интересно».

Я тогда ему не поверил. Сейчас верю, как себе.

* * *

Едем в Лиски с Колобовым Владимиром Васильевичем, в его бытность редактором в «Молодом коммунаре».

На въезде в город останавливает гаишник за превышение скорости. Начинает выписывать штраф. Редактор достает заветную корочку и объясняет инспектору, что вообще-то перед ним редактор областной газеты «Молодой коммунаре». Сержант и ухом не повел, сказал только, что он рад, что Владимир Васильевич редактор, и продолжил свое дело.

Тогда редактор выложил последний козырь: «Мы едем по делам к главе Лискинского района, господину Шевцову».

— А Шевцов у нас никогда правил не нарушает, — заявил сержант, вручая редактору квитанцию об уплате штрафа.

Просто фантастика!

* * *

Семинар по ТРИЗу (теория решения изобретательских задач). Замечательная вещь. За неделю занятий сделал несколько изобретений, одно даже запатентовал. Но главное понял, что неразрешимых задач нет. А задачи могут быть из любой области, даже из личной жизни. В конце занятий нас попросили взять по листочку бумаги, и написать, кем каждый из нас видит себя лет через десять в разных сферах жизни. После того, как мы выполнили эту просьбу, нам сказали, что листочки с нашими желаниями можно выбросить и забыть о них. При этом заверили, что на подкорке эта информация записалась, и мы на подсознательном уровне теперь будем стремиться к исполнению наших желаний.

В связи с этим вспомнилось мое сочинение в 4-м классе начальной школы «Кем я хочу быть». Я тогда написал, что писателем или художником.

После школы я закончил факультет прикладной математики и механики ВГУ, работал инженером на заводах, дослужился до начальника цеха на заводе «Процессор», и в конце концов стал художником-карикатуристом, лауреатом международных конкурсов карикатуры. Стал членом Союза журналистов и, как видите, пишу.

Так что попробуйте с листочком желания. Действует.

* * *

Ремонт в квартире. Молодые ребята укладывают кафельную плитку в ванной. Узнаю, что их бригадир с высшим техническим образованием. Интересуюсь, как, мол, дошел до плитки?

— Сначала сделал ванную себе, затем попросили помочь знакомые, а потом узнал, сколько это стоит.

* * *

Встречаю давнишнего знакомого:

— Слышал, — говорит он, — у тебя своя фирма. Возьми меня на работу.

И видя мое замешательство, успокоил:

— Да ты не бойся, я работать не буду. Просто буду отдавать тебе 50 процентов зарплаты.

Бизнес по-русски.

* * *

Восьмидесятые годы. На авиационном заводе на стене цеха напротив окон нашего отдела АСУП висел громадный плакат в одну строку: «Сделаем каждый день пятилетки ударным!» Одним взглядом из окна его окинуть было невозможно и поэтому при ходьбе мимо окна с ним происходили такие метаморфозы:

СДЕЛАЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

ДЕЛАЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

ЛАЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

ЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

* * *

Во времена перестройки познакомился с американским миллионером.

— У нас в Америке, — утверждал он, — каждый двухсотый — миллионер. Могло быть и больше. Но не все хотят. Это очень тяжелая работа.

* * *

Санаторий в Икорце. Невольно подслушал разговор двух дам предпенсионного возраста:

— Первый вечер он вообще боялся до меня дотронуться. На второй вечер он иногда касался моего локтя. На третий — он взял меня под руку. И тут я ему говорю: «У тебя что, путевка на пятилетку, что ли, рассчитана?»

* * *

Организаторы конкурса карикатуры в Италии прислали мне пространное письмо-уведомление, что на их конкурсе моя работа удостоена приза зрительских симпатий. Домочадцы хохотали до слез над словосочетанием «Сэр Иван».

* * *

Поезд Москва — Воронеж уже трогается и мы с другом, не успев добежать до своего вагона, запрыгиваем в ближайший.

Пока мы добирались до своего места, наши попутчики по купе уже переоделись в спортивные костюмы и откупоривали первую бутылку.

— За знакомство! — сказали они, протягивая мне стакан, который я принял стоя прямо в дверях.

Не успел я его допить, как кто-то сзади похлопал меня по плечу:

— Сержант Иванов, — представился незнакомец в милицейской форме. — Нарушаем дисциплину?

— А разве Конституцией запрещено сто грамм за знакомство? — поинтересовался я, ставя пустой стакан на стол.

— Так, умник, — заступился сержант за Конституцию, — паспорт сюда и первая остановка твоя.

Я сразу же изменил тон. Когда внутри тебя 100 граммов, то ни одна из статей Конституции тебе уже не поможет.

— Товарищ сержант, виноват, больше не буду. Сейчас покурю, и спать, — говорю я извинительно, пытаюсь сбить командирский пыл у сержанта.

Один из наших новых знакомых соседей по купе пытался в грубой форме встать на мою защиту, но второй, с виду постарше, резко остановил его:

— Иди с Ваней покури, а мы тут с сержантом разберемся.

Выходим. Тот, с кем я вышел, оказался майором милиции, а тот, что постарше был — полковником.

Покурили, возвращаемся в купе. Полковник, разливая по стаканам очередную порцию, смеялся:

— Службистый сержант попался, — говорит. — Старшим по купе меня назначил, ответственным за порядок.

Повезло мне со старшим по купе.

* * *

У нашего земляка, писателя-афориста Аркадия Давидовича во время борьбы с пьянством появился афоризм: «Пока пьяницы борются с пьяницами — они непобедимы!»

А кто у нас сейчас борется с коррупцией?

* * *

Один мой знакомый рассказал замечательную историю.

К Михаилу Талю, в бытность его чемпионом мира по шахматам, обратился его приятель, главный врач психиатрической больницы в Риге, с оригинальной просьбой — сыграть пару партий с одним из его больных, возомнившим себя чемпионом мира по шахматам. Сыграть, в смысле выиграть, чтобы излечить больного от мании величия.

Таль согласился. Приходит в больницу, знакомится с больным чемпионом:

— Михаил Таль, чемпион мира по шахматам.

— Да какой ты чемпион?! — возмутился больной. — Я — чемпион!

Сели играть. Первую партию Таль, от неожиданности серьезного сопротивления, сыграл вничью. Последующие несколько партий не без труда выиграл.

Спустя какое-то время Таль во Дворце шахмат в Риге увидел в списке участников турнира на присвоение шахматных разрядов фамилию бывшего больного. Вылечился, значит.

Таль предложил пари директору Дворца, что первое место займет именно этот человек.

Пари заключили. Таль проиграл. Его знакомый занял предпоследнее место, т.е. вылечился окончательно.

* * *

Бич любого города, включая и наш, — рекламные листочки, которыми обклеены все столбы и двери подъездов.

В Питере одна газета частных объявления по типу нашего «Камелота» обратилась к мальчишкам и девчонкам, а так же к их родителям: «Кто пришлет в редакцию 20 сорванных объявлений, получает приз — бейсболку».

За пару дней город был очищен. И газета не внакладе: поняв бесполезность халважного расклеивания рекламы, народ потянулся в редакцию с деньгами.

* * *

Рекламный плакат на улице Урицкого: «Раствор бытовой. Спирта 95%». Вот такой у нас быт.

* * *

«Кипит твое молоко!» — одно из редких заменителей матерных выражений. Автор этого словосочетания родом из моего детства.

Очень люблю рассказы Шукшина. Я знал его героев. Я жил с ними. Глеб Капустин из рассказа Шукшина «Срезал» жил прямо напротив нашего дома. Звали его дед Ваня. Чинил он прятки всей округе и читал газету «Правда» вслух старушкам-подружкам. Откладывал газету и сочинял всякого рода небылицы типа: «Подхожу к лесному озеру, глядь, а воды и не видно — все утками покрыто. Засыпаю в ружье две чашки пороху, две чашки дрови, приложился... Как ахнул!.. Ни одна не взлетела!»

А чуть левее жил дядя Стеша, который, будучи совсем небогатырского сложения, за один присест съедал по 40 блинов в палец толщиной со сметаной вприкуску. А еще он здорово играл на балалайке, на ходу сочиняя частушки-эпиграммы на соседей.

А герой рассказа Шукшина «Микроскоп» был вообще моим двоюродным братом. Только роль микроскопа исполнял бинокль. Когда жена брата Аня, по комплекции раза в три превосходящая супруга, узнала, сколько стоит бинокль, она воскликнула: «Да я тебе голову оторву за такие деньги!»

Жена удалилась, а брат мне пожаловался:

— Иван, я всю жизнь мечтал посмотреть в бинокль. Ладно, я уже старый (по тому времени ему было лет 35), так хоть пусть мой сынишка посмотрит.

Беседа с воронежским писателем Иваном Ивановичем Евсеенко о людях села, я был очарован его мыслью, что каждый из них сродни ученому. За 2-3 класса их начального образования им не успели объяснить, почему вода при нагревании закипает, почему солнце встает на востоке, а садится на западе, и т.д.

Им было бы очень тяжело жить, не найди они самостоятельно объяснений всем этим явлениям.

Как быстро дети соображают.

Стоило только пару раз уступить маленькому сынишке по схеме:

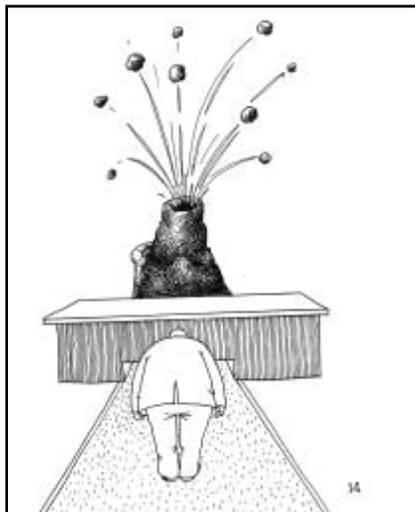
- Дай!
- Нельзя!
- Да-а-а-ай!
- Ну, ладно, на!

Как он тут же убрал лишнюю ненужную фразу и начинает сразу же с «Да-а-а-ай!»

Одно время соседом по лестничной клетке был у меня спившийся врач-нарколог. Он мог позвонить в дверь часа в 3-4 утра и потребовать денег на опохмелку.

— Дай, — говорил он, — а то помру, я не вру, я тебе как врач говорю.

Сегодня у меня вторая годовщина свадьбы. Жена, как всегда, приготовила для меня прекрасный полиграфический подарок, изготовленный своими руками. На это раз я стал обладателем «Ежедневника счастливого семьянина». В предисловии читаю: «Закончился второй год брака. Если бы это была армия, то сегодня был бы дембель... Шаг вправо, а особенно влево, считается побегом и наказывается со всей строгостью, несмотря ни на какие законы, защищающие права и жизнь человека... Увольнения бывают редко, а уход в самоволку превращает семейное гнездышко минимум на неделю в карцер режима...»

* * *

В автобусе случайная попутчица, женщина-врач, рассказала замечательную историю. Больной, увидев у себя на тумбочке лишнюю таблетку, заволновался и спрашивает у медсестры: «А это что такое?»

— Ой, больной, — говорит та, — это же таблетка! Пейте, от чего-нибудь да поможет.

* * *

Рассказ знакомого врача-стоматолога:

— Передаю в автобусе деньги за проезд и говорю: «Сплюньте, пожалуйста».

* * *

Одно время у меня было прозвище Синоптик.

Я не предсказывал погоду — я ее делал на заказ. Друзья просили: хотим, чтобы завтра был солнечный день. Я отвечал: хорошо. И день был солнечным. Продолжалось это достаточно долго, и у меня скопилось много примеров в доказательство моих уникальных способностей. Я не верю в чудеса, скорее всего это были просто совпадения, но вопреки теории вероятности их было подозрительно много.

Как-то я попросил выйти в субботу поработать одного моего сотрудника, а он: мне: «Иван Алексеевич, на дачу надо — погода хорошая». Ну, говорю, езжай — я тебе устрою дачу! С тех пор он меня все время перед выходными просит, чтобы я ничего не делал с погодой. В тот день он с дачи выехать не мог из-за урагана и ливня.

Еще случай: известный журналист Ягодкин жарким летом как-то сказал: «Ну, ты, синоптик, сделай так, чтобы завтра дождь был». Хорошо, отвечаю. А сам думаю — откуда я его возьму: на небе вторую неделю ни единого облачка. Но утром выхожу погулять с собакой и вижу на песке редкие, но крупные капли от дождя. Звоню Ягодкину (мы жили в разных районах города):

— У вас дождь был?

— Да разве это дождь?! Так, покапало.

— Саша, побойся Бога, все — что мог! — от души посмеялся я.

Александр Владимирович Аникеев родился в 1953 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Работал учителем, заместителем директора школы, инструктором райкома партии, заместителем заведующего райотделом культуры. С 2001 года — директор Лискинского историко-краеведческого музея. Художник, автор 15 персональных выставок, иллюстратор многих книг, издаваемых в Воронеже и Москве. Увлекается литературным творчеством. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в городе Лиски.

Александр Аникеев

ВСЁ ХРУПКО

* * *

На исходе осень теплая
Лечит вздохи облепихою.
Проходя, гляжу на стекла я,
За которыми ты, тихая.
Затаилась среди полочек,
Стеллажи забылись скукою.
Взгляд твой собранно-осколочный
Мысль нездешнюю баюкает.
Будто листья, льются волосы,
Разбросала в осень локоны...
Не спугнуть усталым голосом
Уходящий мир заоконный.
Уходящий в неопознанность
Ощущений неразгаданных.
Я к тебе сегодня, поздний гость,
Нес тепло ладоней ладанных.
Ты струишься между пальцами,
Земноводная под кожу,
Тело гибкое без кальция
Совершает невозможное.
На исходе осень серая
Дышит прелыми туманами.
В неизведанные сферы я
На охоту за обманами.

* * *

Ну, говори. Что хочешь, говори.
Роняй слова, которые созрели.
Моей души больные сизари
Не запоют, как певчие в апреле.

Ну, говори. Я слушаю тебя.
Я узнаю знакомые мне звуки.
Порыв сердечный, фразы тебе,
Не заплетет, как прежде, наши руки.

Ну, говори, коль есть о чем сказать.
Я помолчу, глаза твои читая.
Ты сохранила молодость и стать,
И, Боже мой, почти уже святая!

Ну, говори. Услышу, может быть,
Твои слова и то, что не сказала.
Ну, говори. Да что там говорить!
...На редкость гулко здание вокзала.

* * *

Она чистила перышки,
Отражаясь в окне,
Ее белое горлышко
Было белым вполне.
Поезд шел через дюны,
Лес пронзая стрелой.
Ей подмигивал юный
И кивал пожилой.
Бесподобное платье,
Обтекая холмы,
Кстати или некстати
Сотрясало умы.
На коробке-картонке
От строки до строки
Удивительно тонкие
Пальцы левой руки.
Профиль чуть эллинический,
Мальчик пальчиком: — Гля!
Будто лик канонический
На носу корабля.
Отразившись в попутчиках
Лучше, чем в зеркалах,
Щелкнет маленьким ключиком,
Вынет зеркальце: — Ах!
Вся вниманьем увенчана,
Украшает вагон.
И сидит рядом с женщиной
Весь издерганный — Он.

* * *

Уронят журавли стенанье,
С небес прольется бирюза...
Не преломи своим сознанием
Того, что трогают глаза:
Земля. Трава. Сухие листья.
Овраг. Дорога. Стог. Река.
Кусты. Рябиновые кисти.
Круг солнца. Небо. Облака.
Все хрупко, как виденье Бога.
Сломай стило, mon cher ami!
Глазами этот мир потрогав,
Не преломи. Не преломи.

Анатолий Грибков

**«ОТЧЕТ БЫЛ КОРОТКИМ:
«ЗАДАНИЕ РОДИНЫ ВЫПОЛНИЛ!»**

ЗЕМЛЯК ИЗ ДЕРЕВНИ ДУХОВОЕ

Анатолий Иванович Грибков — известный советский военачальник, генерал армии, начальник штаба Объединенных вооруженных сил стран-участниц Варшавского Договора, кавалер более восьмидесяти отечественных и зарубежных орденов и медалей, Почетный гражданин Воронежской области и Лискинского района.

Отношу себя к той категории счастливых людей, которым довелось общаться, дружить с этим поистине выдающимся человеком, многому научиться у него. Признаюсь, я продолжаю у него учиться и поныне, когда его уже нет на земле. Нет-нет да и потянется рука к подаренным им книгам с теплыми и мудрыми автографами-пожеланиями. О нелегкой армейской жизни, встречах с руководителями зарубежных государств, известными полководцами, о Варшавском Договоре, Карибском кризисе писал он в своих мемуарах, рассказывал обо всем, с чем непосредственно была связана его судьба. И в первую очередь, конечно, о ней — «несокрушимой и легендарной», родной Советской Армии.

Я часто вспоминаю Анатолия Ивановича. Подтянутый, собранный, с приятным лицом, аккуратной прической. Он даже в гражданской одежде сохранял свою военную выправку, командирскую строгость, которой я, честно говоря, поначалу даже побаивался. И только время отодвинуло завесу этой внешней, далеко не напускной суровости, и открыло передо мной кладезь огромных запасов его человеческой доброты, сердечности, горячей любви к людям. Своим ли, чужим... Это проявлялось буквально во всем — в воспитании внуков, рано оставшихся без родителей, в заботе о жизни своих бывших односельчан, в отношениях с простыми людьми. В тех теплых встречах на его подмосковной даче, когда он с особым удовольствием и старанием жарил на углях басурму и угощал нас, приехавших к нему земляков.

А еще заметно это было в его любви к своей малой родине — поистине сыновней, чистой и глубокой любви.

— Я почитаю место, где вырос, — часто повторял Анатолий Иванович. — До сих пор помню каждый бугорок, каждое деревце в своем Духовом, где прошло мое трудное, но счастливое детство. И эта любовь, эти воспоминания давали и дают мне силы для преодоления житейских трудностей. Мне кажется, что вот это и есть тот самый патриотизм, который рождает в человеке желание и готовность защищать свой отчий край, свою Родину.

Многие памятные воспоминания о Почетном гражданине земли нашей Воронежской будят во мне книги моего друга и учителя — Анатолия Ивановича Грибкова!

Вспоминаю последнюю встречу с ним осенью 2007 года на его подмосковной даче, где он постоянно жил в последние годы. Анатолий Иванович угощал нас, похваливал выращенные им в теплице огурчики и подтрунивал над супругой, у которой, дескать, помидоры получаются похуже. Лидия Дмитриевна, не потеряв с возрастом профессиональный артистизм, легко отбивала «атаку»: «Но зато у меня цветы — вон какие!»

Как всегда, генерал подробно расспрашивал о жизни земляков: как живут лискинцы, что нового в области. Он любил свой придонской край, почти ежегодно приезжал сюда, навещал родное село. Любовь и уважение были взаимными. «Земляк из деревни Духовое», как он любил себя называть, заслуженно стал Почетным гражданином Лискинского района, а потом и Воронежской области.

На наши вопросы о жизни нынешней отвечал, как всегда, правдиво, порою даже сурово, но не было в его оценках ни старческого брюзжания, ни обид на кого-то или что-то... Живущая в нем любовь к своей стране, к Родине были выше всяких личных недовольств. Да и главным девизу — «Любить Отечество и видеть в жизни главное» — он был верен всегда.

Утром, напоив нас чаем особой заварки («Смешиваю десять сортов в железной банке, и получается то, что надо»), предложил сфотографироваться на память у куста желтых хризантем. Желтых... Прощальных...

В канун того, високосного, 2008 года в военном госпитале ему сделали сразу две серьезные операции на сердце. Перенес стойко, по-солдатски. Когда вернулась речь, неокрепшим еще голосом отвечал на телефонный звонок и даже шутил: «Знаешь, откуда говорю-то? С того света! Но это временно, долго задерживаться не собираюсь!»

Он верил в свою победу даже в этот тяжелый час, как верил в нее всю долгую жизнь. И когда молоденьким лейтенантом воевал с белофиннами, и в лихую годину Великой Отечественной, когда в окружении взял на себя командование первым танком, потому что весь экипаж погиб. Он верил в Великую Победу и приближал ее своим крепнувшим год от года талантом полководца-офицера, представителя Генштаба на легендарной Курской дуге, при штабе Южного фронта, потом, в послевоенные годы — на посту командующего Ленинградским военным округом, и, конечно же, когда стал начальником штаба Объединенных вооруженных сил стран-участниц Варшавского Договора...

А разве можно было без веры в правоту своего дела, без любви к Отчизне и всему миру разработать и осуществить в 1962 году уникальную операцию по спасению человечества от ядерной войны, не дать американцам осуществить свои коварные планы по захвату Кубы? Конечно же, нет! Все свои 55 календарных лет военной службы он верил в Победу...

Судьбе было угодно испытать и его чисто человеческие, отцовские чувства — сначала похоронил сына Станислава, позже — дочь Аллу. Не сломился, постарел только как-то сразу, побелели волнистые пряди. Не отданную до конца любовь к детям

Анатолий Иванович Грибков

Анатолий Иванович и Лидия Дмитриевна
Грибковы в Духовом

социалистических и зарубежных стран. В их числе — первый орден Героя Кубинской революции Че Гевары...

В последнем телефонном разговоре из госпиталя он чуть охрипшим голосом сообщил: «Учусь, понимаешь, вновь ходить... Пока вот солдатик помогает, а там...» Договорились, что после выписки из госпиталя приедем проведать домой. Но вышло совсем по-другому, не по нашим планам.

12 февраля 2008 года, не выдержав двух серьезных операций, солдатское сердце перестало биться. В последний путь Анатолия Ивановича Грибкова провожали как крупнейшего военачальника страны, со всеми воинскими почестями. Но как по-человечески обидно было за то, что соболезнование о смерти верного сына Отечества, видного полководца страны, дипломата, общественного деятеля, писателя, патриота дала только газета «Красная Звезда»...

Шесть лет для человеческой памяти — срок короткий, но и его хватило в достатке, чтобы навсегда увековечить имя знатного земляка на Лискинской земле. Именем генерала Грибкова названы улицы в его родном селе Духовое и в Лисках, Петропавловская сельская школа. А позапрошлым летом на месте родительской хатенки, где появился на свет будущий военачальник, усилиями друзей-земляков сооружен в его честь добротный Памятный знак.

В марте этого года ему исполнилось бы 95 лет. Чуть больше, чем сейчас его верной подруге и спутнице жизни — Лидии Дмитриевне, которая и поныне живет на той же подмосковной даче, все так же выращивает свои любимые цветы и встречает гостей вкусными горячими пирожками. А еще — теплыми воспоминаниями о своем муже-генерале.

щедро дарил внукам, правнукам. Да все теснее подставлял свое мужское плечо надломленной горем жене.

Он всю свою жизнь служил Отечеству, до конца дней своих являлся советником Генерального штаба Министерства обороны, ежедневно работал над научными докладами, статьями для газет и журналов. Генерал армии Грибков — доктор исторических наук, профессор Российской академии естественных наук, почетный академик Международной славянской академии. Он писал книги. Их десять, и я бы каждую из них без преувеличения назвал Учебником жизни, патриотизма, любви к Отечеству и служения ему.

Он редко показывал свои награды и никогда ими не хвастал. Хотя, не знаю, есть ли у нас в стране еще такой человек, который за 89 лет жизни заслужил почти 90 (!) правительственных наград! Практически награда — чуть ли не за каждый год жизни! Кавалер орденов Ленина, Отечественной войны, Октябрьской революции, Красной Звезды, награжден многими орденами и медалями

На днях позвонил ей, справился о здоровье.

— Ничего... Живу! — услышал в ответ ее довольно бодрый голос. — Думаю вот, может, удастся все-таки приехать на Лискинскую землю. Хочу воздуха духовского, духмяного, вдохнуть, молодость нашу с Анатолием вспомнить...

Такая вот она, грибовская закваска!

Валерий ТИХОНОВ

УРОКИ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

(Из мемуаров генерала армии А.И. Грибкова «Операция «Анадырь»)

В течение 1991 и 1992 гг. по случаю 30-летия Карибского кризиса было проведено три международных конференции с участием высокопоставленных чинов США, Советского Союза и Кубы, они проходили в Москве, Гаване и Вашингтоне.

Мне пришлось участвовать на конференциях в Гаване и Вашингтоне.

Характерно, что от одной до второй и третьей встреч все больше приоткрывались завесы над 30-летними событиями тех тревожных дней.

На Московской конференции стороны очень осторожно и неполно приоткрывали свою сторону занавеси.

По сути дела, выражаясь военным языком, шла разведка боем. Наиболее полно были раскрыты помыслы и планы сторон на Гаванской конференции в 1992 г. Делегацию США возглавлял министр обороны того времени Роберт Макнамара, кубинскую — Фидель Кастро, который все четыре дня присутствовал и активно участвовал в дискуссиях. Советскую делегацию возглавлял дипломат и бывший помощник Н.С. Хрущева — О.А. Трояновский.

В первый день конференции были сделаны основные доклады руководителями делегаций.

От нашей делегации было предложено выступить мне.

К тому времени наш Генеральный штаб рассекретил большинство документов, относящихся к операции «Анадырь».

И вот когда в своем выступлении я назвал некоторые данные, то американская делегация была в недоумении. А именно:

во-первых, численностью завезенного воинского контингента — около 42 тыс.,

во-вторых, количеством завезенного тактического ракетно-ядерного оружия «Луна» из шести пусковых установок и 12 ракет в ядерном снаряжении, а также двух полков фронтовых крылатых ракет (ФКР), по восемь пусковых установок в каждом и к ним 80 ракет и столько же ядерных головок, и эскадрильи из шести самолетов-носителей Ил-28 с шестью атомными бомбами.

После моего выступления американская делегация в лице Р. Макнамары и бывшего директора ЦРУ начала задавать мне вопросы, по сути дела пошла полемика.

Они считали, что наших войск на Кубе было 12-15 тыс. человек, что тактического ядерного оружия не могло быть на Кубе, так как их разведка не отмечала его нахождение там.

Отвечая на вопросы американцев, я с большим удовлетворением сказал: «Господа, на все ваши вопросы я одно могу сказать: ваша разведка очень плохо работала, а наш план маскировки и дезинформации сработал очень хорошо. Кроме того, ваша разведка до сегодняшнего дня не знала, что пусковые установки «Луна» и ФКР мы передали кубинцам с ракетами и головными частями в фугасном снаряжении».

Мой ответ взбудоражил всю многочисленную американскую делегацию (около 30 человек и 15 корреспондентов).

Фидель Кастро явно был доволен моими ответами.

После этой конференции в американской печати появились статьи некоторых участников конференции, в частности Марка Крамера, о том, что генерал Грибков умышленно ввел их в заблуждение.

Роберт Макнамара и устно, и в печати был на моей стороне как на Гаванской, так и на Вашингтонской конференции.

Макнамара в своем последующем выступлении в Гаване сказал: «Если бы мы знали, что на Кубу было завезено кроме стратегического и тактическое ядерное оружие, события развивались бы совершенно по-иному». Как он сказал, в группировке войск, предназначенных для операции «Мангуста», ядерного оружия не было...

Перед конференцией в Вашингтоне я сказал главному своему оппоненту Марку Крамеру, что после конференции я сделаю его своим союзником. Так и получилось, когда документально подтвердилось все, о чем я говорил в Гаване.

Марк Крамер подошел ко мне, протянул руку и сказал:

— Господин генерал, я ваш союзник.

В ответ мною было сказано:

— Писать надо правду, опираясь на факты и документы, и не искать умысел в моем выступлении. Вы не хотели признать, что ваша «всесильная» разведка с трудом обнаружила ракеты Р-12 и самолеты Ил-28, а все остальное прошляпила...

США создавали военные базы вокруг Советского Союза, в том числе и ракетные, в Турции, ФРГ, Италии, не скрывая этого. Мировая общественность и правительства некоторых стран возмущались, делали различного рода демарши, заявления, протесты, но американская администрация творила свое дело.

За этими действиями США не последовало политических взрывов ни со стороны Советского Союза, ни со стороны Организации Объединенных Наций.

Вот когда они почувствовали опасность — когда мы стояли на пороге США с атомным оружием.

Жители южных штатов в панике раскупали в магазинах продукты и бежали на север. Все залежалые в магазинах индивидуальные средства защиты и групповые убежища были раскуплены.

Президент Д. Кеннеди вспомнил и о доктрине Д. Монро (пятого президента США), покрытой плесенью, принятой в 1823 г.

В чем ее суть? Взаимное невмешательство Америки в европейские дела, а Европы в американские дела.

Уместно спросить: а почему США влезли в Европу и еще расширяют свое господство на восток, объявляя своими жизненными интересами Закавказье и регионы, прилегающие к Каспийскому морю? Где же логика?

Сейчас, читая заявление президента США Клинтона, да и конгрессменов, диву даешься, когда они прямо заявляют о своих претензиях на мировое господство в XXI в.

Аппетиты США не идут в сравнение даже с аппетитами Гитлера.

Что же вынудило американскую администрацию, и в первую очередь Пентагон и некоторых конгрессменов, так резко, с большой нервозностью отреагировать на присутствие наших ракет на Кубе?

Как мне представляется, американцев напугало скрытное и внезапное появление ракет на острове. Завезенные туда ракеты были среднего радиуса действия, но, находясь в 90 милях от США, практически имели стратегический характер. К тому же на все вопросы до самого последнего времени о наличии ракет на Кубе наши дипломаты, в том числе и посол Советского Союза в США,

давали отрицательный ответ, что также настораживало американцев и, видимо, давало повод сделать вывод о готовящемся на них внезапном ракетном нападении.

Полагаю, что если бы на основе заранее заключенных с кубинским правительством и обнародованных договоров и соглашений мы постепенно, открыто перебрасывали вооружение, боевую технику, воинские части, в том числе и ракетные, то могло и не быть такой острой и непредсказуемой обстановки. Хотя вполне вероятно, что и в этом случае американцы приняли бы все меры к недопущению завоза ракет на Кубу.

Обстановка вокруг Кубы по вине США шла к тому, что независимо от нашего присутствия кубинский кризис состоялся бы.

Ведь военная операция США «Мангуста» против Кубы готовилась тогда, когда у советского руководства еще и в мыслях не было о подготовке и проведении операции «Анадырь».

Считаю, что большой политической ошибкой в период переговоров Н. Хрущева с Дж. Кеннеди было то, что в них не участвовал Ф. Кастро как глава суверенного государства, чем во многом был подорван авторитет кубинского руководства.

Завоз ракет на Кубу был согласован, а решение о вывозе было принято без согласования с ним. Если бы Ф. Кастро с самого начала участвовал в переговорах в качестве равноправной третьей стороны, мероприятия по урегулированию конфликта и по вывозу ракет прошли бы не в такой острой, а порой и унижительной форме для нас.

Была ли необходимость завозить на Кубу ракеты? Этот вопрос ныне муссируется многими западными авторами, да и у нас.

Приводится соотношение сил США и СССР по ракетам, взаимно достигающим территории США и СССР.

Надо откровенно сказать, что в то время соотношение было далеко не в пользу Советского Союза. Обнародованы были цифры на Московской конференции по этому кризису. Соотношение в стратегических ядерных силах было 1:17 в пользу США.

Но даже с завозом сорока ракет средней дальности на Кубу оно практически не изменилось, а угроза возникновения ядерной катастрофы возросла многократно. Поэтому глубоко убежден в том, что не следовало бы завозить ракеты на Кубу. Нужно было сесть за стол переговоров руководителям США, СССР и Кубы с участием генерального секретаря ООН и договориться оставить Кубу в покое.

Если допустить, что в разгар кризиса американцы решились бы нанести авиационные удары по Кубе, в том числе и по советским войскам, а затем высадить морские и воздушные десанты с целью ликвидации государственного строя, то, наверно, это также привело бы к непредсказуемым последствиям.

По данным на октябрь 1962 г., население Кубы составляло около семи миллионов человек. Мобилизованная, хорошо обученная армия с современным оружием составляла примерно 200 тыс. человек. В случае агрессии США в ряды защитников Кубы могло бы встать в два-три раза больше. Плюс сорокатысячная Советская Армия с самым современным вооружением, которая вместе с кубинцами защищала бы Кубу в соответствии с договором.

Поэтому решение президента Дж. Кеннеди отказаться от агрессии против Кубы было мудрым.

К 28 октября, как я уже писал, состояние ракетных частей было таким, что они не могли нанести ракетные удары по США. К этому времени из сорока ракет средней дальности только половина ракет были подготовлены для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями. Ни на одной ракете не было заложено полетное задание.

Хочу еще раз сказать, что, начиная с замысла создания Группы войск на Кубе, советское руководство даже в мыслях не допускало развязывания войны с США.

В марте 1963 г. состоялось решение Политбюро о приглашении Фиделя Кастро в Москву. Полет Фиделя от Гаваны до Москвы решили осуществить без промежуточной посадки.

В конце марта 1963 г. меня срочно вызвал министр обороны. Сказал о решении Политбюро и приказал лететь на Кубу, открыть беспосадочный перелет через Север. Наш пробный технический беспосадочный полет на самолете Ту-114 пролегал через Мурманск, между Гренландией и Исландией, вдоль побережья Канады и США. Весь полет должен продолжаться четырнадцать с половиной часов. Именно этим маршрутом намечалось прибытие Фиделя Кастро в Москву.

Кроме того, была поставлена задача проверить, как идет переучивание кубинских военнослужащих на нашу боевую технику, и решить некоторые организационные вопросы в войсках группы Плиева.

Через два дня с группой из семи генералов и офицеров я вылетел на Кубу. Полет проходил нормально, если не считать хулиганских действий истребителей канадских и американских ВВС, имитировавших атаку нашего самолета.

Я смотрел в иллюминатор и думал: «Стоит одному негодяю, сидящему за штурвалом истребителя, дать пушечную или пулеметную очередь по безоружному самолету, и мы сразу же пойдем кормить акул». К счастью, этого не случилось. Экипаж спокойно и уверенно вел самолет по установленному маршруту. Один пассажирский самолет, «Боинг», летевший, видимо, с американского континента в Европу, развернулся в направлении нашего полета, метрах в пятистах от нас прошел параллельным курсом минут пять, затем развернулся и взял прежний курс. Замысел летчика был прост: продемонстрировать превосходство в скорости перед нашим Ту-114.

Выполнив порученное задание, в середине апреля мы тем же маршрутом возвратились домой.

С разрывом в полете 2 часа после нашего самолета летел Фидель Кастро. Полет проходил нормально, но американская разведка все же узнала, что Фидель летит на втором самолете. Радист нашего самолета доложил, что американская радиостанция передала об этом.

В районе Мурманска погода была очень сложная, шел сильный снег.

Командир нашего самолета определил, что мы можем без дозаправки долететь до Внукова. Так и порешили.

Командир самолета, на котором летел Фидель, не стал рисковать и решил сделать посадку в сложнейших условиях под Мурманском. Посадка прошла удачно, хорошо. Потом по московскому телевидению показывали, как Фиделя переодевали в меховое одеяние. Фидель с молодецким задором брал снег, комкал его в руках и бросал снежки в своих членов делегации.

За этот полет с Фиделем командиру авиалайнера присвоили звание Героя Советского Союза.

Мой отчет о выполнении задания был коротким. Министр поблагодарил за работу. А мой труд во время Карибского кризиса отмечен высшей государственной наградой — орденом Ленина. Это придавало еще больше сил при выполнении нелегких обязанностей начальника Оперативного управления Генерального штаба.

Заканчивая свои воспоминания, относящиеся к кубинскому периоду, хотелось бы подвести итог, высказать соображения, которые в какой-то степени помогут читателю сделать свои выводы.

Впервые в истории советских Вооруженных сил была осуществлена переброска через океан более чем сорокатысячной армии с большим количеством техники и вооружения.

Задачи, поставленные государственным руководством страны перед Министерством обороны и Министерством морского флота, были выполнены в установленные сроки без каких-либо срывов и чрезвычайных обстоятельств.

Это стало возможным в результате тщательно продуманной, спланированной операции, а также благодаря практически осуществленным маскировочным, контрразведывательным и дезинформационным мероприятиям и другим мерам прикрытия. Была создана группа войск буквально под носом американской разведки.

В операции «Анадырь» то, что требовалось от советских военных всех категорий от солдата до генерала, было выполнено. Лишь 14 октября, т.е. почти через месяц после прибытия трех ракетных полков, воздушной разведке США удалось обнаружить признаки нахождения на Кубе ракетных войск. С того дня началось нервное беспокойство Пентагона, а затем и самого президента Дж. Кеннеди, вызванное внезапностью появления на Кубе ракетных и других советских войск.

Валерий Тихонов

НА ОРБИТАХ СУДЬБЫ

(Интервью с летчиком-космонавтом СССР,
дважды Героем Советского Союза Анатолием Филипченко)

Имя летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза, Анатолия Васильевича Филипченко уже давно известно всему миру. Дважды, в 1969 и 1974 годах, в числе первых советских космонавтов, он покорял неизведанные просторы космоса. Анатолий Васильевич — лауреат Государственной премии (1981), генерал-майор авиации (1978), награжден Золотой медалью и.м. К.Э. Циолковского АН СССР. В 1978-1988 годах возглавлял Управление Центра подготовки космонавтов и.м. Ю.А. Гагарина, в 1979-1987 годах был председателем бюро Федерации космонавтики СССР.

Но это, так сказать, обычные энциклопедические сведения о космонавте-герое, которые сегодня легко отыскать в доступном всем Интернете. А что за ними? Какова чисто человеческая судьба нашего земляка?

Анатолий Васильевич — человек скромный, и не любит много рассказывать о своей жизни, а тем паче — о подвигах. Правда, по настоятельным просьбам друзей-товарищей, Филипченко в первые «послеполетные» годы согласился написать документально-биографическую повесть. Книга, которую он назвал «Надежная орбита», увидела свет в 1978 году. В ней рассказывается о трудовой юности будущего космонавта в суровые годы Великой Отечественной войны, его нелегкой дороге к космическим высотам, самих полетах — интересных и всегда рискованных.

Но это все случилось более 35 лет тому назад! Целая эпоха, за которую сама книга стала исключительной редкостью, а в жизни ее автора, его взглядах теперь уже на мировую историю освоения космоса, в ее оценках произошли серьезные изменения. На склоне лет ему хотелось как бы в дополнение к написанному поделиться своими новыми мыслями о прожитом и пережитом. Поэтому, наверное, и согласился Герой-космонавт на интервью со своим земляком и давним знакомым, членом Союза писателей России Валерием Тихоновым.

Валерий Тихонов: — Анатолий Васильевич! Давайте для начала вспомним о ваших родовых корнях, детстве, юности. Откуда есть пошел будущий Герой Земли Воронежской?

Анатолий Филипченко: — Мой дедушка по материнской линии жил в селе Колбино, оно сейчас где-то в Репьевском районе. У них с бабушкой было много детей, часть из которых умерли еще в детстве, остальные выжили. Среди них была

и моя мать — Акулина Михайловна. Замуж она вышла за вдовца — Василия Николаевича Филипченко, у которого от первой жены остались двое детей. Работал он каким-то то ли инспектором, то ли заготовителем от «Заготзерно», была тогда такая организация. Ездил он частенько по селам области, одно время жил в Давыдовке, где потом я и родился 26 февраля 1928 года. В новой семье я был пятым ребенком, старше меня были еще брат и три сестры, а всего к этому времени нас, детей, насчитывалось семь человек. А позже появились на свет еще сестра и брат. Прожили мы здесь немного, потому как вскоре отца перевели в Острогжск, потом в село Шаталовку, Красное, где я пошел в школу.

В.Т.: — **Что интересного из той детской поры вспоминается?**

А.Ф.: — Откровенно говоря, о Давыдовке, хотя и считаю ее своей малой родиной, почти ничего не помню, слишком мал был. Больше запомнились мои поездки к бабушке с дедушкой в Колбино, где купались в речке Потудань, рыбу ловили с ребятами. У меня оттуда на всю жизнь любовь к рыбалке сохранилась. Еще помню, как пацаном водил автомобиль. У отца была служебная машина, кстати, единственная на все Красное, то ли «эмка», то ли еще какая, вместо крыши — брезент. Был и шофер, Иваном звали. Часто брали и меня в поездки, и пока отец решал дела, этот Иван обучал меня езде. Так что во втором классе я уже свободно владел рулем, что было на руку им обоим. Когда ездили по селам, везде старались хорошо угостить, ну и Иван нет-нет да и пропустит стаканчик-другой. Отец начнет на него ворчать, а тот в ответ: «Ничего, Толик довезет!»

Я тогда и дороги окрестные хорошо изучил, и села близлежащие, и в технике начал разбираться, потянулся к ней. А когда в 1937 году снова переехали в Острогжск, я начал заниматься в кружке авиамоделирования детской технической станции. Здорово увлекался этим делом: собирал из бамбука, бумаги, других материалов макеты самолетов, запускал их, они летали... Вот тогда-то, наверное, и зародилась мечта стать летчиком.

Когда окончил семилетку, началась Великая Отечественная война. Помню до сих пор, как стоял в очереди за хлебом, его тогда давали по карточкам, а пока ждал, читал по просьбе плохо видящих стариков сводки Информбюро о положении на фронте. А потом война подошла и к нашему краю. Никогда не забуду, как летним днем 1942 года большие колонны наших войск шли через город к Дону. А огромное количество немецких бомбардировщиков с небольшими интервалами, по три в группе, бросали бомбы, норовя попасть в госпиталь, что находился в здании бывшего училища рядом с нашим домом. Дом был коммунальный, семей в нем жило много, и все бросились в подвал под этим домом. Когда многочасовая бомбежка стихла, мы вышли из укрытия и ахнули! Нет ни госпиталя, ни нашего дома — одни груды развалин да огонь вокруг! Как мы уцелели, до сих пор удивляюсь — видимо, спасли прочные бетонные перекрытия над подвалом. Так что, кто в чем был, в том и пошли искать прибежища. Мать решила идти к своей сестре в хутор Мусатов, что под Терновым, примерно в 15 километрах от Острогжска. Впереди мама, за ней я с младшим братишкой Витькой на руках, ему было два годика, а сзади сестры, одна постарше меня, другая младше. Таким вот кагалом и завались к тете Дуне, у которой у самой было пятеро детишек. Но что делать — война! Так что приютили, слава Богу, не на улице остались!

В.Т.: — **Отец в это время на фронте был?**

А.Ф.: — Да! Хотя по возрасту он уже не подлежал призыву, но был убежденным коммунистом и попросился на фронт. Ему тогда исполнилось почти пятьдесят. Служил замполитом в саперном батальоне, хотя и был рядовым. На фронте, связисткой, была и старшая сестра Леля. Так что за старшего мужика остался я...

Так вот... К осени началась оккупация, немцы, мадьяры заняли Терновое, и зимой гоняли нас на расчистку дорог от снега. Тут уже пришлось по-настоящему

попасть под пули. Причем по своей же мальчишеской глупости. Однажды чистим дорогу с ребятней, а неподалеку завязла машина в сугробе. Ну, немец и заставил нас ее откапывать... Откопали, вытолкнули, — машина покатила дальше, немцы, что нас охраняли, отстали сзади, и мы решили бежать. Побежали по снежному полю в сторону Тернового, слышим позади выстрелы. И пули по-над ухом — вжик, вжик...

Как до хутора домчались, не помним, только страха натерпелись порядком... Такое вот «боевое крещение»! Ведь убить могли запросто!

Зимой 1943-го началось наступление наших войск и освобождение территории района от немцев. Надо было думать о жилье, и мать пошла в райком партии за помощью. Нам дали комнатку с кухней в коммунальной квартире. Но на что-то нужно жить, кормить семью. И я пошел работать на завод...

В.Т.: — Это в пятнадцать-то лет?

А.Ф.: — Да, мальчишка еще! Завод был полностью разрушен, шло его восстановление. На себе таскали токарные станки в цех... В чем только душа у всех держалась от голода да холода — февраль был лютым, — а работали со смехом, шутками-прибаутками. До сих пор помню многие: «Раз-два, взяли! На три — подняли!», «Раз-два, с маху! Куму и сваху»... (Смеется — Авт.) Станки ставили на катки, человек по десять впрягались толстыми веревками в упряжь и тянули к станине. Потом поднимали разными приспособлениями и ставили уже на место... Когда все восстановили, меня и еще двух мальчишек, а также несколько девчат, что были постарше нас, начали обучать токарному делу. Занимался с нами приехавший из Ленинграда мастер, которого по инвалидности не взяли на фронт. Сейчас даже трудно такое представить, чтобы пятнадцатилетние детишки работали по десять часов в сутки, да еще и часто в ночные смены! И тогда уже для нас, пацанов, была не норма, а задание, которое нужно было, как у взрослых, выполнять. Изготавливали детали для сельхозмашин, работали в основном с чугуном, без защитных очков, их тогда просто не было. Один раз стружка в глаз мне и залетела, но быстро вытащили, промыли, слава Богу, обошлось. Наверное, получалось у меня неплохо, потому что, когда однажды заболел мастер, меня оставили за него в ночную смену...

Может, и пошел бы я по этой линии, но тут, мне тогда исполнилось уже шестнадцать лет, мой товарищ Володька Гречкин, с которым мы вместе ходили в кружок моделирования, а теперь работали на заводе, узнал, что объявлен прием в Воронежскую спецшколу ВВС. Без раздумий отослал туда заявления. Вскоре пришел вызов, но возникла новая напасть: с завода не отпускают — работать некому!

В.Т.: — Кстати, а как вообще родители отнеслись к вашему выбору профессии?

А.В.: — Ну, они знали о моей мечте и, конечно, поддерживали... Мать даже пошла в райком комсомола, чтобы комсомольское начальство помогло отпустить меня на учебу. И райкомовцы помогли, позвонили на завод, сказав кому надо, что стране нужны не только рабочие, но и летчики — отпускайте! Тогда у комсомола сила и авторитет были большие: отпустили сразу же! Друга моего забраковала медкомиссия, а я сначала рабочим поездом до Лисок, (он ходил тогда из Алексеевки), потом на товарняке еду в Воронеж, оттуда — в Грязи, а после через Липецк в поселок Свободный Сокол, куда школа вернулась из эвакуации из Караганды. И все на перекладных, никаких денег у меня не было... По прибытии одели нас в какую-то «бэушную» одежду, дали матрасы пустые, в поле набили их соломой — это и были наши постели...

Учился охотно, хорошо, был помощником старшины в роте, а в ней больше ста человек. Так что погоны я надел в шестнадцать лет и почти всю жизнь прожил по военному удостоверению, не имея паспорта! Получил его только в шестьдесят!

В 1946 году из-за засухи в наших краях начался страшный голод. Когда я приехал домой в отпуск, отец уже вернулся с фронта и работал где-то в собесе. Там выдавали поношенные вещи, полученные в качестве гуманитарной помощи от союзников, мы добавили к ним все свои, что не носили, и я поехал в Тбилиси, чтобы их продать и купить кукурузной муки.

Там жила моя старшая сестра Леля, вышедшая на фронте замуж за грузина. Друг мой Вася Вдовин служил писарем в местной воинской части и умудрился выписать мне проездной военный билет, так что ехал я в своей военной форме со старшинскими погонами... Денег — ни копейки, на всю дорогу, а ехал я шесть суток, одна буханка хлеба. Спасибо, демобилизованные солдаты ехали, они питались по талонам, ну и нет-нет, а чем-то и меня подкармливали.

С горем пополам добрался я до сестры, зять Михаил помог продать барахло, купили мы мешок кукурузной муки и маленькую сумочку — пшеничной. А как везти? На перевоз продуктов — строгий запрет, везде досмотры, проверки... Сколотили мы деревянный ящик, всунули в него муку и сверху заложили книгами. Ничего, прошел номер. Приехал домой, на вокзале встречают меня с санками мать и старшая сестра Лина. Я смотрю, а их буквально качает от голода! Погрузил ящик на санки и повез домой. Сколько же радости было от такого богатства! Скажу без преувеличения — эта мука спасла тогда жизнь семьи!

А я опоздал на занятия в спецшколу, и по этой причине меня разжаловали из помощников старшины, хотя никакого практического значения это не имело. Экзамены сдал все на «отлично», кроме сочинения: подвела какая-то грамматическая ошибка, хотя писал и до сих пор пишу грамотно.

Потом приехали так называемые «купцы» из Чугуевского училища, из других училищ, подбирать себе курсантов на учебу. Так через какое-то время оказался я на Украине, где-то в сорока километрах от Харькова. Только начали учебу, меня направляют на трехнедельные курсы младших командиров, после чего назначают помощником командира взвода. И вот сидишь среди таких же, как сам, и составляешь график караула: первый год мы только занимались теоретически и в караул ходили. Надо же никого не обидеть, всех чередовать: посты-то разные, чтобы по справедливости. Так в сержантских погонах я и «начальствовал», уже лейтенантом стал, а прозвище «сержант» за мной все еще оставалось.

На втором году обучения начали летать. Это была долгожданная мечта каждого, поэтому занимались этим с огромным интересом и удовольствием. Первый свой в жизни полет я совершил с инструктором на УТ-2. Сидишь впереди, привязанный ремнями, инструктор позади, то есть летим в «спарке». На голове «заушник», радиосвязи на этих самолетах не было, так что связь между собой осуществляли через какой-то шланг... Показал он мне и «петлю», и «полупетлю», «штопор», вывод из «штопора»...

В.Т.: — **Страшно было?**

А.Ф.: — Вроде бы и нет, но когда начали кувыркаться вниз головой, в ушах

Анатолий Васильевич Филипченко

ветер свистит, кабина-то без фонаря сверху, на глазах очки, за чашу сиденья ухватился — сработал инстинкт самосохранения! Но надо выполнять указания инструктора: он сзади сидит и говорит, что, где надо делать — пробуй, мол, сам! Тут я за что-то потянул, оказалось не то, ошибся... Постепенно пришел в себя, успокоился, растерянность исчезла.

Потом уже инструктор, Сергей Петрович Абалдуев, признался, что решил меня сразу испытать на сложностях, которые начальным полетом не предусмотрены. Отчаянный был человек, рискованный.

Я когда слетал в Космос первый раз, он мне звонит и говорит: «Слушай! Я просто обалдел: мой курсант — космонавт!» А я его в ответ благодарю, что дал мне крылья, и шучу в ответ: «Надо же, Абалдуев обалдел!» Так что те ощущения помню до сих пор, и благодарен наставнику за испытания. Может, благодаря им, потом, при первом самостоятельном полете, было легче.

В.Т.: — Его тоже помните?

А.Ф.: — Как ни странно, но меньше. Наверное, от того, что все внимание, все чувства были сконцентрированы на ответственности — полагаться-то не на кого! Сзади тебя, вместо инструктора — мешок с песком, который клали для центровки. Потом летали на Яках, на «Лавочкине». В конце 1950-го, отучившись три года, сдал экзамены, окончил училище, и меня, как одного из лучших выпускников, оставляют при нем инструктором. А мне так не хочется. Потом решение изменили, и нас, пятерых, отправляют не куда-нибудь, а в Ленинградский военный округ! Мы о таком и не мечтали!

Прибыли в знаменитую Гатчину на небольшой аэродром, где еще Нестеров летал. Оказалось, здесь с самой войны не было пополнения. Влились в коллектив, а это были в основном фронтовики. Быстро вошли в колею, по весне приступили к полетам. Сначала провозной полет, потом контрольный и затем уже самостоятельный. И вот я пять полетов по кругу на «Лавочкине» сделал, один в один, на три точки... После полетов командир эскадрильи, армянин по фамилии Газорян, построил всех и говорит: «Вот так, фронтовики, надо летать, как лейтенант Филипченко! А мне и радостно от похвалы, и стыдно отчего-то: вот, мол, выпятился!

Потом переучились на реактивный МиГ-15, но летать на нем с этого маленького аэродрома было невозможно, и нас переместили в Ропшу, под Ленинградом. Штаб эскадрильи размещался во дворце, где когда-то Алексей Орлов задушил Петра Третьего. Такое вот знаменитое историческое место оказалось! Пробыли мы там недолго, в 1952 году весь полк, со всей матчастью, передислоцируется в Румынию. Задача стояла переучить румын летать на реактивных самолетах, оставить им матчасть, а самим вернуться туда, куда прикажет командование. В это время на родине умирает отец, и мать остается с сестренкой и братишкой одна. Так что значительную часть своей зарплаты я стал ежемесячно отправлять им в помощь. Нас-то кормили, обували, одевали, а у холостяка какие расходы? Когда отправлял деньги, всякий раз напоминал матери, чтобы сохраняла квитки — мало ли, что со мной может случиться, а квитанции эти смогут помочь при назначении пособия.

В.Т.: — О плохом тоже думалось?

А.Ф.: — Профессия летчика не только романтична, но и опасна! Каждый полет — это непредсказуемость, не знаешь, вернешься ты на землю или нет. Тем более, что случаев печальных немало. И помнить об этом просто необходимо. Но только помнить, а не думать постоянно, и жить в вечном страхе! Это еще хуже, чем любая опасность! Так что всю жизнь об опасности этой не забывал, но в плен ей никогда не сдавался.

Это к слову, а тогда там, в Румынии, мы за полгода справились с заданием и готовились к возвращению домой. Но тут приходит приказ отправиться всем в

отпуск, после чего вновь — в Румынию! Возвращаемся после отпуска уже не в Крайову, где были, а под Бухарест, в поселок Урзичени, практически в чистое поле. Аэродрома нет, только две казармы и подсобные постройки. Питьевая вода только привозная, а та, что есть — горькая, ржавая, даже голову помыть невозможно. Электричества тоже нет, до 11 вечера работает движок, а потом керосиновые лампы, керогазы и прочие прелести жизни... В таких вот условиях несли службу. Не очень далеко от города Констанца строился аэродром Кюкарджауа в бараганских степях. Мы вскоре туда передислоцировались. Так что вскоре начались полеты, дежурные звенья.. Затынулась эта наша командировка на целые шесть лет! Многие уже привезли семьи.

В.Т.: — **А вы оставались холостяком?**

А.Ф.: — Да. Женился только в 1956 году на киевлянке Елизавете.

В.Т.: — **А как встретились с будущей женой?**

А.Ф.: — Мы же в отпуск из Румынии ездили через Киев, каждый раз делали остановку, чтобы полюбоваться украинской столицей, неповторимыми ее каштанами. Ну и, как-то прогуливаясь, познакомился с местной дивчиной, она работала где-то при штабе округа. Начали переписываться, а когда в 1956-м ехали в Саратов на переподготовку, показал ее ехавшим со мной командиру полка, сослуживцам. Те увидели — женись и все! Глянь, какая красавица, да и тебе пора! Так что через какое-то время мы с ней расписались в одном из загсов Киева, отметили это событие с моими друзьями да ее родней. Потом уже повез ее в Острогжск, познакомил с матерью, родственниками... Как раз в 1957 году на дивизию пришла разнарядка — определить двух кандидатов для поступления в Монинскую академию. Выбор пал и на меня: в службе передовой, первоклассный летчик-ас. Так что половину отпуска я провел у матери — готовился к вступительным экзаменам. Сдаю все на «отлично», радуюсь, и тут выясняется, что по возрасту для очного обучения я непригоден — полгода сверх ограничения! Никакие уговоры не помогли, пришлось соглашаться на заочную учебу. В это время приходит телеграмма из Киева — Елизавета родила первенца — сына! Сашку. После экзаменов мчусь в Киев, забираю их и везу в Румынию к месту службы...

И снова продолжение службы, там же — в Румынии. Интенсивные полеты чередовались с дежурствами в дежурном звене, так что во время этих дежурств да в выходные и праздничные дни выкраивал время для учебы. Надо ведь было самому одолевая науки, потом ездить сдавать экзамены. Заочно учиться было труднее, но зато шел стаж военной службы, что было важно для продвижения и карьерного роста.

В 1960 году произошло большое сокращение армии — из Вооруженных сил было уволено сначала миллион двести тысяч служащих, потом еще почти шестьсот тысяч человек. Попадает под сокращение и наш авиационный полк. Начинается распределение, люди-то все подготовленные, классные специалисты, особенно летчики — все только 1-2 классов. Служить да служить! Но почти всех направляют в другие места с понижением. Жду решения по мне, смирился в душе даже с назначением командиром звена, хотя занимал уже должность заместителя командира эскадрильи.

И вдруг замкомандира дивизии Огнев предлагает комиссии оставить меня служить в другой дивизии, которую не расформировывали, старшим инструктором-летчиком, своего рода инспектором. Мол, учиться в академии, имеет хорошую летную практику, участвовал даже в инспекторском разборе летных происшествий у румынских летчиков в рамках Варшавского Договора. Проверял, как инспектор, технику пилотирования руководящего летного состава румынских ВВС, будучи всего лишь командиром звена. Началась моя инспекторская служба в дивизии,

которая продолжалась и после окончания академии в 1961 году. Много летал по полкам, проверял, подсказывал.

В.Т.: — Это был год легендарного полета Гагарина. Какие ощущения испытали, узнав об этом необычайном событии не только для летающей братии, но и для всего человечества? Видимо, как и для всех последующих космонавтов, полет этот стал для вас тоже первым шагом к космической орбите? Как все было?

А.Ф.: — Первоначальные ощущения были, что это какой-то розыгрыш. Просто не верилось, что такое может быть на самом деле! Потом, когда назвали имя космонавта, его воинское звание, зачитали биографию, поняли, что это правда. Тогда у меня и в мыслях не было, что скоро и сам стану космонавтом. Я ведь по возрасту старше Гагарина на шесть лет, считал, что уже не подхожу для подобных дел. Но прошел год, и меня вызывают в Одессу, в штаб воздушной армии, не объясняя причин вызова. Таких, как я, оказалось пять человек, с разных мест, все с высшим образованием. Сидим, гадаем, зачем вызвали? Кто-то пустил слух, что отбирают слушателей в дипломатическую академию...

Но вызывают первого, он назад не выходит. Меня приглашают вторым и начинают с общих вопросов: как здоровье, как переносите высоту, перегрузки, и т.д. «Нормально», — отвечаю. Спрашивают: «Ну, а если выше, быстрее? В космос, к примеру?»

Не знаю, что мною двигало, но я сразу ответил: «Если возьмете, я согласен!» А им это и надо было. Отпускают меня и предупреждают, чтобы об этом разговоре — никому ни слова! Даже командиру дивизии. Объясните, мол, что предлагали вам командиром полка на Север, но вы отказались, потому что у вас в семье грудной ребенок.

В.Т.: — Это был уже второй сын?

А.Ф.: — Да, Игорь родился в 1961 году. День его рождения на всю жизнь запомнился. Жили мы тогда в военном городке на окраине Тирасполя. У Лизы вечером начались схватки, я ее под руки и пешком в центр, быстрее в роддом. Ни такси, ни машин попутных, и если бы не наш служебный автобус, который вез из города людей, родила бы жена по дороге. А так, развернулся водитель, и вперед! Только вернулись мы с ним в городок — звонок: роды прошли благополучно.

Так вот, возвращаюсь в дивизию, а командир, генерал Назаренко уже с вопросом: «Зачем вызывали?» Я ему легенду ту сочиненную рассказываю, а он меня перебивает и матом: «Хватит мне лапшу на уши вешать!.. Так и скажи, что согласился в космонавты идти».

Откуда, от кого он все узнал, до сих пор не знаю, видимо, своя разведка была. Продолжаю службу, а где-то весной 1962-го опять вызывают в Москву, в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь для прохождения медкомиссии. Сколько я их прошел за свои 34 года — и не сосчитать, но чтобы так глубоко обследовали! Обнаружили даже, что я в детстве перенес малярию! Особенно проверяли сердечно-сосудистую систему и вестибулярный аппарат.

Как сейчас помню, это было в первомайский день, привязали меня к специальному креслу, которое быстро поворачивалось вправо-влево, и надо было одновременно делать наклоны, крутить головой... Я вынес это испытание спокойно, получил пять с плюсом.

Потом были пробы на центрифуге, кислородное голодание в барокамере, темная комната, неожиданные опасности... Проверяли быстроту реакции в экстремальных ситуациях и твое психологическое состояние в такие моменты. Изучали и состояние памяти. Для начала надо было пересказать как можно точнее текст, что перед этим быстро зачитывали. Потом также быстро прочитывали десять разных слов, и ты должен был их повторить, уж если не все, то как минимум восемь.

Обследование длилось сорок пять суток, за это время его прошли полторы тысячи человек. Причем, что характерно, много абсолютно молодых ребят было забраковано — такой строгий отбор был! Тех же, кто прошел все пробы, поместили в отдельную палату человек на десять, которую называли палатой «лордов». Тут мы уже несколько успокоились, понимая, что главные трудности позади...

В.Т.: — **А волнение во время испытаний сильное испытывали?**

А.Ф.: — Волновался, конечно, как каждый нормальный человек. Но боязни, что не пройду, не было. Во-первых, чувствовал уверенность в своих силах и знаниях, а во-вторых, у меня была нормальная служба, академический «поплавок», с которым уже не утонешь. Да и перспективу мне рисовали неплохую... Но судьба распорядилась по-своему, и в январе 1963 года я, тридцатипятилетний майор авиации, был зачислен в отряд космонавтов. Поначалу жили без семей в общежитии здесь, в Звездном. Потом, когда получил трехкомнатную квартиру в Чкаловске, перевез жену и сыновей. А в 1966 году переселились сюда, в Центр подготовки космонавтов, в нынешний дом, где и поныне живем.

Здесь прошли большую общекосмическую подготовку, в том числе и так называемый третий круг отбора. Помещают тебя на десять суток в сурдокамеру, в полную тишину, вокруг только лампочки сигнальные мигают. Устанавливаешь сам себе датчики, которые выдают наружу сведения о твоём состоянии, да таблицы контрольно-проверочные перед глазами. Никакого общения с внешним миром — тут тебе и питание, и туалет... Даже сон по расписанию, в три приема: два часа сна и пробуждение ярким светом; спустя какое-то время еще три часа и снова пробуждение. Потом еще два часа... И так в течение всех десяти суток. Были созданы условия, провоцирующие психику человека — можно ведь испугаться этой гробовой тишины и одиночества, одуреть от этих бесконечных прерванных снов, а от этого и давление может прыгнуть, и другие отклонения от нормы возникнуть. Ничего, все выдержал. Проверялись и скрытые дефекты сердца. На велоэргометре крутишь педали, нагрузка постепенно увеличивается, будто в гору поднимаешься, дышишь в специальный такой мешок. И тут тебе неожиданно «перекрывают» дыхание — подается воздух с пониженным содержанием кислорода. Оказывается, при большой физической нагрузке и нехватке кислорода могут выявиться скрытые дефекты сердца, которые при обычных условиях не распознать. С этой же целью проходишь еще и термокамеру — в одежде при температуре 80 градусов и влажности всего пятнадцать процентов должен просидеть полный час. Сначала потеешь, потом пот превращается в соль, тело начинает сушиться, разогреваться. Периодически открывается специальная форточка, через которую тебе всовывают в рот термометр, тут главное, чтобы температура не превысила 39 градусов. Некоторые теряли сознание, случался тепловой удар, у кого-то заведомо повышались пульс, давление. Центрифугу мы уже проходили при первоначальном обследовании, но если там нагрузка была всего пять крат, то здесь уже и семь, и восемь, и даже десять крат.

В.Т.: — **Что это значит?**

А.Ф.: — От скорости вращения на центрифуге зависит центробежная сила, которая тебя просто вдавликает в сиденье. Вот эта сила и измеряется по отношению к твоему весу: во сколько крат она выше. В момент этих перегрузок проверяется и сердце, и головной мозг, и зрение... Вот такие были предполетные «издевательства». (*Смеется — Авт.*) Прошел я их все благополучно. После чего нас троих — Германа Титова, меня и Анатолия Куклина, тоже из нашего набора — направляют в лётно-испытательный институт в город Ахтубинск, это между Волгоградом и Астраханью. Дело в том, что в это время разрабатывалась тема космического «Бурана», и нам предстояло научиться подводить на посадку самолеты СУ-7, СУ-9, МиГ-21. Надо было переводить двигатели на холостой ход на определенном

этапе и с выпущенными закрылками и шасси, что создавало похожее аэродинамическое качество, как у «Бурана», рассчитать так, чтобы посадить самолет на полосу аэродрома. Попутно сдали экзамены, получили дополнительные профессии летчика-испытателя, после чего нас отозвали в Центр.

Вот с этого времени, пожалуй, началось мое уже практическое участие в процессе освоения космоса. Я был включен в конкретную подготовку полетов на корабле «Союз», которые начали летать в космос. К этому времени там уже находились два экипажа — Шаталов летал один, а в другом — были Вольнов, Хрунов и Елисеев. Сначала, пройдя специальную подготовку, я дублировал Вольнова, после чего начал готовиться к полету уже сам. Тут была уже совершенно другая, более сложная программа подготовки, рассчитанная на месяцы. После ее освоения нам предстояло отработать в космосе возможности сближения, стыковки космических кораблей, взаимодействие в управлении сразу тремя кораблями — тогда ведь спутников, обеспечивающих связь по всей орбите, еще не было. Летели тремя экипажами — один в составе Шонина и Кубасова, второй — Филипченко, Горбатко и Волков и третий — Шаталов и Елисеев. В Казахстан, на Байконур, летели самолетами, причем основной состав — в одном, а дублирующий — в другом.

В.Т.: — **А почему не одним самолетом?**

А.Ф.: — Нельзя рисковать, мало ли что может случиться, а один экипаж должен быть в любом случае. Это непереносимое правило каждого космического полета. Прилетели где-то недели за две до запуска — нужно было ознакомиться с кораблем, изучить рабочее место и т.д. К примеру, в это время делают слепок и на специальном заводе отливают так называемый вкладыш под спину для сиденья, так как при приземлении главный удар приходится на нее. Потом с учетом заявленного веса производят центровку рабочего кресла, после чего не дай Бог набрать лишней килограмм! Хотя соблазн великий и дынь опробовать, и фруктов разных... Дату вылета откладывали по разным причинам несколько раз, так что в режиме «ожидания» пришлось подергаться...

Здесь хотел бы упомянуть о первом знакомстве с Королевым. Сергей Павлович часто бывал на космодроме, и однажды, почти перед полетом, собрал всю нашу группу, рассказал о себе: как он сидел в тюрьме, как голодный на перекладных добирался до Урала, где находилось конструкторское бюро Глушко. Выпустили из тюрьмы, а дальше — добирайся, как сможешь. Иду, говорит, по улице какого-то незнакомого города и думаю: «Мне бы сейчас за великое счастье кусочек хлебushка отыскать! И вдруг вижу: лежит на дороге прямо передо мной целая буханка свежего хлеба! Видимо, везли, и она выпала случайно. Но почему передо мной? Тут впору и в Бога поверить!..»

Рассказал, как заболел в пути тифом. Ослабшего до изнеможения в тюремных условиях, взял его под свою опеку один то ли ссыльный политзаключенный, то ли кто-то из местных «блатных», выходил, поставил на ноги. Уже став Генеральным конструктором, Сергей Павлович разыскал этого человека, организовал его приезд в свое КБ, выделил отдельную комнату и определил ему занятие по душе... В общем, интересная получилась беседа. Королев был очень уверенным в своем деле человеком! Когда мы высказали ему свои замечания в отношении опасностей, поджидающих человека в космосе, он ответил: «Можете мне поверить: процент надежности составляет 99 и 99 сотых!»

Конечно, это было далеко не так, разные случаи бывали, но его уверенность придавала нам силы и вводила от тревожных мыслей...

В.Т.: — **А как вообще вы оцениваете этого, без сомнения, неординарного человека, ученого?**

А.Ф.: — Это был очень сильный и, где надо, очень жесткий руководитель! За малейшую недоработку, оплошность он просто выгонял человека с работы, объяс-

няя это тем, что за его недоработками стоят человеческие жизни. И это все понимали. Может, поэтому при его руководстве не случилось тех откровенных нынешних «ляпов», от которых падают спутники? Но в то же время он был очень внимателен к людям, их просьбам. Не отвергал с ходу чьи-то предложения, всегда требовал при этом убедить его, доказать, что это действительно должно быть так. И только после этого принимал решение, которое было последним в инстанции...

В.Т.: — **А с Гагариным приходилось общаться? Что это был за человек? Почему выбор первого космонавта Королевым пал именно на него?**

А.Ф.: — С Юрой мы познакомились еще в Чкаловске, когда жили в соседних домах. А потом уже здесь, в одном подъезде, рядом. Мы с ним как-то очень быстро сошлись, как, впрочем, он сходилась со всеми. Наверное, потому, что это был очень простой, коммуникабельный парень, человечный. Мы часто в одной компании с ним охотились. Его, как правило, в знак уважения, ставили на пролетные места, поэтому его добыча была всегда больше, чем у других. Ну, после охоты, по обычаю, собираемся к костру, к «скатерти-самобранке». И он, поинтересовавшись у каждого, кто что добыл, из своего рюкзака щедро пополняет трофеи неудачников... Не было у него эдакой охотничьей жадности, как и вообще ее не было никакой. Он всегда располагал к себе окружающих — душевностью, открытостью и улыбкой своей неповторимой...

Видимо, все эти человеческие качества, наряду, конечно, с профессиональной и физической подготовкой, повлияли на выбор Королева. Хотя были, наверное, и другие, может, даже скрытые какие мотивы. На одной из встреч с космонавтом Поповичем его спросили, почему первым космонавтом стал именно Гагарин. И тот, полушутя, ответил: «А кого еще? Меня с моей церковной фамилией? Или Титова? Так у него имя — Герман, не наше как бы. Николаев — русская фамилия, но чуваш... Быковский — тоже не звучно. А в Гагарине все есть — и фамилия, и имя, и фигура, лицо, улыбка!..»

Так что выбор был абсолютно верным по всем параметрам. Даже после полета, мирового признания Юрий Алексеевич не потерял своей простоты, доступности, скромности — такой был человек!

В.Т.: — **О своем первом и втором полетах, связанных с ним ощущениях вы уже много рассказывали, в том числе и в книге «Надежная орбита». Недавно я с удовольствием ее прочел. Нет желания вновь взяться за перо?**

А.Ф.: — Меня часто об этом спрашивают, предлагают помощь. Но почему-то не хочется писать опять о своем героизме, подвигах... Хотя и нужно было бы еще раз рассказать и о том, что было и что стало. Ведь мы — последние из той плеяды космонавтов, которые могут обо всем говорить в сравнении. Да и вообще о профессии летчика-космонавта, этой трудной и очень опасной работе. Я как-то подсчитал — 7 раз мог погибнуть, когда летал летчиком 1 класса на самолете, и один раз в космосе! Отказала автоматика при включении тормозного двигателя перед спуском, пришлось быстро сориентироваться и на пределе сил и выдержки запустить его вручную. Если бы этого не сделали, могли остаться на орбите навсегда... Так что от космонавта требуются не только обширные знания, физическая закалка, но и мгновенная реакция в экстремальных случаях, умение быстро найти выход из возникшей ситуации. Не зря ведь перед каждым полетом космонавтам показывают фильм «Белое солнце пустыни». Чтобы учились у красноармейца Сухова, как выходить из любого сложного положения... Ну и, конечно, удача! Главное, что все желают отправляющимся в космос, это удача! Так что написать есть о чем, но...

В.Т.: — **А нынче «космические» сны снятся?**

А.Ф.: — Космос забыть нельзя, и, конечно, иногда что-нибудь да привидится. Чаще всего картинки, когда в иллюминатор видишь Землю. Впечатление потря-

сающее! Земля с такой высоты поразительно красива! Особенно при рассветах и закатах. Космические зори описать невозможно, это что-то и впрямь неземное! В сутки ты видишь 16 восходов и заходов Солнца, и каждый раз все видится по-своему красиво. Конечно, за время полета к этому привыкаешь, все становится обыденным, порою даже надоедает, но в памяти остается навсегда.

В.Т.: — **И в шутку, и всерьез: в иллюминатор не приходилось видеть что-нибудь необычное, инопланетян, к примеру, или НЛО?**

А.Ф.: — Ни наши космонавты, ни американские, а я три раза был в Америке, общался со многими, даже с теми, кто летал на Луну, никто ничего этого не видел. Да, НЛО, как таковые, существуют, их видели сотни людей, но что это такое, пока никто не знает. Может, сгустки какой-либо энергии, может, в самом деле разведчики с других цивилизаций. А вот инопланетян из нас не видел никто. Хотелось бы, конечно, встретиться, пообщаться... Может, когда-нибудь это и произойдет!

В.Т.: — **В свете последних событий, связанных с астероидами, метеоритами, устремившимися к Земле — насколько реальна их опасность с точки зрения специалиста?**

А.Ф.: — Опасность, конечно же, есть! И в космосе, и на Земле. Пусть и миллионная доля вероятности, что какое-то тело попадет в космический корабль, существует. Даже если это мельчайшая частица весом в долю грамма. Ведь при скорости 30 километров в секунду она способна прошить не только трехмиллиметровую дюралевую обшивку корабля, но и броню! А это значит — разгерметизация! Она опасна тем, что сразу утечку найти невозможно, и тогда... Но еще раз повторю — вероятность такого попадания очень мала и пока, слава Богу, такого на орбите не было.

Теперь об опасности для Земли. Земля защищена атмосферой, ее плотные слои условно толщиной сто километров. С космоса она видна, как ореол, эдакая голубая полоса. Это кислород светится голубым цветом. А дальше — сплошная пустота, как тушь черная.

Все, что прилетает из космоса к Земле, попадая в атмосферу, нагревается до плавления и сгорает, не долетая до Земли. Просто вспышка, и все! Но есть метеориты крупные, как это случилось недавно под Челябинском, которые долетают до поверхности Земли. И то, это еще не такой уж и большой упал. Есть ведь метеориты размером с футбольное поле, а то и не в одно. А бывают и в несколько километров! Они опасны, потому как здесь атмосфера не срабатывает. И когда они врезаются в Землю, случается своего рода термоядерный взрыв. Наступает так называемая «ядерная зима». Весь Земной шар окутывается густым туманом, пеленой, которая не пропускает солнечные лучи. Естественно наступает холод, ничего не растет и постепенно жизнь затухает. Все живое на Земле может просто вымереть.

Сейчас думают, как такие случаи предотвратить. Рассматривается вариант посылки специального космического корабля к метеориту, с которым может столкнуться Земля. Чтобы каким-то двигателем отвести его чуть в сторону, изменить траекторию полета. Сейчас, кстати, с помощью спутников определяют их местонахождение очень точно, до нескольких метров.

Теоретически это возможно. Вопрос в одном: как это осуществить практически? Дело в том, что все в солнечной системе вращается вокруг Солнца. А вот там, где сейчас находится этот астероид-гигант, что по расчетам может через 15 лет пересечься с Землей, между Марсом и Юпитером, ситуация другая. Говорят, что там была когда-то планета Фэтон, которая разрушилась. И теперь целый шлейф ее осколков, причем некоторые из них весят десятки тысяч тонн, вылетают к Юпитеру. Но эта огромная планета как бы отпихивает их, и они, летя с сумасшедшей скоростью, могут пересечь орбиту Земли. Само по себе столкновение малове-

роятно, но не исключено. И, к сожалению, защититься от этого в современных условиях невозможно. Единственное, на что остается надеяться — что этого все-таки не произойдет.

В.Т.: — Анатолий Васильевич! 85 лет — возраст солидный. К тому же болячки эти. Да и космос, судя по вашим рассказам, отнял много сил, здоровья. Но несмотря ни на что, вы держитесь бодро, еще и за рулем ездите, на даче работаете. В чем секрет крепости тела и духа?

А.Ф.: — Можно, конечно, сослаться на генетику. Мой дед немного не дожил до ста лет. Мама, Акулина Михайловна, умерла не так давно в возрасте 95 лет. Но, думаю, не это главное. Для любого человека одно из главных условий активного долголетия — физическая закалка организма. Причем, начиная с детского возраста. В чем причина хилости нынешней молодежи? Ведь даже в армию брать уже почти некого! А причина в одном: вместо занятий спортом, гимнастикой, вообще постоянного активного движения — телевизор, компьютер и прочие «сидяче-лежащие» увлечения. А если еще и спиртное, курение, то о каком здоровье можно говорить?

Для летчиков-космонавтов физическая закалка важна особенно. И не только тогда, когда ты готовишься им стать. Только один из ста кандидатов проходит отбор. Но и потом, когда уже летаешь. Ведь невесомость — это опаснейшая для человеческого организма штука. Если не заниматься постоянными физическими упражнениями там, на борту станции, можешь вернуться из полета полным инвалидом. Поэтому на космических кораблях есть различные тренажеры, и ты обязан каждый день не менее двух часов усиленно заниматься физзарядкой. К этому пришли после того, как первые космонавты, побывав в космосе даже непродолжительное время, при приземлении теряли сознание, даже на ноги не могли стать. И тогда ввели обязательные физупражнения, мы даже летали в спортивных костюмах. Но это оказалось опасным. При разгерметизации корабля погибли космонавты Волков, Добровольский, Пацаев, которые могли бы остаться в живых, если бы были в скафандрах. После этого на орбиту летают только в скафандрах, и физзанятия там обязательны.

Когда к ним привыкаешь, они становятся жизненной необходимостью, и ты уже не можешь без этого. Поэтому до сих пор стараюсь как можно больше двигаться, в меру сил поддерживать физическое состояние организма. Скажу честно: если бы не это, меня давно уже не было бы на этом свете... Я ведь за последние годы перенес 27 операций, из них 7 — полостных. Последствия космоса, прыжков с парашютом сказались на ногах — пришлось рисковать, вставлять искусственные суставы. Так что я теперь с «железными» ногами. (Улыбается — Авт.) Несколько лет назад с помощью земляков-воронежцев, которые оказали финансовую поддержку, одолел онкологию. Летом 2011 года перенес инфаркт миокарда, но ничего, оклемался...

А к болезням стараюсь относиться по принципу Карнеги: «Если у тебя нет бо- тинку, то посмотри на того, у кого нет ног, и...»

Ну и, конечно, забота и внимание Веры Павловны — моей супруги, с которой мы, после смерти моей первой жены, уже тридцать лет вместе. За что я ей очень благодарен!

В.Т.: — За руль садитесь?

А.Ф.: — А как же! Недавно обновил машину, теперь у меня «Форд Фокус» последней модели...

В.Т.: — Здесь, по Городку, или и в Москву выбираетесь?

А.Ф.: — Тю, Москва! Москва — это рядом!

В.Т.: — Анатолий Васильевич! А как оцениваете нынешнее состояние российской космонавтики?

А.Ф.: — Что касается государственного уровня, то, к сожалению, отношение и к самой отечественной космонавтике, и к космонавтам стало совсем другим, чем в наше время. Центр подготовки космонавтов, этот мозг космонавтики, стал каким-то там «бюджетным учреждением», начальник Центра — уже в Звездном городке — никто... Всех перевели в «гражданку» — здесь нет никого в погонах, военных! Это серьезнейшая ошибка руководства! Я в шестнадцать лет надел погоны и только в шестьдесят получил гражданский паспорт, и так должно быть, коли это служба! Погоны, звания — это и гордость, и ответственность, и вид, в конце концов!

За прошедшие годы в космонавтике упущено много, особенно ослаб спрос за качество создаваемой космической техники, подготовку летчиков-космонавтов, а отсюда и все эти частые неудачи в космосе, падение спутников, сгорание их при запуске.

Резко упал престиж профессии космонавта. Слетавшие на орбиту испытатели практически лишены прежних льгот, привилегий. Им не всегда присваивают звание Героя, а уж о каких-то там бюстах и речи никто не ведет.

Раньше с вернувшимися из полета космонавтами организовывались торжественные встречи в гарнизонном клубе, теперь только узким кругом в закрытой территории Центра. Кто туда пойдет? Многие космонавты, служащие даже квартир собственных не имеют, живут с семьями в гостинице. Правда, с первого января прошлого года почти в пять раз увеличили зарплату космонавтам, другим работникам отрасли, но одними деньгами сыт не будешь. За нынешнее состояние отечественной космонавтики очень обидно...

...Нашему поколению космонавтов повезло больше. До сих пор помнят наши имена, чтут. И пенсии хорошие, и доплаты за геройские звезды... Меня вон Президент России Путин поздравил телеграммой с недавним юбилеем, губернатор Воронежской области Гордеев наградил памятным знаком «Благодарность от Земли Воронежской». Вы, земляки мои, всегда тепло встречаете... Спасибо всем большое!

В.Т.: — **И последний вопрос: как вы относитесь к решению земляков-давыдовцев открыть в поселке музей имени космонавта Филипченко?**

А.Ф.: — Музеи нужны. Это память о прошлом для приходящих поколений. И в Давыдовке музей должен быть! Я вот даже свой мундир космонавта туда отвез, как будущий экспонат. А вот, что касается имени... Неудобно это как-то. Я вообще против того, чтобы при жизни человека его именем что-то называли, бюсты ставили. Но если народ решит... Я очень рад, что меня помнят на родной Воронежской земле.

*Стихи
лискинских
поэтов*

В СОСНАХ ЗАПУТАЛОСЬ ДОЛГОЕ ЭХО

Наталья Блохина

* * *

Где ангел босыми ногами ступал,
Там нынче растут одуванчик и мята.
И озера мягкий прохладный овал
Вписался в живую картину заката.

Стихающих звуков осевшая муть,
И звуки цикад легким ветром по коже,
И только желанье скорее нырнуть
В озерную влагу минутою позже...

И плыть, удивляясь спокойствию вод,
Как быстро закат угасает порфирный,
А пух одуванчиков рядом плывет,
Как символ мгновений, летящих над миром.

Плыть, словно по небу на крыльях лететь...
А сумрак сливает небес отраженье
С поверхностью озера, с пухом... И петь...
Плыть к берегу плавным
бесшумным движеньем.

И вдруг для себя, как событие открыть
Всю нежность воды, ее мягкость и силу,
Всем телом тепло и родство ощутить,
Потом только вспомнив,
что в детстве так было.

Алексей Поповкин

ЛИСКИНСКИЙ РОМАНС

В соснах запуталось долгое эхо.
Тень от моста надломила волна.
Мне из мечты моей некуда ехать —
Это родная моя сторона!

Это огней золотистых кружение
Каждым, распахнутым настезь окном.
Лиски, ты смотришь в свое отражение
В полном желаньями небе ночном.

Знаю, стальное раскатится эхо,
Чашу зари город выпьет до дна.
Мне ж от мечты моей некуда ехать —
Это родная моя сторона...

Людмила Титова

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ...

Сослагательное наклонение —
Так печальна частица «бы».
Недоступность второго рождения,
Невозможность иной судьбы.

Сослагательное слагается
Из бессонных ночей, сонных дней.
Но проказница «бы» не стесняется:
Ей от нашей беды веселей.

Сослагательное, несбывательное,
Не печаль нас, малютка Бы!
А из детства спешит спасательная
Поговорочка про грибы.

* * *

Не радуйся заранее, ведь может и не сбыться.
И слезы не спеши пролить в предчувствии проблем.
Всему свой срок — его дождись. Зачем же торопиться?
Придет — так смейся иль рыдай. А раньше-то зачем?

Александр Петров

* * *

Ни в каких америках я не был;
Не тянуло в земли стран иных:
Самое большое в мире небо
С Родиной делил я на двоих.

Пусть другим казалось это бредом,
Были те, кто для себя служил;
С детских лет России был я предан,
С детских лет с любовью к ней и жил.

Для души — великое раздолье,
И пути лежат во все концы.
Самое большое в мире поле
Наши нам оставили отцы.

Гордость есть у немцев и японцев —
Если честно, что ни говори,
Самое большое в мире солнце
Провожают русских две зари.

* * *

Жизнь одна, и не будет вторая:
Нет сомненья во мне ни на гран.
Но красотам незримого рая
Предпочел бы земной я туман.

Николай Кардашов

КРИНИЦА

Листая памяти страницы,
Я вновь и вновь увидеть рад:
Звенит прохладная криница
В оправе изумрудных трав.

Пред нею преклоню колена
Я с благодарностью всегда
За то, что в зной не обмелела,
Не замерзала в холода...

И у меня мечта хранится,
Что в жаркий полдень, может быть,
Придут друзья к моей кринице
Стихами жажду утолить.

Валентина Акименко

* * *

Из настоя сада летнего,
Из трудов отца по саду —
Для глотка, и не последнего,
Я сварить компотик рада.

Настойтся он на памяти
Яблонь старых, но веселых,
На вишневой свежей замяти,
На ветрах, поющих в селах.

От глотка — в душе гармония...
Вы простите за сравнение:
Летний сад — он филармония,
И компот — на восхищение!

Михаил Просяников

* * *

Когда от боли вой или кричи,
Я с ними как за каменной стеною,
Они ко мне являются в ночи
И делят одиночество со мною,

Безмолвные и верные друзья...
И только здесь распахиваю душу,
Ни капли не скрывая, не тая,
Ни малой доли правды не нарушу.

Неторопливо исповедь веду,
И постепенно утихают страсти,
Как будто бы огромную беду
Я молчаливо поделю на части.

Строка ложится молча за строкой,
Обдуманной и очень дорогою,
И наступает медленно покой,
И жизнь совсем становится другою.

Я каждый раз судьбу благодарю
За то, что не бываю одиноким,
И каждый раз я с радостью дарю
Читателям рифмованные строки.

Николай Кубраков

ОСИНА

Заросла травой в лесу тропинка,
Летняя настала благодать.
Стройная окрепшая осинка
Стала меня к липе ревновать.

Пахнет медом липа, расцветает —
Просто сказка, только наяву.
Солнце в кроне косы заплетает,
Пробивая пышную листву.

Вот уже и полдень на пороге.
Прорезая корочку земли,
Рядышком с осинкой-недотрогой
Перволетки дружно проросли.

Не печалься, милая осинка,
Я тебя в любви не обойду.
И однажды я к твоей косынке
Жаркими губами припаду.

Я тебе, любимая, откроюсь,
Что в лесу мне каждый кустик мил.
Так навеки Белый Свет устроен,
Чтобы человек его любил.

Николай Литвинов

ПОСЛЕДНИЙ ВОИН СЕЛА КРУТЕЦ

(Рассказ об отце, солдате военного призыва)

У кого-то из поэтов Древней Греции есть хорошие слова: «Кто ты родом? Откуда ты? И кто отец твой, странник?». Вопрос об отце не случаен. Отец — это твои корни. Родовые, этнические, национальные, нравственные... Отец — это твое жизненное начало, твой характер, твоя любовь к Родине, отношение к женщине, к семье.

Мой батя, Литвинов Дмитрий Матвеевич, родился 15 июня 1925 года. В неполных 18 лет ушел в армию. Воевал. До 1947 года служил в Западной Европе. После войны восстанавливал разрушенное хозяйство; работал в Каменск-Уральске на Уральском алюминиевом заводе. Потом перебрался в село Пухово Лискинского района Воронежской области. Обладал массой рабочих профессий: слесарь, сварщик, столяр, плотник, бригадир полеводческой бригады, председатель сельпо, парторг. В деревне дважды самостоятельно рубил дом для все увеличивающейся семьи. Вся мебель в доме — диван, кровати, шкафы, комод — была сделана руками отца. От зари дотемна — на работе. Успевал растить детей. У моего отца шестеро детей: четыре сына и две дочери. Старший сын, то бишь я, майор внутренних войск, полковник милиции, доктор юридических наук, военный писатель. Следующий сын, Александр, начав воинскую службу в Венгрии, служил в Забайкалье, а потом основную часть службы воспитывал будущих офицеров в Воронежском военном институте радиоэлектроники. Владимир окончил Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище, академию, в тридцать лет был подполковником и заместителем командира полка, членом Офицерского собрания. На момент развала Советского Союза службу в Вооруженных силах России закончил в должности заместителя командира бригады. В Украинской армии — заместитель Луганского облвоенкома, представитель Кабинета Министров Украины по Луганской области, заместитель начальника налоговой полиции Украины. Младший Виктор, десантник, комсомольский и партийный работник, директор крупнейшего и богатейшего в Воронежской области совхоза. Дочери — красавицы и труженицы, живут недалеко от родительского дома, в селе Залужное. На всех — 14 детей, то бишь 14 внуков для деда. А есть уже и правнуки.

Про своего батю я писал в двух книгах. Первая, «Код Судьбы, или Чудо Святого Тихона Задонского», полностью посвящена его жизни: детство, военная юность, послевоенная жизнь. Еще писал о нем в книге «Направо пойдешь — коня потеряешь».

Для нас, детей, батя — нравственный ориентир. О том, на каких жизненных принципах воспитывал нас отец, можно судить по одному примеру из моей жизни.

Приезжая в родительский дом, я отчитываюсь перед ним о своей службе, работе, научных достижениях. Мне важна его оценка моих трудов, моих поступков. Он не читает нотаций, не критикует, он лишь задает вопросы. Формулируя ответ на его вопросы, видишь события в ином свете.

После ухода в отставку я работал проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета у Игоря Степановича Суровцева. У Суровцева приближались пере выборы. Вообще-то, это жесткая система — выборы ректора. Административная работа — управленческая деятельность. Нередко надо наказывать людей, увольнять. А как ты будешь наказывать, если это — твои избиратели? Они ж тебе на очередных выборах припомнят все приказы о наказаниях...

В соответствии с положением о выборах у ректора должен быть реальный соперник, он должен сражаться за должность и идти до последнего, ни боже упаси перед голосованием снять кандидатуру в пользу ректора. Сложность действующего ректора в том, чтобы найти правильного соперника, который не будет подличать, не будет на самом деле сражаться за должность и топить самого ректора. Суровцев попросил меня выставить свою кандидатуру. Я с превеликим уважением отношусь к Игорю Степановичу. Интеллектуал. Крупный ученый. Талантливый карикатурист. Отменный администратор. И при всем при этом — порядочнейший человек. Я согласился выставить свою кандидатуру. Честно говоря, мало приятного идти на выборы с целью проиграть их. Надо же выступать перед народом, формулировать и рекламировать свою программу. И в то же время — не переступить невидимую черту порядочности, чтобы не подорвать рейтинг ректора.

По радио и в газетах сообщили, что у действующего ректора появился кандидат, бывший полковник милиции, доктор юридических наук. Приезжаю домой, садимся с батей за двором на скамейке. Батя задает вопрос.

— По радио говорили, что ты выдвинул свою кандидатуру на должность ректора строительного университета. Так это?

— Да, батя, выдвинул. Буду вести избирательную кампанию, бороться за кресло ректора. Представляешь, если выиграю выборы, — попытался я пошутить, — буду ректором крупнейшего вуза.

— Это что ж получается, — как бы рассуждал родитель. — Он тебя на работу взял, должность дал. А ты теперь у него кресло отнимаешь?

— Ну, знаешь, — попытался я отшутиться. — Это демократия, кому как повезет.

Батя помолчал, а потом выдал заключение.

— Нехорошо это, сынок. Непорядочно. Ты, сынок, если выиграешь выборы и станешь ректором, домой не приезжай. Не надо!

* * *

Я решил не писать воспоминания о своем отце. Я хочу рассказать о небольшом отрезке его жизни его же словами... Рассказать о войне, о его сослуживцах. Пусть этот рассказ станет памятью о тех, кто защищал Россию, кто не вернулся домой...

В июне 1941 года батя было 16 лет, и он жил с родителями в селе Крутец Евдаковского (ныне Каменского) района Воронежской области.

22 июня 1941 года как гром среди ясного неба прозвучало — война!
А далее рассказ бати, Литвинова Дмитрия Матвеевича.

«Каждый день, вне зависимости от погоды, село собиралось у радиоприемника в центре села. Особенно много людей приходило по вечерам. Днем все работали в колхозе — надо было убирать урожай. Из черного динамика лились грозные слова песни:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Затем звучал голос Левитана. Ежечасно над селом разносились вести с фронта — «последний час». В 19.00 часов передавались «последние известия». И вести, и известия с фронтов были почему-то неутешительными. «Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед», Красная Армия отступала почти на всех направлениях. Честно говоря, когда первых сельчан провожали на фронт, то все надеялись, что война будет длиться недолго. Какая война, если «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее». Какая война, если германский пролетариат изо дня в день готовится поднять революционное восстание в Германии. Но доблестная Красная Армия отступала и отступала от границ, все дальше и дальше в глубь страны. А немецкие рабочие, одетые в форму солдат фашистской армии, жгли села и расстреливали мирных жителей — русских, украинцев, белорусов... И каждый день из села забирали, забирали и забирали мужиков. С фронтов же никто не возвращался. Даже раненые терялись где-то и не возвращались в село. Лишь изредка кому-нибудь приходили письма. Но, как правило, это были письма тех, кто только ехал на фронт либо застрял в тылу. На фронте, похоже, все исчезали. Село было большое, но к осени ни молодых, ни зрелых мужиков не осталось, всех призвали. По селу уныло бродили только мужики, по состоянию здоровья негодные к военной службе, старики, женщины, молодежь допризывного возраста. Да еще те, кто работал на железной дороге, на них бронь распространялась, они не подлежали призыву. Все от мала до велика работали в колхозе. Денег, естественно, не платили, жили за счет подсобного хозяйства, да еще в поле колоски собирали, запасали зерно на зиму. Одновременно помогали фронту теплыми вещами. Выяснилось, что у Красной Армии нет даже запасов зимнего обмундирования. Зима приближается, а солдаты на фронте без теплой одежды. Вот и начали собирать по селам для фронта валенки, зимние шапки, носки вязанные: давали, кто что мог. Женщины несли одежду отправленных на войну мужей со словами: «Может, моему и достанется».

...Страшное зрелище началось уже в сентябре, когда пошли эшелоны с эвакуированными. Из западных регионов везли составы с различным оборудованием, с людьми. Люди голодные, никто их в дороге не кормит. Некоторые, когда поезд остановится, бегут на огороды картошку выкопать, а там пусто — сами хозяева управились. Селяне, чем могли, помогали. Выносили к поезду кто что мог.

К зиме стало еще хуже. Станция Лиски не успевала переработать все поезда, они стояли на железной дороге один за другим. Немецкие самолеты налетали и бомбили железную дорогу, составы, станцию Рыбальчино. Бомбили не прицельно, а просто вываливали бомбы из бомболоков, и они летели, куда попало, рассыпаясь по всему селу. А потому с приближением вражеских самолетов все село бежало в ближайшие овраги прятаться...

В эвакуацию отправили колхозный скот. Ему, Дмитрию, уже исполнилось шестнадцать лет, и по сельским меркам он считался достаточно взрослым для самостоятельной работы. А потому ему и еще двум его сверстникам дали задание — отогнать колхозное стадо к Дону, к селу Колыбелка и там переправить на левый берег Дона. Дали телегу, запряженную лошадью, чтобы можно было самим ехать, а не идти пешком. Но телегу отобрали отступавшие военные. Офицер посадил на телегу раненых солдат и повез их к Дону. А остальные солдаты шли пешком. Да и не только солдаты. К Дону шли и гражданские люди из оккупированных немцами областей, военные, техника, артиллерия, стада коров. Десятки тысяч человек ежедневно упирались в Дон, а здесь их никто не ждал. На Дону не было мостов. Через Дон ходили несколько десятков деревянных лодок, собранных в окрестных селах. Да сколько людей можно было перевезти на этих лодках?! Около Дона скопились тысячи голов скота, столпились десятки тысяч человек гражданского населения и военных, много техники. Крики, ругань, рев голодного скота.

Дмитрий Матвеевич Литвинов

И вражеские самолеты...

Самолеты с фашистскими крестами, налетая стаями, сыпали бомбы вниз, и ни одна бомба не пропадала даром.

Дмитрий оставил свое стадо за селом Колыбелка и пошел к Дону, посмотреть, можно ли переправиться на левый берег. На подходе к единственному понтонному мосту увидел женщину лет 35 и около нее девчонку лет 14. Почему-то в людском муравейнике именно они привлекли внимание. Мама и дочь, изможденные длительными переходами, стояли в стороне от спрессованной толпы, рвущейся к единственному мосту...

Потом он увидел их, стоявших на вершине большой скалы, возвышавшейся над Доном. На фоне синего неба, подернутого перистыми облаками, четко вырисовывались две женские фигуры. Старшая что-то прокричала, но за шумом и гамом их слова не долетели до переправы. Взявшись за руки, мама и дочка шагнули вперед, с обрыва. Когда он подбежал к месту падения, обе были мертвы, и волны Дона тихо играли окровавленными волосами юной самоубийцы...

Он попытался присоединиться к какой-нибудь части и уйти с ними на левый берег Дона, где уже рылись окопы. Но в общем хаосе переправы никто из офицеров не захотел с ним и разговаривать.

Последние, отступающие солдаты и войсковые части прошли через село Крутец 6 июля 1942 года. Среди отступающих было много раненых. Все они шли как-то обреченно, не заходя во дворы, не прося ни воды, ни хлеба. Видимо, понимали, что вот этих людей они отдадут на растерзание немцам.

На следующий день, 7 июля 1942 года, в село вошли немцы. Немецкие солдаты ломанулись по крестьянским хатам и стали загребать, кому что понравилось.

Упаковывали в посылки старинные иконы, самовары, часы, и все отправляли в Германию. Под контроль взяли остатки колхозного добра. Всех предупредили о последствиях невыхода на работу: за отказ от работы на Германию — повешение, за саботаж или невыход на работу — наказание плетью либо расстрел.

Фронт-то находился всего километрах в 25 от Крутца. Крутец и станция Рыбальчино являли собой тылы 2-й Венгерской армии. Сюда подвозили боеприпасы, здесь, на станции, разгружали, а потом отправляли на фронт гужевым и автомобильным транспортом.

От Дона к Крутцу тянулись глубокие овраги и яры, по которым к немцам в тыл проникали наши военные разведчики. Хата Дмитрия стояла на окраине села, у самого склона глубокого оврага. Немцы и мадьяры не рисковали подходить к глубоким оврагам, поросшим кустарником. Как-то ночью кто-то осторожно постучал в приземистое окно. Их было пятеро, советских разведчиков. Пока они отдыхали, Дмитрий с пацанами собрали информацию о складах, о машинах, о вражеских солдатах, находившихся в селе.

Через неделю Дмитрия и его друга арестовала комендатура. Их должны были расстрелять на следующий день на виду у всего села. Но ночью комендатура сменилась, не оставив никаких записей. Новый комендант попытался выяснить, за какие грехи в погребе сидят два русских пацана. Сами пацаны доходчиво объяснили через переводчика, что подрались между собой за девчонку, за что и были доставлены в комендатуру...

Комендант, чертыхнувшись, отвесил подзатыльники драчунам и выгнал из погреба.

А вскоре началось наступление наших войск. 14 января 1943 года на Дону началась артиллерийская подготовка, в районе Колыбелки, а уже 17 января передовые части Красной Армии вступили в село Крутец. Бой за село был тяжелым, потери многочисленными и бессмысленными. На окраине села, на бугре со стороны села Пухово, стояла ветряная мельница. Вот немцы и установили на ней пулеметы. Обзор, как и сектор обстрела, великолепные. Вымотанная оврагами и снегом пехота, поднимаясь на бугор, попадала под огонь пулеметов. Все, кто выходил из яра, устилали собой заснеженное поле. Наверное, можно было обойти эти проклятые пулеметы со стороны, а не лезть в лоб. Село большое, проникнуть в него можно было с других сторон. Да командиру батальона поставили задачу, во сколько часов и минут село занять. И на карте стрелку нанесли, каким путем к селу подходить. А стрелка как раз и охватывала село с той стороны, где на ветряке пулеметы стояли. Вот комбат и бросил батальон прямо на пулеметы. Да почти всех и положил в бессмысленной атаке. И сам с батальоном погиб.

Село освободили. Из молодежи сформировали истребительный батальон. Все вооружились трофейным оружием и ходили по ночам по селу и вокруг села. Из эвакуации вернулся Евдаковский военкомат. Быстро собрали списки оставшихся мужиков и местной молодежи, кто остался в живых после эвакуации, кого не убили немцы и мадьяры, кого не угнали в Германию. Брали на учет тех, кому исполнилось уже семнадцать лет. Кое-кто добавлял себе годик, чтобы уйти на фронт. А Дмитрию уже было семнадцать с половиной лет. И он сам пошел в военкомат.

Недели через две после освобождения села ему и его друзьям принесли повестки. Их отправили пешком через Бутурлиновку в Таловую. Пришли в Таловую, это от Крутца километров 100, а оттуда также пешком в Борисоглебск. Дорогой, естественно, не кормили. Из дома, когда выходили, взять особо было нечего, немцы и мадьяры во время оккупации лишили население каких-либо продовольственных запасов. Просили у жителей деревень, через которые проходили. Здесь войны не было, люди жили побогаче, подавали, кто что мог.

В Борисоглебске собралось около десяти тысяч призывников. Действовала одна

полевая кухня, которая могла накормить за один раз пятьсот человек. И хотя кухня работала без перерывов, очередь подходила только на третьи сутки. Так и питались, один раз в три дня. Казарм не было: спали в частных домах. В каждый дом загоняли на постой сколько поместится. Спали вповалку, кто на печи, кто на лавке, кто на полу. Борисоглебск использовался как пересыльный пункт. На всех заполнили карточки. Отобрали тех, у кого было среднее либо незаконченное среднее образование, и направили в первый учебный полк Приволжского военного округа, где готовили младших командиров для пехоты. Лагерь находились в лесу. Через некоторое время перевели в г. Барыш, где разместили в местном Доме культуры. Построили трехэтажные нары. Здесь находился второй стрелковый батальон. Дмитрий проходил службу в четвертом взводе 2-й стрелковой роты.

Через семь месяцев — экзамены. Кто сдал на «отлично» — сержант; кто на «хорошо» — младший сержант. Он получил звание сержанта...

На станции Бровари на территории Украины пополнение сержантов встретили командующий 18-й армии генерал К.Н. Леселидзе, начальник политотдела подполковник Л.И. Брежнев. Армия входила в состав 1-го Украинского фронта. Фронт готовил наступательную операцию по освобождению Правобережной Украины. Командовал фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин.

Подошли к Днепру. Здесь готовились силы для захвата Киева. Саперы готовили плоты. Им на четырех достался плот, сделанный из двух бревен, соединенных плетнем от какого-то крестьянского забора. Сверху были положены две двери, которые саперы тоже сняли в каком-то крестьянском доме на берегу. На плотках надо было добраться до острова посреди Днепра, выбить оттуда немцев, а потом переправиться дальше, на правый берег, к Киеву. Каждый был одет в шинель, ватные штаны, сапоги. У каждого были автомат ППШ с двумя дисками, по две гранаты — противотанковая и РГД. Едва плоты отошли от берега, как немцы включили прожектора. И тут же на десант посыпались мины. Одна из мин ударила в плот, и тот взлетел на воздух. Их четверых разметало взрывом. От холодной воды Дмитрий не почувствовал осколочных ранений. Намокшие шинель и ватные штаны, автомат и гранаты тут же потянули вниз. Каким-то образом рукав его шинели зацепился за уцелевшее бревно плота. Изорванные взрывами мин и снарядов воды Днепра потянули плот и зацепившегося за него солдата вниз по течению. На счастье оглушенного солдата, волны прибили его не к правому, занятому немцами, а к левому берегу Днепра, где готовились к переправе русские солдаты. Унесло его так далеко, что он попал в зону расположения 27-й армии. Его, оглушенного и почти захлебнувшегося, в кромешной темноте обнаружили русские солдаты, тоже готовившиеся штурмовать Днепр. Они отцепили его от бревна, принесли в землянку, сняли мокрую одежду, влили стакан спирта. А затем отправили в медсанбат...

Из медсанбата в конце ноября 1943 года, снова через Днепр, на фронт. Моста или даже помоста не было. Был натянутый между берегами металлический трос, держась за который надо было вплавь переправляться...

24 декабря 1943 года после артиллерийской подготовки войска ударной группировки 1-го Украинского фронта 1-й гвардейской армии генерал-полковника А.А. Гречко, 18-й армии генерал-полковника К.Н. Леселидзе при поддержке 2-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского перешли в наступление, и в тот же день прорвали зону обороны противника. К 30 декабря войска фронта продвинулись в глубину до 100 км, и 31 декабря освободили Житомир. Немцы шли в контратаку упорно и осатанело, не обращая внимания на плотный огонь. Первый раз их забросали гранатами. Но потом гранат не стало, никто не рассчитывал на длительный бой. И тогда стали сходить в рукопашной.

Немцы буквально валяются на головы русских солдат, сидящих в наспах выры-

тых и разбитых артиллерией окопах. И тогда комбат спокойно, без истеричного пафоса прокричал:

— Солдаты! За землю Русскую! В Господа Бога мать...

В фильмах о войне всегда показывают, что солдаты кричали «За Родину! За Сталина!» За Сталина кричали политработники. Войсковые офицеры чаще всего обращались за благословением к высшим силам.

Видя подбегающих к окопам немцев, солдаты начали снимать шинели. В шинели плохо идти в рукопашную. Длинные полы не дают свободно бежать, а рукава сдерживают замахи.

Дмитрий быстро сбросил шинель, отшвырнул в сторону автомат, приклад которого разбила пуля. Оставшись в одной гимнастерке, выскочил из окопа, схватив винтовку убитого курянина из Рыльского района. Судя по всему, подбегавшие к окопу здоровые немецкие солдаты не ожидали особой резвости от худого русского пацана, одетого в солдатскую гимнастерку. А их в учебке заставляли до автоматизма отрабатывать рукопашный бой с винтовкой в руках. В опытных руках винтовка со штыком — мощное оружие ближнего боя. Она вертится, как пропеллер. Резкий выпад вперед и удар штыком. После удара моментально отдергиваешь штык и тут же с разворотом влево, всем корпусом, ударом прикладом в другого... Возвращаясь в исходное положение, снова прикладом бьешь третьего, который справа от тебя. И снова штык...

Он не успел выдернуть штык из вражеского тела, как подскочивший немецкий офицер выстрелил в него в упор. Осечка, кончились патроны. Офицер ударил рукояткой пистолета в лицо, шрам остался на всю жизнь. Но это был последний удар немецкого офицера...

Роту, в которой воевал Дмитрий, бросили в разведку боем. Офицеров повыбило, и роту в атаку вел он, сержант.

До немецких окопов на окраине села было открытое поле, метров пятьсот. Даже не поле, замерзшее болото. И они шли по этому болоту навстречу лавине огня. Отступить назад было нельзя. Немецкие мины сыпались за спиной, отсекая их от спасительного леса. Огневой вал гнал их вперед. На немецкие пулеметы.

Он заменил убитого командира пулеметного расчета. Они вдвоем со вторым номером волокли тяжелый «Максим» и коробки патронов к нему. Пробежав метров тридцать и оказавшись впереди залегшей роты, они падали на землю и, развернув пулемет, поливали немцев встречным огнем. Потом снова поднимались, хватали пулемет и мчались вперед...

До линии немецких окопов оставалось метров сто, когда они поняли, что остались вдвоем. Упали за какой-то кочкой на болоте. Возвращаться назад по открытому пространству, к тому же с тяжелым «Максимом», было бесполезно, их сразу убьют. Замаскировавшись, принялись наблюдать за немцами и ждать сумерек, чтобы уползти назад, к своим.

У немцев приближался обеденный перерыв. Подъехала полевая кухня. Надо отдать должное немцам — «война войной, а обед по расписанию». Солдаты с котелками выстроились к кухне...

Дмитрий тогда сам лег за пулемет. И как в учебке, спокойно, установил прицел. И практически в упор, с расстояния в сто метров, он хлестал свинцовой струей по немецким солдатам, которые не сразу поняли, откуда ведется огонь.

Расстреляв последнюю коробку с патронами, они бросили пулемет и поползли между болотными кочками в сторону и ближе к немцам. Тем и спаслись. Немцы из орудий и минометов долбили по их пяточку не меньше часа.

Когда потом они подползли к тому месту, где оставили пулемет, все было изрыто минами. От пулемета остались только куски разбросанного металла.

Разведка боем обошла его роту в сто человек.

Пожалуй, самое тягостное впечатление оставила смерть юной медсестры. С очередным пополнением к ним в роту пришла девочка. Ей едва исполнилось семнадцать лет. Закончив после школы курсы медсестер, девочка рванула на фронт. Видимо, она представляла себе фронт совершенно по-иному, по книгам, по фильмам. Она ужаснулась от фронтового солдатского быта. Для солдат она стала напоминанием о дочерях и сестрах, оставшихся в тылу. Медсестра и обращалась-то ко всем, как на гражданке. К старшим солдатам, с которыми она быстро перезнакомилась: дядя Вася, дядя Ваня. К ротному не по званию, а — Сергей Васильевич. Вся рота старалась как-то облегчить участь наивной девочки в окопах.

Дмитрий почти влюбился в эту девочку и часто напевал ей слова из взводной песни, которую они пели в учебке.

Руку мне тогда перевязала
Славная военная сестра.

Но никто не смог защитить девочку от гибели. Медсестра была тяжело ранена в бою через неделю после прихода на фронт. Осколок разорвавшейся рядом мины буквально вспорол девичий живот... Солдаты разного возраста стояли вокруг умирающей девчонки, не в силах ей помочь. Девочка не плакала. Она стонала, прижимая руки к окровавленному животу, и жалобно просила прерывающимся и слабеющим голосом: «Дядя Вася... помоги мне... дядя Ваня... сделай... что-нибудь... Дима, спаси меня...» А они стояли и плакали от бессилья...

А потом был Бердичев. Есть такой небольшой городок на Украине. В феврале 1944 года зимняя ночь догнала батальон около этого городка. Получив команду взять Бердичев, батальон развернулся в цепь. Но тут появился всезнающий начальник разведки, молодой лейтенант, которого уважительно звали Павел Никитович. Он сказал, что наши танки уже вошли днем в город, и нет смысла наступать на него развернутой цепью. А потому батальон быстро перестроился в колонны поротно. Было принято решение строем, как положено победителям, войти в освобожденный город. В городе можно устроиться на ночлег в теплом доме.

Немцы неожиданно ударили в упор с трех сторон из минометов, пулеметов, автоматов. У Дмитрия за спиной раздался взрыв мины, и раскаленный осколок ударил в спину. Одновременно он ощутил боль в ноге и боку. В его тело впились несколько раскаленных кусочков металла, и Дмитрий потерял сознание. Этот металл до сих пор в его теле...

Едва стало рассветать, немцы пошли прочесывать поле, на котором уложили русский батальон. Тяжелораненых пристреливали, контуженных и легкораненых поднимали с земли и сгоняли в кучу. Дмитрия хотели пристрелить, но дружок из взвода заступился, взвалил на себя и понес. Их всех свалили в сарай. Видимо, немцы решали, что делать с пленными. Решили. Здоровых и раненых загрузили в кузов бронетранспортера и отправили в тыл.

В лагере его спас военный врач, который до войны служил в военном госпитале в Воронеже. У Дмитрия загноилась рана, надо было делать операцию. По команде врача его привязали руками к бревну, на ноги сели два солдата, и врач без всякой анестезии, по-живому, сделал операцию...

А потом был концлагерь Дахау.

Немцы превратили концлагерь в опытные полигоны и лаборатории, где в массовом порядке производились эксперименты над людьми. Например, в Дахау, Биркенау и Аушвице изучался порог выживаемости переохлажденных людей. Людей замораживали, а потом различными способами «оттаивали». И изучали, какой способ возвращения замерзшего человека к жизни самый эффективный. Доктор и палач Сигизмунд Рашер исследовал свойства крови и возможности пе-

реливания крови разных групп. Он же разрабатывал методы стерилизации женщин. Это нужно было для того, чтобы стерилизовать женщин на оккупированных территориях.

Там же, в Освенциме, проводились другие медицинские опыты на военнопленных. Диапазон исследований был широк и разнообразен. Нередко опытами прикрывались обычные садистские издевательства над людьми.

В декабре 44-го к ним в Освенцим приезжали власовцы, вербовать в Русскую Освободительную армию. Их тогда построили на плацу, и холодный декабрьский ветер сквозь легкую одежду пронизывал насквозь. Перед пленными доходягами выступал лично генерал Жиленков, ближайший сподвижник Власова. Говорил о том, что Советская власть не простит им пребывания в плену, что по советским законам все они — предатели, и что у них единственный путь к спасению — вступление в Русскую Освободительную армию генерала Власова. Основная часть военнопленных не среагировала на призывы генерала-предателя. Все знали, что Красная Армия наступает, что русские войска уже идут по территории Западной Европы. Но были и те, кто соглашался. В основном это были физически истощенные доходяги. Они не скрывали причины ухода в Освободительную армию. И заявляли, что очень хотят хотя бы раз поесть, а там будь что будет.

Генерал Жиленков, уроженец Воронежа, выяснил, что в строю есть его земляк, 18-летний русский солдат Дмитрий Литвинов. Пригласил его на беседу, звал с собой. А он смотрел на сытого советского генерала в немецкой форме и никак не мог понять: почему генерал предал свою армию и свою Родину?

Павшие духом ушли с Жиленковым. Остальных немцы загнали на ночь в подвалы и пустили холодную воду. Так и стояли до утра в холодной воде по колено. Не все выдерживали. Кто-то падал и тонул. Оставшиеся в живых становились на тела павших товарищей, чтобы хоть чуть-чуть подняться из холодной воды.

Дмитрий дважды пытался бежать. А куда ты денешься на территории чужого государства в робе военнопленного? Ловили, избивали и снова отправляли в концлагерь. Последний раз сбежал в Судетах. Колонну пленных загнали в скотный двор какого-то помещика. Среди пленных пошел слух, что отсюда можно бежать. Под сараем проходила канализационная труба диаметром сантиметров 80, куда спускали навоз и жижу. Говорили, что метров через двести труба выходит в овраг. Никто, правда, не знал, закрыта ли труба на выходе, и куда она впадает. При таких неизвестных бежать решились трое. Первым в колодец полез он, Дмитрий. А там вонища — дышать нечем. Они сняли с себя рубашки и закрыли лица. Он пошел первым. Если только можно говорить о ходьбе в трубе диаметром в 80 сантиметров. Он бежал, согнувшись, в кромешной темноте. Боялся лишь одного — какой-нибудь решетки, какой-нибудь преграды. Упрись он в преграду, назад вернуться уже не хватило бы кислорода. Метров через двести действительно забрезжил свет, и он выскочил в овраг. Подождал товарищей по несчастью. Никто не появился. То ли не решились влезать в канализационную трубу, то ли задохнулись в ней.

Вокруг возвышались Судеты.

За побег его сильно избили. А потом снова загрузили в поезд и снова — на Запад. Выгрузили где-то в Австрии. Тех, кто был поздоровее, отправили в Шварцвальд. Там скопились десятки тысяч русских пленных. Когда к городу стали приближаться русские войска, немцы уничтожили около 200 тысяч русских солдат...

Он не попал в Шварцвальд. Смерть снова прошла мимо него, лишь слегка повеяв могильным хладом. Он заболел, и его кинули в туберкулезный блок очередного концлагеря. Больных пленных никто не лечил. Люди метались в бреду, поми-

рали. Он спасся тем, что вылез из барака смертников и лежал за баракон, прогреваясь на весеннем солнышке. И в бараке и вокруг барака лежали трупы, которые никто не убирал. Потом кто-то, обнаружив, что он живой, посоветовал ползти в госпиталь. Здесь судьба улыбнулась ему в очередной раз. Врач в госпитале, военнопленный, бывший военврач Красной Армии, удивился возрасту приползшего на порог изможденного пацана и не поверил, что перед ним солдат Советской Армии. «Ты откуда такой — пионер? Доброволец или партизан?»

Ему повезло в очередной раз. «Будешь меня вспоминать, если останешься живой», — сказал бывший военврач и перевел его в офицерский лагерь, где содержались пленные генералы и старшие офицеры. Там было совершенно другое питание.

А потом были американские войска. Утром 17 апреля 1945 года американские танки взломали ограду концлагеря. В принципе, они могли освободить их на несколько дней раньше. Но 14 апреля 1945 года умер Президент США Рузвельт, был объявлен трехдневный траур. И только 17 апреля американцы сделали рывок. Тысячи военнопленных неожиданно обрели свободу. А вместе с ней и гибель.

Голодные люди набросились на еду. Набрали мясных консервов, где-то отыскали фляги с медом. С голодухи все это ели и умирали в страшных муках. А его спас друг. Он приволок полфляги кислого молока и мешок картошки. Они варили картошку, ели ее и запивали кислым молоком. Тем и спаслись...

Он хотел поехать домой, где его ждали мать, отец, сестренка. Американцы отговаривали возвращаться домой, к своим. Их предупреждали, что для своих, советских, они предатели, что как только они вернутся к своим, их расстреляют либо отправят в Сибирь...

Американцы хорошо знали, о чем говорили.

Он, Дмитрий, успел выехать с последним эшелонем, после чего американцы прекратили возвращать русских пленных. А вот и советская зона. Бывшие пленные, пережившие круги ада гитлеровских концлагерей, со слезами на глазах бросались к своим, русским солдатам. Но не тут-то было. Это бывшие пленные считали, что они вернулись к своим. Свои считали по-другому. Свои считали их предателями, которые отсиживались от войны в гитлеровских концлагерях.

Их выгрузили из состава, построили, дали команду поставить на землю чемоданы. А потом загнали за колючую проволоку прямо здесь, рядом со станцией. Но вместо эсэсовской охраны стояли свои краснопогонники, сытые и ухоженные, брезгливо смотревшие на новых зэка. И от этого было еще тяжелее на душе. Там, в плену, отношение охраны лагерей было понятно. Они, пленные, для гитлеровских солдат и в плену продолжали оставаться врагами. Но теперь они превратились во врагов и для своих...

Их поочередно вызывали на допросы в здание, а оттуда было два выхода. Первый — снова в солдатский строй. Это для тех, кто проходил жесткую спецпроверку. Но таких было мало, ибо пройти проверку было сложно. А потому для большого числа бывших военнопленных существовал второй путь — в вагоны с зарешеченными окнами и усиленной охраной.

Дмитрия долго допрашивали сотрудники СМЕРШа. Первым допрашивал майор с татарской физиономией. Войдя в кабинет, Дмитрий представился:

— Товарищ майор, сержант Литвинов на беседу прибыл.

На что майор, недобро посмотрев на него, резко заметил:

— Я тебе не товарищ! Я честно воевал с фашистами, а не отсиживался в концлагерях на немецких харчах, пока другие воевали.

Его допрашивали днем и ночью. Майора сменял капитан, на смену капитану приходил майор. Его расспрашивали обо всем. Где родился, что делал до войны. Что делал на оккупированной немцами территории в сорок втором году? Не был

ли уже тогда завербован немцами? Почему ушел в армию в неполные восемнадцать лет? Где и как служил после призыва, где и как воевал, в каких лагерях был, какими были фамилии начальников лагерей и лагерных полицаев. Один и тот же вопрос задавался в разное время суток и в разных формулировках. Пытались поймать на противоречиях. А чего ловить, если он ничего не скрывал. Где служил, где воевал, как попал в плен, в каких лагерях был, как вел себя в лагерях...

Судя по вопросам, СМЕРШ был хорошо информирован обо всех гитлеровских лагерях, о порядках в них, о системе охраны, о командном составе. Майор практически не бил. Так, сунул лениво кулаком в лицо пару раз. Бил капитан. Но и этот бил как-то равнодушно, без азарта. Наверное, приходилось допрашивать многих, и у капитана просто не выдерживали кулаки...

Дмитрий не возмущался допросом. Понимал, что так надо. Он слишком многое видел в концлагерях. Видел, как ломались люди, как за пайку хлеба они готовы были предать своего друга, только вчера вытащившего его из лап смерти...

Итоги допросов подводил майор. Прочитав все записанное в ходе допросов, майор спросил — куришь? Нет, не курю. На тогда водички попей. Налил из графина воды, протянул стакан. Дмитрий выпил. Майор вышел из кабинета, оставив на столе записи и свои служебные бумаги. А он сидел, ни к чему не прикасаясь, понимая, что проверка еще не закончилась. Неожиданно голова закружилась, и возникло такое состояние, будто он натошак пару кружек спирта выпил. Все поплыло перед глазами.

Возвращается майор и снова задает те же вопросы, что и до стакана воды. И он, опьяневший, с трудом удерживаясь за столом, снова все рассказал в той же последовательности. Майор сверял признание с какими-то документами. Через полчаса состояние опьянения резко прошло, и бывший пленный снова стал соображать. Майор еще полистал бумаги и дополнил рассказ солдата новой информацией о его последнем бое под Бердичевом. Дополнил теми подробностями, которых не знал сам солдат. Рассказал ему о тех концлагерях, в которых побывал солдат. Рассказал о комендантах, о полицаях. И понял солдат, что сотрудники СМЕРШа не зря получали фронтные пайки. Они знали все обо всем.

Майор вышел из-за стола, одернул китель и сказал: «Товарищ сержант! Теперь вы можете обращаться ко мне: товарищ майор! Вашей вины нет в том, что попали в плен. Вы достойно вели себя в плену. Я понимаю ваше желание побыстрее демобилизоваться и уехать домой. Но вам еще нет 20 лет. Сейчас будут демобилизовывать более старшие возрасты. А вам надо еще послужить. Вы готовы служить в Советской Армии?»

Он был готов и дальше служить в Советской Армии. И он остался служить. Тех, кто прошел спецпроверку, отправили в 65-й отдельный батальон, который нес службу на территории Польши. Они воевали с бандитами, обеспечивали охрану военных объектов.

В 1947 году Дмитрий приехал домой, в село Крутец, в отпуск. Воронежская область и Евдаковский район лежали в руинах. Война выбила мужиков, работать было некому. Кругом развалины и нищета. Полуустые города и села. Он хотел побыть немного дома, а потом возвращаться назад, на службу, в свой отдельный батальон. Ему исполнилось 22 года, он мечтал поступить в военное училище, стать офицером.

Секретарь Евдаковского райкома партии дал указание районному военкому всеми правдами и неправдами задерживать в районе дембелей и отпускников. А потому военком не разрешил ему выехать назад в часть. На том и закончились его военная служба и мечты об офицерских погонах...

* * *

9 мая 2011 года мы с батей поехали в село Крутец, откуда он начинал свой ратный путь. Когда-то это было громадное и многолюдное село. Но многолетние реформы повыбили либо разогнали селян. В центре почти обезлюдившего села памятник Герою Советского Союза Василию Захарченко. Их призывали в одно время. Василий погиб при переправе через Днепр.

Здесь же, на скромных обелисках, фамилии и инициалы селян, не вернувшихся с войны или умерших от ран в послевоенное время. Подошли школьники, сфотографировались с ветераном. Батя читал фамилии павших и рассказывал о каждом из них. Выяснилось, что в селе уже не осталось ветеранов Великой Отечественной войны. Последний солдат военного призыва — он, Литвинов Дмитрий Матвеевич.

Александр Аникеев

СВЕТ ВЫСОКОЙ ЗВЕЗДЫ

(Штрихи к портрету художника Василия Криворучко)

*Свято место пустоет твое
И до смерти моей так и будет.*

А. Ромахов

Портрет живописца и графика Василия Павловича Криворучко, которому в августе исполнилось бы 95 лет, хорошо известен и давно написан художниками, скульпторами, журналистами, телевизионщиками: колоритная внешность, талантливая, общительная натура, патриотизм, гражданственность творчества, и такова же главная жизненная мотивация. Связистом — от рядового до капитана — прошел всю Великую Отечественную войну. Жил и работал в Воронеже. Первый его Почетный гражданин. Один из первых в России лауреатов премии имени Сергия Радонежского, как подвижник и собиратель Отечества. Василий Павлович очень много сделал для создания Лискинского музея, коллекция его картин положила начало нашей картинной галерее.

Мне очень повезло в жизни, потому что с этим человеком меня связывала восемнадцатилетняя дружба. Познакомившись с мастером в далеком 1976 году, я и теперь не теряю его рядом с собой, благо работа — директор музея — позволяет мне это.

Кем он был для меня? Учителем, другом, отцом?

Он не любил, когда я называл его своим Учителем. Может, стеснялся неумелого ученика?

Я хотел бы называть его своим другом, но для возрастной разницы в 35 лет это кажется вольностью.

Он мог бы мне заменить отца. Но отец у меня был — замечательный, талантливый, твердых принципов и убеждений, горячо любивший беседы и застолья с Криворучко.

Кем я был ему?

Учеником? Когда я называл себя так, он неподдельно возмущался и, вгоняя меня в неловкость, говорил, что это он, Криворучко, учится у меня.

По прошествии лет я понял правду его слов — он учился у меня молодости, творческому озорству, умению восстать против шаблонов и бездушного ремесла.

Сейчас я в его возрасте и не уверен, что обладаю таким же даром учиться у молодых, как он.

Был ли я ему сыном? По жизни у него было две дочери. Он, конечно, хотел бы иметь сына. Он многих молодых художников, которые поднимались рядом с ним, называл так. Я слышал это от Виталия Вислогузова, Вячеслава Знаткова, Миши Ляшенко и других. Я не собственник, не приватизатор симпатий и привязанностей большого художника. Мне очень радостно, что многие чувствовали в нем свое родство, считали его своим другом, братом, отцом.

Это подтверждает соборную ценность его личности. Я хочу быть рядом с ним, с его памятью — одним из многих.

Почти каждое лето с конца 1970-х и до конца 1980-х я работал у него в мастерской на улице Героев Сибириков в Воронеже. У меня были ключи, я знал пароль вневедомственной охраны. В то время немногие объекты так тщательно охранялись — Криворучко знал ценность того, что хранилось в мастерской, и это штрих к его портрету.

Ключи у меня, кстати, были не от мастерской, а от кладовой напротив, где хранились его картины и сотни этюдов. У входа, за порогом кладовой, в полу, было отверстие, рядом забит гвоздик, а к нему привязана связка ключей, спрятанных таким образом под полом. Это были ключи от мастерских Криворучко и Успенской, мастерские были смежные и соединялись дверью.

Я открывал мастерскую Мастера, как какой-нибудь архангел, вероятно, открывает врата рая. Все здесь было пропитано незыблемой красотой и историей. Это был как бы прообраз музея. Сюда частенько привозил я своих сельских учеников, и они впервые прикасались глазами, сердцами, руками к настоящим ценностям бытия — рукописные книги, иконы, старинная утварь, картины, скульптуры, альбомы по искусству — все это создавало незабываемую атмосферу подвижнического, творческого труда.

Кстати, в мастерской хранились сокровища и в первоначальном их смысле, но это сюжет, как говорится, для другого рассказа.

Кажется, в июне 1995 года, уже после смерти Криворучко, Эдуард Ефремов, его «душеприказчик», пригласил меня на раздел наследия мастера. У меня были письма Криворучко, подтверждавшие право Лисок на часть его картин.

На наследие также претендовали дочери художника, жена — К.Н. Успенская, областной краеведческий музей, Союз художников, друзья.

Раздел прошел вполне спокойно, без драм, хотя со слезами, и Лиски получили около 50 картин, личные вещи, предметы интерьера мастерской, некоторый антиквариат, который другим наследникам был малоинтересен. Все это хранится в нашем музее и доступно для изучения.

Как работал Криворучко? Самозабвенно.

Не любил, когда я сидел у него за спиной и следил за быстрой, точной и мудрой кистью художника. Почувствовав взгляд, напрягался, начинал осторожничать, мельчить, наконец, отрывался от дела и заводил о чем-нибудь беседу.

Много советовался по поводу композиции, колорита, легко соглашался, приходя в восторг от советов: «Это гениально!»

Тут же все переделывал по подсказкам. Но когда я появлялся в следующий раз, от переделок не оставалось и следа, слава Богу! Он всегда в итоге писал по-своему: очень тепло, продуманно, прочувствованно-интонационно, находя новые изобразительные средства, но всегда узнаваемо. Напоказ, прилюдно почти не работал, это было его интимное таинство.

Когда чудодействовал возле очередной картины, обкладывался альбомами и наборами по искусству. Я подозревал, что он оттуда что-то копирует.

Однажды посмотрел закладку — Корнелиу Баба с его многочисленными

крестьянскими семьями, а на мольберте у Криворучко, скажем, «Воронеж строится». Василий Павлович восторгается коричнево-желтой гаммой в палитре румынского мастера, а у себя на полотне создает совсем иной колорит. Ни разу я не поймал его на повторе пятна, ракурса, анатомии. Что он искал в картинах знаменитых и не очень художников, доподлинно было известно только ему самому.

Очень здорово писал без натуры, редко промахиваясь в рисунке и композиции. Но по завершении работы в целом сажал меня на подиум и проверял анатомию: руки, плечи, ноги. Я кричал: «Зачем? Ведь вы засушиваете работу!» Порой получалось хуже, вымученно.

— Я не могу, — говорил Криворучко. — Меня разобьют в пух и прах собратья по кисти за анатомические ляпы.

Готовые картины свои рассматривал в специальное увеличительное зеркало, стоя к ним спиной, как это делает водитель машины. Так, в самом деле, замысленный взгляд получает как бы новую свежую информацию о картине.

«Ты счастливей меня, — говорил он». — Ты любитель, и можешь себе позволить рисовать так, как хочешь.

Однажды, когда начал работать над своим «Набатом», сказал мне: «Какая колоритная личность — твой отец: могучий, бородатый мужик, я сделаю с него рисунок и этюд для новой картины». Специально приезжал в Лиски, рисовал углем, писал маслом. Мой отец был горд, что стал прототипом героя, защитника Отечества. Но в итоге звонарь оказался вновь похож на своего создателя, как и многие другие его персонажи. Вот уж, действительно, по образу и подобию своему!

После рассказа о том, как он работал, штрих к тому, как он зарабатывал. Мифологизируя личность мастера, некоторые утверждают, что он картины не продавал, а только дарил. Василий Павлович сам немало способствовал распространению такого мнения о себе. Но тут необходимо некоторое уточнение. Он частенько (но не через силу) делал что-то на заказ и, конечно, за деньги; много и дешево продавал свои этюды «для поддержки штанов», вызывая неудовольствие этим своих коллег. (Его цены были вдвое ниже, чем у других).

Он заботливо лепил образ чудака, но никогда при этом не был чудиком.

Не пресмыкаясь перед деньгами, умел их зарабатывать.

У него был неприкосновенный запас вещей (картин, рисунков, этюдов), которые он не продал бы ни при каких обстоятельствах. Повторения делал — для друзей, для иностранцев — чехов, немцев, испанцев. Все самое ценное он предполагал подарить благодарному музею. Однажды он посетил, что такой музей есть — в Богородицке, Тульской области. Он даже оформил дарственную (в художественном наборе, изданном в Москве, указано, что основные вещи его находятся в Богородицком музее). Но однажды, приехав туда, он увидел, что дорогие его сердцу сокровища в нераспечатанных ящиках хранятся в сыром подвальном помещении, и пришел от этого в ужас. Через юристов он вернул все свои шедевры в мастерскую и, кажется, на время успокоился этой их судьбой.

В начале 1990-х, трудных для художников, они с покойным ныне В.Ю. Устиновым придумали вот что. У Василия Павловича была довольно известная вещь — «Дмитрий Донской. За землю русскую». К тому времени мастер был серьезно болен, и одному создавать большие полотна ему было тяжело. Он делал рисунок и подмалевок для «Дмитрия Донского»: «раскрывал», а остальное по оригиналу завершал Устинов. Пущенные на поток «Донские» областная администрация преподносила в дар кому надо, а напарники делили гонорар соответственно вкладу в результат. Видел я одну такую вещь на стапелях — она сильно отличалась от оригинала, хотя внизу стояла подпись Криворучко. Что делать, были трудные времена.

Накануне реформы у художника был приличный капитал, он намеревался даже приобрести дом в Воронеже, но почему-то этого не сделал, потом, когда был тяже-

ло болен, а деньги Гайдар превратил в золу, Василий Павлович переживал до слез, что так и не займел своего личного угла.

В работе художник был чрезвычайно вынослив. Яркий пример: 1982 год, его персональная выставка в Донецке, ему — 63, мне — 29. Он распаковывал, носил, расставлял, помогал в развеске, вникая во все детали этого тонкого процесса — ведь только он знал где, что и как должно висеть. Он общался с руководством Донецкой галереи, художниками, телевизионщиками.

Я падал от усталости, утомленный переездом и колготой. Василий Павлович, заметив это, почувствовал: «Ты, Саня, еще молодой, присядь в кресло, отдохни». «Вот умирил сына», — извинялся он перед суетящимся в галерее народом.

Я сейчас на 7 лет моложе, чем он тогда, но поражаюсь его энергетике. Это, думается мне, тоже одно из слагаемых его таланта; и там, где он не дотягивал как художник, он с лихвой наверстывал, как трудяга, как личность широкая и могучая.

Приехали с Донецкого ТВ — запись интервью, только в телестудии, вместе с лучшими картинами. И Василий Павлович снимал из готовой уже экспозиции любимые полотна, паковал их, грузил. В студии, давая интервью, был свеж, искрометен, шутил, вспоминал... Затем снова паковал картины, вез на выставку, развешивал, потом говорил речь на открытии, застольничал, общался с художниками, а приехав поздней ночью домой к сестре, где мы остановились, еще долго беседовал с родной кровиночкой о том о сем...

«Искусство любит сильных, готовых на любые жертвы — оно не любит измены. Тебе многое дано, и спрос с тебя велик, — писал он мне на заре нашей дружбы 1 августа 1978 года. — Все что угодно, но только работать!»

Сам, будучи человеком добрым и порядочным, он это же предполагал и в остальных людях, легко попадал под обаяние личностей, порой не очень достойных.

Где-то в начале 1980-х мы однажды сидели с ним в воронежском кафе, потягивая легкое вино и размышляя, как водится в такой среде, о судьбах России, о творчестве. Какой-то парень за дальним столиком, вдруг заметив Криворучко, стал делать ему знаки, развязанно выкрикивая:

— Что, Палыч, опять гуляешь, иди, налью винчишка!

Пацану было приятно гарцевать в роли закадычного друга знаменитости перед своими товарищами.

Василий Павлович, потупив взгляд, никак не реагировал и не комментировал очевидное хамство, а через короткое время, сглаживая неловкость ситуации, предложил покинуть кафе. Когда мы вышли на воздух, он как-то озорно поглядел на меня и сказал: «Ну, что, теперь по девочкам?»

Василий Криворучко (слева)
и Александр Аникеев в мастерской.
Конец 1970-х годов

— Поедем лучше в мастерскую, — ответил я ему. Василий Павлович был страшно рад моему предложению. Он этого и ждал, и вопрос его, видимо, был провокационный — не поведусь ли я в эту сторону.

«Невежественное отношение вызывает во мне ярость, — это из письма, помеченного 26.XII.83, — и в ответ хочется еще больше работать, чтобы показать людям красоту и величие нашей родной истории; поднять ее — заброшенную и забытую. Мы обязаны делать красоту для людей».

Не хочу обижать женщин, которых он любил, но уверен — главной его любовью была художественная мастерская, где его ждали живопись, графика, скульптура — тоже его любимые «женщины».

Как всякий художник, он был чрезвычайно гибок, порой до конъюктурности. Не будучи ханжой, он мог поддержать и скромный мужской разговор, но и соответственно относился к тем, кто начинал эту беседу.

В зависимости от среды, которая востребовала эту информацию, говорил, что его предки — голь перекатная, а иногда утверждал, что у него домовитые, зажиточные корни, то с гордостью сообщал, что он учился в Западной Украине у академика Вирага, то самозабвенно гордился тем, что он самоучка, и т.д.

«Солнце — жизнь! — писал он в одном из писем мне в 1982 году. — Все кругом ложь. Один лишь художник прав. Образы его и есть та жизнь, без которой человек превращается в животное».

Василий Павлович всегда был благодарен тем, кто сделал для него хотя бы малость. Частенько с большим теплом вспоминал своего покойного друга, прекрасного художника Николая Михайловича Пичугина, который помог ему, по его словам, вступить в Союз художников, хорошо говорил об Эдуарде Георгиевиче Плотнокове, благодаря которому сделал себе большую пенсию.

Очень дорожил дружбой с Эдуардом Петровичем Ефремовым, который в те годы много писал о нем и в областной, и в центральной прессе. В Лисках, да и других городах области они появлялись, как правило, вместе. Это Ефремов летал в Новгород-Северский на вертолете в 1992 году, когда Василия Павловича экстренно прооперировали по поводу онкологической опухоли. Ефремов оберегал его до самого последнего дня. 17 ноября 1994 года Ефремов был у меня по делам и сказал, что старик держится, а вечером, когда я приехал с работы домой в совхоз, мне сообщили через третьи руки, что звонил на почту Криворучко. Я обрадовался вначале, это было в его стиле. Но потом насторожился, зная состояние Василия Павловича — не напугали ли там, на почте, что-то. На следующий день то ли по радио, то ли по ТВ сообщили страшную весть — умер Криворучко.

Несколько слов о его умении перевоплощаться. Я частенько приглашал его выступить перед различной лискинской аудиторией. Приезжал он по-походному: в коротком плащике, резиновых сапожках, в которые были заправлены брюки, с вязаным малахеем на голове (в бебехах — как говорил он сам), на плечах рюкзачок — убогий человек, просто бомжик. Поначалу это меня приводило в шок.

— Там же солидные люди в галстуках, — чуть не плача говорил ему я.

— Все в порядке, Саша, — отвечал он. Шел в раздевалку, протирал резиновые сапожки, которые превращались в лакированные туфли, выпускал заправленные брюки, снимал рваный синий свитер, расчесывал волосы и бороду, становясь на глазах аристократом не только духа. А поскольку в действиях своих, пластике, ярких эмоциях был скор и подвижен, он не выглядел стариком. Не стоит говорить, что его выступления были незабываемы.

В 1987-м, кажется, году, после визита на мою персональную выставку Егора Кузьмича Лигачева, Василий Павлович летал с фотографиями моих работ на специальное заседание совета Третьяковской галереи, который вынес строгий, но вполне объективный приговор по моему творчеству. Вердикт сильно огорчил Ва-

сия Павловича, а я был тогда рад просто вниманию к себе столь высоких инстанций.

А как он умел восхищаться людьми красивыми, знающими, умелыми. «Могучий мужик...», — говорил о том или другом мастере своего дела: об академике Рыбакове, с которым был знаком, о профессоре Кирпичникове, с которым дружил, о главе района Викторе Шевцове, с которым часто встречался по поводу строительства в Лисках музея.

Как любовался лицами — старыми и молодыми, мужскими и женскими!

В дружбе был ревнив и раним. Всегда так кажется, что если человек известен, знаменит, то рядом с ним много друзей.

Как-то в начале 1990-х я приехал к нему в СХИ на день рождения с традиционным русским гостинцем. Волновался, что буду некстати, что будет шумно и много людей. Но гостей не было, Ксения Николаевна отдыхала на даче в Антиповке. Мы были вдвоем, и за все время нашего скромного застолья был только один звонок — от Г.Н. Троепольского, поздравившего Василия Павловича с днем рождения. Больше никого. Василий Павлович вообще этот день не любил. Но когда это касалось других, всегда помнил и не забывал поздравить. Бывали праздники, когда он подписывал, по его словам, до 100 открыток; в ответ частенько не получал ни одной. Это его огорчало, но никогда не останавливало. Он писал письма даже моей трехлетней дочке Даше, персонально.

Василий Павлович познакомил меня со многими интересными людьми Ворожежа — с архитектором и коллекционером А.С. Чаплыгиным, с геологом и поэтом В.С. Чесноковым, с ученым и писателем Л.Л. Семаго и многими другими.

В домик, который сейчас занимает редакция журнала «Подъём», я приходил с Криворучко, как в жилой, еще в конце 1970-х. Там, в низком, запыленном временем пространстве, обитал старик Петровский, ученый, хранивший в недрах этого жилья и память об И. Бунине, и материальные свидетельства иных эпох и культур. Это была очень щемящая атмосфера необратимо уходящего, даже умирающего времени — вазы, резные столики, вычурное пианино, канделябры, золотые обрезы книг, рисунки цветными карандашами и маслом в красивых рамах. Эти визиты были тягостными, но необходимыми. Владимир Сергеевич был накануне ухода и нуждался в человеческом участии.

В то время Василий Павлович увлекся пастельными портретами — писал большого Кораблинова, археолога В.В. Попова, архитектора Троицкого, того же Петровского. Так или иначе я вовлекался в этот мир. Тогда же и в этой же манере Василий Павлович исполнил и мой портрет, который долгие годы висел в его мастерской вместе с портретами Кораблинова и Петровского.

В начале 90-х я вместе с ним присутствовал на открытии музыкальной гостиной митрополита Мефодия, где были представлены лучшие произведения Василия Павловича Криворучко и духовная музыка в исполнении Ижогинской хоровой капеллы, недавно вернувшейся из Америки.

В 1979 году Василию Павловичу Криворучко присвоили звание Заслуженный работник культуры РСФСР.

Он делился со мной своими переживаниями: «Саша, тебе не кажется, что ОНИ обижают меня? Я ведь художник, а не библиотечный работник. Может, мне отказаться от этого звания?»

Я, успокаивая его, говорил, что он, как личность, шире звания художника — история, краеведение, музейное дело да и библиотеки ему никогда не были чужды. И потом, — убеждал его я, — это же не ваша проблема, а тех, кто вас выдвигал — на большее их не хватило. А вы можете делать вид, что у вас не было и нет звания, что вас эти штучки не касаются.

В начале 90-х кем-то в Америке, в Нью-Йорке, была издана открытка большо-

го формата с изображением его Андрея Рублева. «А не подать ли мне на них в суд? — делился со мной Василий Павлович. — Они же ни копейки мне не заплатили!» Я отвечаю: «Бог с ними, открытка прекрасного качества, на обороте Ваша фамилия и название картины. Вряд ли и они сделали на этом бизнес. Тут надо быть благодарным и за рекламу, которую они для вас сделали».

Из письма Василия Павловича того времени: «Именно свобода человека в его добрых проявлениях является великим прогрессом человечества. Настоящий художник тот, кто творит прекрасные порывы своей души для ближнего без награды...»

Я думаю, что он хорошо осознавал свою значимость для воронежской истории и культуры. Он постоянно вел свои дневники, писал и стихи. Это тоже дополнительный штрих к его портрету. Найти бы теперь эти дневники со стихами да издать. Где все это?

Интересно вспоминать его полушуточные парадоксальные суждения, мысли.

Поглядев внимательно на седеющую бороду своего товарища, изрек: — «Да, борода... Надо быстрее писать твой портрет».

— Почему? — удивляется тот. — И причем здесь борода?

— Сильно дорожает белая краска, — поясняет Василий Павлович. — Если чуть опоздать, то на седую бороду белил не накопишься.

С упоением рассказывал о том, как пили вонючий самогон в Западной Украине, на родине его первой жены:

— Подносишь стакан ко рту, а головы нет. Запах невыносимый. Где голова? Пошаришь рукой за плечами, а она на метр отлетела. За волосы ее — и в стакан.

В одном из провинциальных городков организовал свою персональную выставку. Просто подарок городу, казалось бы. А школьники не заглядывают в его зал. В чем дело? Побеседовал с учителями — оказывается, в них закавыка. После делится своими соображениями: «Ударьте меня ломом по голове. Я постараюсь понять, за что вы мне это сделали. Но когда учитель не видит смысла в том, чтобы ходить с учащимися на выставку, этого понять не могу и не хочу!»

Возвращаемся поздно из детской художественной школы в Лисках. Василий Павлович уже очень болен, он устал после выступления, мы ведем его под руки. Впереди железнодорожные пути, заставленные поездами. Надо ждать, когда они пройдут. Василий Павлович шутит: «Не буду я ждать, сейчас разбежусь и перепрыгну через составы...»

Смертельно больной Криворучко приехал ко мне отлежаться, пока все не войдет в свои берега. Мы взяли бутылку водки и отправились электричкой в Дивногорье. Дорогой молчали, спасались природой Подонья, попутчики узнавали знаменитого художника, заговаривали с ним. На Дивах было солнечно и тепло, хотя уже начинался октябрь. Василий Павлович писал этюды, я ходил по окрестностям, даже купался в Тихой Сосне. Поднимались на хазарское городище, опускались к подножию в гости к директору М.И. Лыловой.

9 октября 1993 года он писал мне: «Вот уже двое суток я под впечатлением от поездки в Лиски. Это забываемое чувство общения с Природой останется надолго в моей памяти. Глыба мела нашла место на моем столе и, глядя на нее, видишь руки хазара, режущего этот камень. Это чувство соприкосновения с древностью как-то греет деда Василия...»

Летом 1994 года, когда болезнь уже уложила Криворучко в постель, Свердловская студия приступила к съемкам фильма «Художник Василий Криворучко». В октябре с режиссером Лидией Богданович и сценаристом Эдуардом Ефремовым мы выезжали на Куликово поле, где я встретился со скульптором Вячеславом Клыковым. По моей просьбе он сделал в моем «Гостевике» запись специально для Криворучко, которого хорошо знал заочно: «Василий Павлович, у Прощенного

родника молим Господа Бога о даровании Вам исцеления и милости Божией. Спаси Вас Господи! С любовью. В. Клыкков. 17.09.1994 г. Поле Куликово. Прощенный родник».

По приезде в Воронеж я узнал, что Василия Павловича перевели из Дубовки в воронежскую больницу. Приехал к нему 18 октября, в палате стоял мольберт, привезенный В. Устиновым. Василию Павловичу не писалось, немощ доводила его до слез. У него не было уже сомнений по поводу диагноза. Очень обижался на священников: «Сколько я подарил им картин, сколько бился за эти храмы — и ни один не пришел, когда мне так тяжело».

Наверное, я был плохим учеником, я обижал его тем, что на три его письма отвечал едва одним. Я не смог уговорить своих близких оставить его пожить у меня, когда он, смертельно больной, приехал к нам с этим намерением весной 1994 года.

Это так. Но сейчас в Лискинском музее есть зал «Мастерская подвижничества», который представляет мир художника Криворучко, есть картинная галерея его имени, а учащиеся наших школ пишут рефераты о его творчестве. Вторая жизнь Криворучко продолжается.

Все, что мы видим на ночном ясном небе, мы называем звездами, но одни из них действительно горят, излучая свет, другие свет только отражают.

Криворучко, и это уже проверено временем, был реальной звездой — он светил и грел, причем, как настоящая высокая звезда, он делает это и после своей смерти.

Завершая свои отрывочные воспоминания, я хотел бы обратиться вновь к «Гостевнику», где Криворучко по моей просьбе записал свое кредо. Это было в его мастерской, уже на Пушкинской, в Воронеже в 1993 году. Он долго думал, пил чай, отсылая меня погулять, чтобы я не мешал сосредоточиться.

Последние его строки: «Мир полон красоты во всех его проявлениях, и тот, кто способен понять эту красоту и, влившись в нее, стать ее частицей, приумножая своим присутствием, тот не напрасно прожил жизнь. В. Криворучко. VII.1993 г.»

Эдуард Петрович Ефремов родился в 1946 году в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь». Автор многих проблемных публикаций на темы культуры, пьесы «По минному полю», поставленной на сцене Воронежского театра юного зрителя. Живет в Воронеже.

Эдуард Ефремов

«ДЕЛАЙ ДОБРО — И ВСЕ БУДЕТ ЖЕЛАННЫМ»

(Музей — как особая территория творчества, подвижничества и былого)

Три неординарных музея рождены патриотами-энтузиастами, подвижниками, едиными в духе с воронежским художником Василием Павловичем Криворучко. Для него не существовало понятия о власти, идеологии: по вере, правде от века, суду неубитой в тебе совести, должно быть так и только так, и он ратовал за возрождение былой Руси — святой. Он «собирал» Русь как только мог — ездил по северным селам, привозил оттуда рукописные церковные книги, старинные иконы... Когда представилась возможность бывать в зарубежных странах, как Афанасий Никитин советского времени, рюкзаками и чемоданами доставлял то, что, по его разумению, обогащает знания, дает пользу культурному развитию. Его мастерская стала музеем, равного которому в стране не было... Иконы, картины, книги, старинная утварь — само собой, но для чего груда камней, пузыречков с водой, какой-то песок в пакетиках, засохшие листья, корешки? «Чтоб душа радовалась!» — это землячка из Палестины, водичка — из разных морей-океанов... Любопытствуй — через это душа богатеет. Самым главным в собирательстве — «собирательство» единомышленников, должных преобразовать Россию и вернуть ее в русло здорового развития.

Схиепископ Алипий, бывший владыка Донецкий и Словенский, стал другом Криворучко во время своего служения настоятелем Покровского собора Воронежа:

— Каждый день поминаю этого замечательного человека — мне им подарены старинное кадило, книги... Когда увидел его «мастерскую-музей», понял, чего мне не хватает для души: укрепления и распространения среди прихожан истинной веры, любви к Отечеству... И я на приходе в своем родном Красном Лимане стал создавать музей...

Ушел за штат после того, как от него потребовали подписать воззвание о выходе православных церквей Украины из подчинения Московской патриархии. В Красном Лимане построен не только храм, создана православная община, монастырь, но и «живой» музей — приходи в который и учись жить так, как должно православному.

По созданию музея «Слова о полку Игореве» с ним советовался Святослав Воинов из Новгород-Северского:

— Познакомился с ним на выставке его работ. Запал в душу своим поведением, словом, и я понял — в реализации мною задуманного Василий Павлович первый советчик и помощник. С великим энтузиазмом он взялся за написание цикла картин для будущего музея...

Неповторимый музей Воинов открыл. Мало того, задумал от музея идти дальше — весь Новгород-Северский превратить в музей, в котором если живешь, то и соответствуй тому, чтобы поведением, делами возвращать в современные дни былое светлое служение Господу, Отечеству... Новым украинским властям воплощение в жизнь подобной идеи не понравилось — Воинов был уволен.

Под «нажимом» Криворучко, по его требованиям, поддерживаемым общественностью, в области было открыто в селах и райцентрах около тридцати музеев, картинных галерей... Но только в Лисках живет, к творческой и созидательной жизни побуждает население тот культурно-духовный центр, о котором мечтал Василий Павлович. В Александре Аникееве, молодом историке, дерзком художнике, далеко не рядовом сельском учителе, увидел свое второе «я». Из писем Криворучко видно, как он в душе Аникеева формировал тот «музей», с которым он победителем выйдет на суд мирской.

Вот эти строки: «... Искусство любит сильных, готовых на любые жертвы — оно не любит измены. Величие искусства в его неизбежности, как явления природы, человеческого таланта. Искусство — любовь. Любовь всегда права, непобедима и весела. Без искусства мир не существует. Тебе много дано, и спрос с тебя велик. Не имеешь права не отдавать всего себя великому служению. Все что угодно, но только работать!..»

«...Вместе с единомышленниками ищите решение за сохранение Лисок, как своей Родины, как радости бытия. Создавайте инициативную группу по возрождению культуры, то есть актив из интеллигенции, из интеллигенции действующей, поистине высокоинтеллектуального чувства любви, как говорил А.П. Чехов. Только ради этой любви и можно жить...»

«...Всю жизнь путаемся в надежде и любви, барахтаемся в огорчениях и печали. Добро и зло всегда рядом с нами. Куда мы — туда и они. Эти спутники жизни как неотъемлемая часть нас самих. Добро и зло — слагаемые, и никуда ты от них не денешься. Спешите делать добро, и жизнь будет желанной...»

«Начни собирать материалы об участниках Великой Отечественной войны — живых и отдавших жизни свои за Родину.

К 1995 году — в год 50-летия великой Победы над фашизмом — ты откроешь музей и там будет 50 лет Победы. Найди себе помощников...»

«...Смотри в прошлое — там ты найдешь открытую дверь в красоту, сотворен-

ную человеком на протяжении сотен лет, которая насыщает богатством свою душу современного человека, если он способен это полюбить и понять...»

«Мир полон красоты во всех ее проявлениях, и тот, кто способен понять эту красоту... и влюбившись в нее, стать ее частицей, приумножая своим присутствием, тот не напрасно прожил жизнь...»

Что немаловажно, многие годы у руля Лискинского района, не рвущийся к власти, а лишь только к исполнению настоящего дела для пользы общей, стоит Виктор Владимирович Шевцов. В советское время не польстился на дальнейший «карьерный рост», и с поста секретаря обкома партии «ушел на район». В «перестроечные» годы его прочили в губернаторы, но «подвел», отказался, остался при «своих» Лисках. У него были планы на дальнейшее развитие и преобразование города и района, в которые мало кто верил... Денег на многое не хватает, а Шевцов пошел на «поводу» у Криворучко, его учеников и почитателей — полностью доверился их идее создания центра, которого «даже в Советском Союзе не было».

— Что думаю о нашем музее? Ничего не думаю. Я даже не знаю, как его именовать. Уверовал в одно — без такого фонтанирования творческой деятельности, «вмешательства» работников во все сферы жизни района все мы были бы гораздо беднее.

Три месяца не заходил в «вотчину» Александра Владимировича Аникеева. Приезжает весьма и весьма высокопоставленный руководитель из Москвы. Что ему показать, кроме производства? Смело идем в музей, так как знаю: когда бы туда ни пришел, обязательно удивись чему-то новому, неожиданному...

Известные художники Москвы, Воронежа и других городов России считают за честь выставить свои работы у нас. Аникеев сформировал уникальное собрание картин современных художников — вряд ли где еще есть подобное. Музей — школа воспитания высокой культуры, настоящих патриотов... Это — и издательский центр (здесь «вырастают» наши поэты, дается «добро» на выход сборников), и театральный, и политический, и научный, и мастер-классы по изобразительному искусству, фотомастерству... В музее проводят встречи с актерами областных театров, солистами...

Леонид Семаго (слева) и Михаил Калугин в музее

Когда велось строительство здания для музея, сомневался — «освоим» ли мы довольно-таки обширную площадь? Ведь мы не областной центр, а районный — масштабом поменьше... Но вскоре сделали «пристройку» под картинную галерею, которая самая посещаемая и одна из лучших в России. Начнем новое строительство — комплекс будет расти и расширяться. Со всех концов государства к нам приезжают за «обменом опытом», учиться «оживлять» музейное дело...

Давно всероссийскую известность обрел директор музея. Александр Аникеев — заслуженный работник культуры России. В 1988 году стал лауреатом Всесоюзного смотра народного творчества. Он инициатор и организатор бардовского фестиваля «Апрель», песенных фестивалей-конкурсов — «Соловушка», «Ретроград». Ежегодно в стенах музея проводится один из этапов общероссийской краеведческой конференции, проводится ряд конференций, посвященных знаменательным историческим датам. Директор — автор иллюстраций к первому сборнику стихов В. Высоцкого, вышедшего в 1987 году в Воронеже. Проиллюстрировал более тридцати книг, выходящих в различных областных и столичных издательствах...

Живая музейная работа пробудила творчество у многих. Дружба со школами вылилась в то, что в районе открылись и под стать «старшему товарищу» интересно работают более тридцати музеев.

Краевед Игорь Алексеевич Афанасьев положил начало изданию книг серии «Летопись земли Лискинской». В свет вышло более десяти книг, получивших высокую оценку в научных изданиях Воронежа, Москвы. С 2008 года постоянно выпускается краеведческий альманах «Петровская слобода», который учителя и учащиеся школ считают замечательным во всех отношениях дополнением к учебникам по истории, литературе, биологии, географии. Гостями «Клуба интересных встреч» были народный артист Л. Болдин, лауреаты Ленинской премии поэт Е. Исаев, журналист В. Песков, заслуженный артист России, один из лучших пианистов-импровизаторов В. Землянский, лидер компартии Г. Зюганов...

...Жил талантливый поэт трудной судьбы Александр Ромахов. Праздники-презентации его книг, проиллюстрированные другом — Александром Аникеевым. Когда поэт ушел в мир иной, в музее провели «Вечер памяти Александра Ромахова», на котором собравшиеся решили увековечить автора полюбившихся многим стихов, песен — поставить ему во дворе музея памятник. Подобного примера, когда в райцентре своему земляку создается памятник подвижниками и энтузиастами, нет в других уголках нашего Отечества. У бюрократа чиновника всегда найдется причина «не брать много на себя» — процесс согласования, «увязок» губит любое начинание, идущее от добрых и бескорыстных сердец. Здесь же не просто музей подвижничества, а само Подвижничество в действии.

— В такой музей, которым руковожу, — говорит Александр Владимирович, — я и сам не верил. Это моя реализованная мечта. Подобный «музей» был у меня в душе со студенческих лет — жить прошлым так, чтобы оно облагораживало души живущих сегодня, чтобы светлым было настоящее, а уж за ним придет более совершенное будущее.

Летом 1990 года было принято решение о создании при районном отделе культуры краеведческого музея. Музей, в принципе, уже был — у себя на работе, в подвалах и сараях хранились собранные экспонаты. Это итог работы поисковика-одиночки. И вдруг оказалось, что он не одинок — давно со своими «следопытами» краеведением занимается школьный учитель Дмитрий Георгиевич Дегтярев. Он заложил фундамент тому будущему, которое стало настоящим у Аникеева — в 1984 году на общественных началах был создан районный краеведческий музей.

С 1991 года музей учредил премию «Золотой летописец» — стал формировать союз людей, живущих любовью к Отечеству, желающих в каждом видеть своего помощника, единомышленника. Надо было понять землякам, что жизнь в го-

роде без музея — жизнь неполноценная, и участие в его строительстве говорит о тебе как о личности. Провели благотворительную лотерею «Мы строим музей». Но долго многие не могли понять, зачем столько излишнего «шума» вокруг обыкновенного здания, в котором в витринах появятся «предметы старины» — битые черепки, ржавые утюги, самовары, находки археологов, чучела уничтожаемого человеком зверья... В каждом районе есть такой музей — пришел черед и Лискаму подобным обзавестись.

Здание музея строилось долго. Скептики были даже уверены — музею никогда не быть. Поначалу приняли решение — старое здание бывшей школы переоборудовать в музей. И средства сэкономим, и «дух старины» сохраним. И вдруг специалисты пришли к выводу — бревна заражены грибком. Рано или поздно это приведет к гибели здания, гибели многих экспонатов. Можно было в «пожарном порядке» что-то временное подыскать под музей. Но В.В. Шевцов не из тех — урок за «экономия» получили, следовательно, дальше будем делать так, чтобы все было на высшем уровне... Требование — разработать концепцию с тем, чтобы архитекторы со строителями возвели такое «новое», которого ни у кого нет.

Аникеев исходил из того, что музея в привычном его понимании не будет. Говорил о том, чего нет ни в одном городе страны — в Лискамах появится первый в России музей подвижничества. Ему хотелось в нем показать истинную народную душу — российскую талантливость, доброту, бескорыстие. И эти подвижники, «несвятые святые», рядом. Их становится все меньше и меньше, но они есть, и нам надо учиться жить у них. Поскольку у истоков создания музея стоял Василий Павлович Криворучко, передавший в дар не только свои картины, но и многие ценности из своего личного собрания, было решено и музей назвать его именем, и главную экспозицию посвятить ему.

Выдающийся художник, оптимист и бессеребренник, восторженный седобородый ребенок с открытым сердцем, страдающий о чистоте совести каждого из нас и веривший, что духом воспрянем не в борьбе, а в молитвах к русским святым и следовании их житиям — с нами Сергей Радонежский, Дмитрий Донской с воинами поля Куликова, протопоп Аввакум, Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, святители Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Феофан Затворник, преподобный Иоанн Кронштадтский, воспитанные православными родителями и православным народом Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Иван Тургенев, Антон Чехов, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Глинка...

Василий Павлович смог убедить своих друзей-художников помочь музею в формировании будущей картинной галереи — Ксения Успенская, Петр Майоров, Евгений Хорошилов, Юрий Золотарев, Виктор Донской передали музею по несколько своих работ... Вот и собралось около тысячи уникальных картин.

С первых шагов деятельности музея завязалась дружба с Воронежским областным художественным музеем имени И.Н. Крамского, областным краеведческим музеем, острогоским историко-художественным музеем имени И.Н. Крамского, музеями и выставочными залами многих российских городов. Обмен выставками с самыми престижными музеями страны...

— Василий Павлович был похож на моего отца. Они, вышедшие из «простых мужиков», очень были дружны...

Я хорошо знал Владимира Ивановича Аникеева — машинист паровоза, но как он знал литературу, поэзию! Талантлив был во всем — на болоте создал лучший в Лискамах огород, на котором все агротехнические мероприятия проводились на сугубо научной основе. Прекрасный резчик по дереву, столяр, плотник, художник. На равных с ним беседовали ученые, писатели, художники.

Оказалось, что таких «простых мужиков» весьма и весьма недостаточно. «От-

крытие» одного Ивана Финочкина, рабочего из депо, чего стоит — его картины, «скульптуры» из корней и сучьев деревьев стали известными во многих странах. По оригинальности его работы сродни холстам прославленного грузинского «примитивиста» Нико Пиросманишвили...

Увидев, как «работает» в музее каждый экспонат, коллекционер Юрий Грязев подарил свою редчайшую нумизматическую коллекцию из 744 монет и 170 банкнот.

В сентябре 1999 года, в День города, новое здание музея было сдано в эксплуатацию. Первые залы отданы под «Мир художника Василия Криворучко», этнографию и черно-белые гравюры, выполненные директором музея. С выставками своих работ «самоучка» Аникеев побывал в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже...

Не Воронеж сумел по-настоящему сберечь память об ушедшем Василии Криворучко, а Лиски — Александр даже его легендарную мастерскую в неприкосновенности перенес в специально отведенную комнату. Вас приветствуют бравым звоном те же колокола, полотно неоконченных картин, коллекция вод морей и океанов, записные книжки, блокноты, письма — просто «дедушка Вася» вышел, и из-за его отсутствия Аникееву приходится рассказывать историю каждой «непонятной вещи», комментировать несвершившиеся замыслы.

Затем был получен очередной дар — 50 работ светлого и мудрого художника Василия Шевченко, родившегося на лискинской земле, жившего и творившего в Липецке. Его вдова поняла, что именно здесь гарантирована не только сохранность картин, но и их постоянное общение со зрителем. Наследники художника из Курска Георгия Лоленко подарили музею около тридцати картин. Нет нигде более полного собрания работ самобытного воронежца Григория Гончарова — с его видением эпохи Пушкина, Кольцова — 50 полотен получено от вдовы. К себе домой (родился в Лисках) пятьюдесятью работами вернулся из Белгорода Николай Чернушкин. Уроженец здешних мест, один из лучших графиков России, воронежец Владимир Пресняков подарил около ста работ.

Бесценные дары более сотни авторов не должны пылиться в запасниках — площадь музея расширяется за счет здания, выстроенного под картинную галерею. В конце 2010 года архитектор Владимир Исаев представил проект здания галереи, а 10 декабря 2011 года состоялось открытие художественной галереи. В области, да и во всей стране, нет музеев с постоянной экспозицией картин художников второй половины XX и начала XXI веков. Произведен квалифицированный отбор произведений, представляющих современное искусство. Когда открывалась картинная галерея, это был праздник всероссийского масштаба, на который прибыли художники, искусствоведы, музейные работники из разных городов России. С того момента в картинной галерее районного центра, сумевшего представить богатство, уровень мастерства современных художников, продолжающих наследие Крамского, Ге, Бучури, залы ежедневно заполнены посетителями. Интересно школьникам, работающим, пенсионерам — после этого провинцией районный центр на Дону никак не назовешь. Столица представления того подвижничества и благородства, которым всегда жила глубинная Русь.

Непростое время высвечивает истинных радетелей за судьбу Отечества. Наборщиком в типографии издательства областной газеты «Коммуна» работал парень из Духового Лискинского района Михаил Калугин. Счастлив был, что первым прочитывал материалы о природе Гавриила Троепольского, Леонида Семаго, Василия Пескова... Однажды, набирая одну статью о жизни рыб, заметил неточность. Робко уведомил об этом ответственного секретаря газеты. Да, все журналисты знали, что Мишка страстный рыболлов, но никто и не подозревал, что у него, не кончавшего «академиев», академические познания рыбьих повадок — настояли,

чтобы он написал свою «заметку». Спрятался под псевдонимом «Степан Щукин» — и сразу же на первую публикацию пошли отклики рыболовов, специалистов. Подружился с выдающимся знатоком природы Леонидом Леонидовичем Семаго, за консультациями к нему обращался Василий Песков. Вскоре «заметки» сложились в книгу, которая с прилавков книжных магазинов исчезла моментально. И пошли у Михаила Степановича тома за томами, складывающиеся, в итоге, в своеобразную энциклопедию о жизни рыб, рыбалке, приготовления рыбных блюд — достойное продолжение книги Сабанеева, самого достоверного труда об обитателях подводного царства российских рек, озер, прудов.

Аникеев дал Калугину полную самостоятельность в разработке концепции представления в музее природы района. Как художник и поэт, Аникеев взял на себя ответственность объединить замысел Калугина с представлением его личности, самородка, у которого уроки беруг ученые, писатели.

Леонид Семаго — не просто ученый-орнитолог, отмеченный Британской энциклопедией как один из лучших в мире знатоков птиц, он для отечественного читателя — писатель, стоящий в одном ряду с Пришвиным. За его книгами охотились как за сборниками песен Высоцкого или романами Пикуля. На голосе Семаго (он два десятилетия на областном радио вел передачи о природе) воспиталось не одно поколение. Фильмы из телевизионного цикла «Этот мир придуман не нами» отмечались самыми высокими наградами международных фестивалей, всероссийскими конкурсами, проводимыми Академией наук. Радостью для него были поездки в Лискинский район. С сотрудниками музея подружился в июне 2002 года, в день открытия зала природы. Выступление запомнилось тем, что оно было одинаково интересно и полезно взрослым и детям:

«Чаще приходите в музей, — говорил Леонид Леонидович. — Здесь особая тайна передачи знаний. В детстве впервые посетил зал природы Воронежского краеведческого музея, и это посещение сыграло большую роль в моей жизни...»

В декабре 2004-го он написал для посетителей полюбившегося ему музея: «Дорогие лискинцы, покидая стены музея, унесите любовь к родной природе, будьте ее искренним другом и вежливым гостем...»

Не было случая, чтобы Леонид Леонидович отказался от приглашения — был членом жюри различных викторин, участником творческих вечеров и массовых мероприятий. Почти все работники музея и его друзья были снабжены редкостным «посадочным материалом» из сада Семаго, сада разнообразия диких растений мира. Постепенно начал передавать музею свой архив. Как-то «позавидовал»: «Хорошо у вас Василий Павлович устроился — память обеспечена крепкая и благодарная».

Когда Леонид Леонидович ушел из жизни, Александр Аникеев предпринял все меры, чтобы архив незаурядного ученого и писателя попал в музей: и два друга (певец поля Куликова и всех героев, стоявших на защите Отечества и Православия, и мудрый исследователь тайн природы) расположились теперь в одной комнате — подобный «союз» — лучшее представление о любви ко всему живому и дружбе великих подвижников.

8 августа — день рождения Семаго. Отмечается и как день памяти. По воле Господа день рождения и день ухода оказались рядом. «Здравствуй, добрый человек!» — обычное обращение Леонида Леонидовича к любому, с кем он знакомился, стало символическим. Каждый, кто приходит «в гости к Аникееву» и его запечатленным в истории друзьям, понимает, что после проведенного времени среди «живых» картин и экспонатов намного стал добрее, и счастье быть добрым надо хранить в себе и множить.

В зале Подвижничества портрет Леонида Леонидовича с копией одной из его записей, сделанной в гостевой книге: «Не стесняйтесь громко сказать: «Здрав-

Экспозиция зала «Мастерская подвижничества»

ствуй, дерево! Здравствуй, русская река Дон! Здравствуй, муравей!» И случится такое, что услышишь и ты: «Здравствуй, добрый человек!»

Семаго оставил школу своих учеников — талантливые, энергичные, совестливые и честные хранители чистоты отношения к природе. Наверное, нет ни одного заповедника на территории бывшего Советского Союза, в котором не трудился бы воспитанник Леонида Леонидовича. Один из них, Сергей Соболев — «последний из гнезда Семаго». Вот уже несколько лет Сергей трудится в заповеднике «Дивногорье», расположенном в Лискинском районе. Поступками под стать Учителю: чтобы сфотографировать цветение тюльпанов в степях Казахстана или отснять сюжет о прилете редких птиц, жизни сурка или иного исчезающего зверька, готов лететь хоть на край Земли. Прекрасные фотовыставки — «окна в природу» — дают представление, насколько окружающий мир богаче и мудрее нас. Видеосюжеты «для себя» и демонстрации для посетителей заповедника свидетельствуют о высочайшем операторском мастерстве Соболева. И на одном из музейных мероприятий памяти Леонида Леонидовича родилась идея — не дать погибнуть телевизионному циклу «Этот мир придуман не нами». Есть творческая группа, которая сняла с Семаго 78 фильмов, главное — есть достойные продолжатели его дела. Разные по характеру, интересам, но объединенные любовью к своему учителю и спасению мира, «который придуман не нами».

Печально, но в областных структурах холодно отнеслись к идее — нет средств. Глава администрации Лискинского района, узнав об этом, принял такое решение:

— Давайте договоримся: делаете первый фильм, если он по уровню будет достойным продолжением того, чем жил Семаго, поможем отснять цикл телефильмов о природе нашего района, а там «узелок завяжется» — Леонида Леонидовича очень любили во всех районах...

Возможно, это первый шаг зарождения при музее своей телевизионной группы...

Ежегодно в выставочном зале и художественном салоне организуется 15 выставок работ художников и фотомастеров. Ожидаемая премьера телефильма о Дивногорье должна положить начало формированию своего «киноцентра».

...Рядом величественный собор. После одной из выставок, проведенной в музее, отец Иоанн, настоятель собора, пригласил художников и других гостей к себе. Обратил внимание всех на светлый зал, окольцовывающий храм, строительство которого шло к завершению:

— Невероятна сила искусства, исходящая из заповеданного Христом. Мы начинаем формировать свою картинную галерею...

...В последнее посещение Лисок зашел в храм. Служба давно закончилась, но она для меня «продолжалась» в выставочном зале — потрясающего эмоционального воздействия детские рисунки. Чувствовалась не состоятельность выставленного на обозрение с музейными ценностями, а благодарение самой жизни, что так все мудро обустраивается — дети начинают посещать художественную школу, студии, кто-то из них идет в воскресную школу, открытую при соборе. Многие преподаватели этой школы пришли сюда из музея. И как же отличается творчество детей, идущих от классики, высокой духовности, от мастерства и восприятия мира теми, кто живет ценностями западных мультфильмов со всевозможными «страшилками», духом сатанизма и «милой» чертовщинки.

В одну из художественных школ Лисок пришел преподавать известный иконописец Андрей Верхотин, некогда прославившийся в Верхнем Мамоне тем, что на занятия в его студию привозили детей из соседних районов. Руководство считало: нет правонарушений среди подростков — во многом заслуга и преподавателя-художника Верхотина.

В бытность моей студенческой молодости, когда поезд «Калач-Воронеж» подъезжал к Лискаму, проводники предупреждали — без особой надобности двери вагонов не открывать. Послевоенная шпана отличалась необузданностью и дикостью: налетят ради «забавы», морду набьют, да еще и карманы вывернут...

В Лисках сейчас цены на дома почти такие же, как в Воронеже. Жить и работать в таком райцентре престижно.

Течет тихий Дон и течет неведомой, душу образующей силы жизнь музея со смыслом бытия от Криворучко, Семаго, Шевченко, Финочкина; параллельно, точнее, рядом и совместно жизнь церковная... Слияние здоровых начал и образует то море благодати, без которого и душа не душа, следовательно, и человек не человек.

А всего-то и надо было — встретиться бесстрашному воину Великой Отечественной Василию Павловичу Криворучко с молодым и талантливым, пытливым и философствующим Александром Аникеевым, поддержать его и укрепить для будущей встречи со здравомыслящим первым секретарем райкома партии, патриотом Виктором Владимировичем Шевцовым, а там уже добрые отношения добрых людей пошли по нарастающей. Вот таким образом и спасется мир.

Николай Кардашов

ЯКОРЬ ДЛЯ ИКОРЕЦКОЙ ВЕРФИ

(Раритет для памятного места нашли в Крыму)

Есть у России места, события, имена, святость которых не подвластна конъюнктуре времени. И есть у нее люди, имеющие честь причастностью своею к этой святости, напоминать нам о ней. Чтобы не забывали мы о своей истории, о достоинстве своем, о корнях наших могучих.

Капитан 3-го ранга Юрий Лисовский — из тех, для кого служение Отечеству и долгу не закончилось с уходом в запас. Может быть, еще и потому, что в его военно-морской биографии так неожиданно пересеклись и история малой родины, и новейшая история Черноморского флота, на котором он прослужил более 20 лет, и судьба большого десантного корабля с бортовым номером 148, ставшего его стараниями подшефным кораблем Лискинского района. Но в начале 1990-х, когда бездумно заколачивались прорубленные нашими предками «окна» в моря и Европы, рвались исторические связи и осмеивались традиции, морской офицер Лисовский не мог и предположить, что именно ему уготовлено судьбой вновь открывать эти «окна» для себя и для потомков и восстанавливать порушенные связи.

...Год 1995-й. Крымская военно-морская база ВМФ России готовится к передаче военно-морским силам «незалижной» Украины. 197-я бригада российских десантных кораблей, в составе которой находится и БДК-148, покидает родные бухты и гавани, передислоцируется в Севастополь. Гонимые не вражескими торпедами, а амбициями политиков, русские военные моряки особенно остро ощущали свою неприкаянность. В эти муторные дни командир БЧ связи БДК-148 Юрий Лисовский и предложил своему командиру обратиться к землякам-лискинцам с просьбой взять шефство над их десантным кораблем (прежние шефы из Новочеркаска, захлебываясь в девятом вале бездумных реформ, по-тихому отказались от корабля).

На предложение своего офицера тогда командир БДК-148 лишь грустно покачал головой: лискинцам, мол, в столь тяжелое время вряд ли нужна такая обуза — у них и своих проблем хватает. Но письмо-обращение к Лискинской администрации подписал и на три дня командировал Лисовского в родной город. Главу района Виктора Шевцова черноморский посланец на месте не застал и оставил письмо в приемной без всякой надежды на положительный ответ. Каковы же были

удивление и радость моряков, когда через неделю в штабе бригады раздался звонок из Лисок, и опешившему командиру БДК-148 сообщили, что Лискинский район берет шефство над военным кораблем. А еще через месяц его экипаж мял в объятиях делегацию своих спасителей-шефов, которые привезли с собою не только слова поддержки, но и полный КАМАЗ гостинцев.

— Честно говоря, — вспоминает Юрий Владимирович, — такой моментальной отзывчивости от моих земляков экипаж нашего «десантника» не ожидал. Вот с этого дня лискинцы и стали самыми обязательными и ответственными шефами БДК.

И делом подтвердили, что в Лискинском районе тоже колыхалась колыбель Черноморского флота России.

О том, что Воронеж — сторона корабельная, знает любой, от Балаклавы до Сахалина. Свое похвальное слово воронежским колыбелям русского флота за три последних века успели сказать и преосвященный Феофан Прокопович, и беспристрастный голландец Корнелий де Брюн, и первый историограф Воронежской губернии Евфимий Болховитинов, и профессор ВГУ В. Загоровский. Воронежские верфи восславили художественным словом И. Никитин, К. Рылеев, А. Толстой, И. Задонский, В. Кораблинов, Е. Люфанов, П. Штурм. Тень забвения от этих верфей упрямо отодвигали изыскания А. Аббасова и В. Растрогуева.

Но все же не вдруг подумалось: а чем, кроме печатного слова, увековечила держава славу исторических судоверфей воронежских и самоотверженный труд на них русского мастерового люда? И любой ли нынешний житель Рамони, Таврова, Павловска, Новохоперска, Лисок сможет показать места тех легендарных петровских верфей, с которых начинался флот российский? Есть ли на них хоть колышек или указующий придорожный камень? И какими святыми, кроме книжных строчек, впечатаны в сегодняшнюю воронежскую память земные следы приложивших здесь руки свои к морскому могуществу России адмиралов Бределя, Сенявина, Сухотина, Ушакова? Честно говоря, горько, и за державу обидно, что так и не сподобилась она застолбить вешками памяти не только места доков воронежских судоверфей (кроме разве что Рамони), но и имена великих корабелов и флотоводцев российских.

О той же Икорецкой верфи под Лисками, основанной в 1709 году и давшей русскому флоту только за период двух последних русско-турецких войн более 900 (!) гребно-парусных судов, известно крайне мало. «Знай мы раньше о существовании рядом с нашим селом Нижний Икорец легендарной корабельной верфи, может, и судьбы многих поколений икорецких мальчишек сложились бы по-иному...» С этой сожалеющей фразы, услышанной мною несколько лет назад от бывшего подводника, капитана 3-го ранга Александра Косинова и начался отчет событиям, которые в апреле 2007 года закончились невиданной для Лисок акцией — «Якорь для Икорецкой верфи».

Но чтобы эта акция состоялась, нужно было кому-то свести в круг единомышленников десятки людей, разъединенных временем и пространством. И произнести на депутатской сессии в укор себе и своим землякам слово «стыдно». За то, что легендарная икорецкая земля до сих пор не увенчана знаком памяти. За то, что квадратные километры бывшей верфи у подножия живописной Лысой горы между селами Масловка и Нижний Икорец все еще не внесены в реестр исторических памятников, а потому и не воспринимаются никем в качестве священного пространства, где из-под топорков мастеровых людей 16-17 апреля 1769 года тяжело плюхались со стапелей в Дон первые пять прамов — 44-пушечных плавучих артиллерийских батарей. А вслед за ними уходили к Азову на погибель туркам «новоизобретенные» корабли да двухмачтовые 16-пушечные парусники типа «Модон».

Верфь на Икорце вроде как и была, но как бы ее и не существовало. И это при

Раритетный якорь у памятного знака

том, что учитель истории Александр Беззубцев, вместе со своими старшеклассниками и ученым кафедры археологии ВГУ Ильей Сафоновым, не первый год выкапывали из ее песчаной «палубы» корабельные гвозди, скобы, бордажные крюки, остатки керамической посуды и другие свидетельства жизни и быта верфи. Историки кропотливо собирали факты. Юрий Лисовский, перевернув центнеры бумаг Севастопольского военно-морского архива, добыл там первую карту Ахтиярской (Севастопольской) бухты с указанными на ней глубинами. Эту карту составили как раз моряки «Модона» — военного парусника икорецкой постройки, который под командованием Федора Ушакова одним из первых русских кораблей вошел в эту бухту, ставшую базой Черноморского флота России... Сотрудник облвоенкомата Валерий Расторгуев отысканными им документами питерских архивов подтвердил: летом 1773 года Азовская флотилия в 40 выпелов (а в ней — и два корабля икорецкой постройки) вошла в Черное море и стала первой эскадрой ВМС России — прообразом нынешнего Краснознаменного Черноморского флота... Уже хранились в Свято-Никольском храме села Масловка иконописный лик «святоправедного воина» Федора Ушакова и частица его мощей, привезенных отцом Дионисием с родины непобеденного флотоводца — из Санаксарского монастыря... Лежала на почетном месте в музее Нижнеикорецкой школы книга командующего Черноморским флотом адмирала А. Татаринова с его собственноручным признанием-посвящением на титульном листе: «В год 220-летия Российского Черноморского флота не забывайте о том, что первый шаг к созданию Черноморского флота России был сделан в 1769 году с вашей Икорецкой земли. Гордитесь своей географией!»

Но чтобы лискинцы могли гордиться не виртуальным пространством у Дона, а конкретной исторической территорией «своей географии», весной 2005 года в штаб ЧФ из моего корпункта в Лисках ушло письмо с просьбой к черноморцам отыскать и подарить их «малой родине» адмиралтейский якорь для будущего памятника в честь Икорецкой верфи. С визой адмирала Андрея Татаринова «исполнить и доложить» письмо легло на стол заместителя командующего флотом по тылу контр-адмирала Александра Ковшаря. Но отыскать раритетный символ парусно-

го кораблестроения — адмиралтейский якорь — оказалось делом непростым: подобные якоря давно стали раритетами на российских флотах.

В то время корпус мой в Лисках и кабинет бывшего председателя райсовета Валерия Тихонова превратились в настоящий штаб акции «Якорь для Икорецкой верфи»: звонки в Севастополь, Новороссийск, Туапсе, переговоры, обмен электронными посланиями, консультации с черноморцами, запросы... В поиск редкого якоря по всему Черноморскому побережью были вовлечены начальник пресс-службы флота Андрей Крылов, замредактора флотской газеты «Флаг Родины», ее спецкор Андрей Лубянов, журналист газеты «Севастопольская община» Ольга Сигачева, адъютант командующего и член Военного Совета флота, председатель Севастопольского Морского Собрания, командир БДК «Орск» Владимир Болсун, замполит подшефного «десантника» Саша Михайлов...

Почти два года длилась эта поисковая эпопея, пока в апреле 2007 года не раздался заветный звонок из штаба ЧФ: «Приезжайте за якорем на свой подшефный БДК». Чтобы облегчить лискинцам доставку черноморского подарка через границу незалежной Украины и избежать таможенных заморочек, военные моряки проявили морскую смекалку: на одном из «десантников» 197-й бригады десантных кораблей трехтонный, 4-метрового «роста» адмиралтейский якорь «перекинули» из Севастополя на одну из баз военно-технического снабжения флота в Новороссийске.

Сборы лискинцев за якорем были недолги. В Новороссийск в сопровождении офицера ГИБДД Александра Кравцова срочно выехал КАМАЗ-длинномер, бесплатно выделенный для акции директором ОАО «ПАТП «Лискинское», депутатом райсовета Юрием Сомовым и начальником автоколонны Василием Швандрыгулиным. Одновременно на БДК «Орск» вместе с депутатом горсовета Василием Дементьевым отправился и я, загрузив под завязку депутатскую машину подарками и гостинцами для подшефных моряков. О хлебосольстве команды «Орска» даже фраза «встречали, как родных» мало что скажет — лискинцы на «своем» корабле, действительно, самые желанные гости.

Утром следующего дня наш КАМАЗ уже наматывал на колеса обратные километры автотрасс с просоленным и проштормованным почти за три века адмиралтейским якорем в кузове. Такие трехтонные кованые якоря-раритеты остались в России лишь на учебно-научном судне-паруснике «Крузенштерн», да на самом большом в мире, занесенном в Книгу рекордов Гиннеса, парусном барке «Седов».

Вот так и подарила воскрешенная усилиями многих равнодушных людей история праздник лискинцам, который шел к забытой Икорецкой верфи долгие века. Последние десятки километров от площади Ленина в Лисках до устья Икорца символ истории почетно проехал в открытом кузове грузовика в сопровождении морских офицеров, школьников, жителей города. Эскорт мотоциклистов-байкеров с андреевскими флагами в руках под музыку военно-морских песен и маршей сопроводил якорь по центральным улицам города к месту теперь уже его пожизненной службы — к памятнику с гранитным монолитом на Икорецкой судовой верфи, сооруженному усилиями главы Нижнеикорецкой администрации Марии Гридневой по чертежам районного архитектора Диляры Черновой и с помощью бескорыстных помощников — депутатов областной Думы и райсовета Александра Аносова, Петра Семенова, Валерия Тихонова, Виктора Третьякова, инженера-строителя Юрия Полянского.

...Трубит трубач корабельный сигнал «Большой сбор» для всех собравшихся на бывшей верфи: моряков-ветеранов, школьников, жителей Лисок и близлежащих сел. Громада якоря, блестящая черным лаком, плавно плывет на крановых стропках к граниту памяти. «Ему за труд его пристало служить и в нашем далеке».

— В Лисках историю не переписывают, а бережно воскрешают. Прибытие к нам якоря из XVIII века — еще одно свидетельство неразрывной связи поколений, создававших на Лискинской земле морское могущество России, — подчеркнули на митинге многие выступающие. И это действительно так: свиток истории должен был развернуться именно здесь, чтобы напомнить потомкам, как отсюда пошел флот Черноморский.

ДОРОГА ИВАНА ЧЕРНОВА

(Жизнь реабилитировала самого молодого руководителя ЮВЖД)

О лискинце Иване Кузьмиче Чернове, возглавлявшем ЮВЖД всего четыре месяца — с октября 1937 года по март 1938-го — беспощадное время оставило в истории дороги и памяти нашей лишь несколько скупых официальных строчек. «Родился в 1901 году на станции Лиски в семье железнодорожника. Окончил Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал на станции Миллерово, начальником Лиховского отдела движения. В октябре 1937 года назначен начальником ЮВЖД. Жил в Воронеже недолго. Арестован в марте 1938 года по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. Включен в сталинский список «Москва-центр» с пометкой ВМН (высшая мера наказания). Расстрелян в день вынесения приговора — 8 августа 1938 года в Москве. Погребен на кладбище «Коммунарка».

И все. Будто за этими сухими строчками и не было пульсирующей жизни человека, которому в 36 лет доверили возглавить Юго-Восточную магистраль. Забытые — несмотря на официальную реабилитацию безвинно репрессированного. Реабилитировать теперь уже почти умерщвленную память о земляке помогла заведующая технической библиотекой станции Лиски Елена Рязанцева. Она вспомнила, что в 1938-40 годах библиотеку возглавляла Варвара Шедогубова, в девичестве Чернова, а затем ее сестра — Антонина Антоновна Чернова. И почти замурованная пластами времени и грифами секретности история приоткрыла тайну короткой, но яркой жизни Ивана Чернова — одного из самых молодых руководителей ЮВЖД.

Созвучие фамилий оказалось неслучайным. Обе женщины, как выяснилось, были двоюродными сестрами Ивана Кузьмича. Через их здравствующих родственников удалось отыскать в Лисках и его племянника — Юрия Николаевича Чернова. Воспоминаниями потомственного железнодорожника и дополнился живой образ неординарного человека, руководителя, патриота.

— О моем дяде, Иване Кузьмиче, я знаю в основном из бесед с его женою Матреной Варфоломеевной, у которой я жил во время учебы в Воронежском пединституте, и из воспоминаний отца моего, Николая Кузьмича. Если начинать издадала, то родословная нашей фамилии тянется из Подмосковья эпохи Петра I. Оттуда царь Петр набирал лучших мастеровых людей для строительства кораблей на воронежских верфях. Так пращур наш дальний и оказался на Икорецкой верфи у Дона под будущими Лискама. Его мастеровитость и тяга к познанию передались потом всем Черновым. И дядя, Иван Кузьмич, неспроста, видимо, стал одним из первых лискинских железнодорожников, получивших высшее образование... Когда верфь на Икорце перестала действовать, у подмосковных переселенцев возникли проблемы с оседлостью. Песчаные земли левобережья не располагали к занятию хлеборобством. А тут вскоре и строительство «железки» подоспело. Так москвитяне снова прибились к государственному делу...

В семье Козьмы Ефимовича, главного кондуктора пассажирского поезда Харьков-Балашов, и его жены-домохозяйки Авдотьи Ивановны было четверо сыновей: Иван, Михаил, Николай и Василий. Все, кстати, тоже стали железнодорожниками. Жили в третьем переулке Ленина, через дом от родительского крова Александра Карповича Лысенко. Гражданская война сделала дядю Ивана командиром взвода красновардейцев, выбивавшим со станции Лиски банды Шкуро. Довелось Ивану Кузьмичу командовать и продотрядом в Бобровском районе. Потом он поступил, по словам отца, в Харьковский, а не в Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта. После его окончания вернулся в Лиски и непродолжительное время работал начальником охраны на станции, затем возглавлял саму станцию. Был активным общественником: играл в Лискинском народном театре, которым руководила профессиональный режиссер Елизавета Афиногенова, состоял в агитбригаде так называемых «синезлзунков». Агитгруппа эта ездила по линейным станциям, околоткам, показывала отрывки из спектаклей, агитировала за активное участие в строительстве новой жизни.

Потом Ивана Кузьмича перевели в Миллерово, а позже он возглавлял Лиховской отдел движения. С этой должности в октябре 1937-го и назначили его начальником ЮВЖД. Женой его стала бойкая и образованная по тем временам девушка из Колыбелки Матрена Пышная — одна из первых лискинских комсомолок. В бытность дяди начальником дороги Матрена Варфоломеевна работала инструктором политотдела по работе с молодежью управления ЮВЖД.

В марте 1938 года Ивану Чернову предписали выехать в Москву, в НКПС, с отчетом. Оттуда он уже не вернулся. О его аресте жене сообщил через несколько дней «воронок», а вернее люди, приехавшие на нем ночью. Они просто вышвырнули женщину с малыми двумя детьми в темень промозглой мартовской улицы, объявив Ивана Кузьмича врагом народа. Тетя Мотя переправила детишек к бабушке Авдотье в Лиски, а сама, лишенная крова, вынуждена была некоторое время ночевать в станционных туалетах — ведь все недавние «друзья» отвернулись от семьи врага народа. Да что ж их судить теперь — время было такое. И лишь прокурор ЮВЖД Черкашин (жаль, имени его не знаю) не побоялся принять деятельное участие в судьбе Матрены Варфоломеевны: устроил ее санитаркой в дорожную больницу. Потом она и работала там врачом-рентгенологом...

В какой «контрреволюционной террористической деятельности» обвиняли Ивана Чернова? Предыстория такова. В 1930-е годы на станции Лиски во всех направлениях существовало лишь однопутное движение. Чтобы увеличивать объемы перевозок, нужен был второй путь и Северный парк. Но рельеф местности с крутыми уклонами и подъемами требовал строительства виадука, чтобы поезда могли спускаться на станцию с восточного направления, со стороны станции Придонская. Этот виадук и стали делать по дипломному проекту, который Иван Чернов успешно защитил в Харьковском институте. После завершения стройки (а она велась ударными темпами) пропускная способность станции значительно возросла. Однако была одна закавыка, требовавшая ее преодоления временем. Довольно крутой спуск с востока подразумевал у поездных бригад выработку определенных навыков торможения. На маломощных паровозах с их слабоватыми тормозами у некоторых недостаточно квалифицированных машинистов преодоление спуска не всегда проходило гладко. Были случаи, когда они «пролетали» парк и останавливались лишь у моста через Дон. Вместо их обучения стали искать, как водится, «стрелочника». Им-то неизвестный «доброжелатель» и назвал в своем доносе в НКВД автора проекта, Ивана Чернова. А «террористический» проект дяди Вани выдержал, кстати, бомбовые удары фашистов во время войны. Лишь весной 2012 года его виадук на 666-м километре перед Лискаами заменили металлическими мостами. Получается, около 70 лет служил дороге виадук «контр-

революционера» Чернова! А тот злополучный спуск теперь без труда преодолевают и машинисты-первогодки... Меня учил этому наш легендарный паровозник Носков. Он показал сначала сам весь порядок торможения. А когда я при нем самостоятельно с первого раза спустился с востока в парк, радостно молвил: «Вот теперь ты — настоящий машинист!..»

Как сказались необоснованная репрессия Ивана Чернова на его родных и близких?

— После его ареста, — рассказывает Юрий Николаевич со слов своего отца, — к нам домой, и почему-то все время ночью, зачастил на «черном вороне» начальник местного НКВД Лешевский и, яростно стуча револьвером по столу, требовал от бати: «Признавайся, что твой брат Иван — «враг народа». В целом же никого из трех братьев дяди Ивана не тронули и не притесняли, в правах не ущемляли, публичного отказа от родства не требовали. Василий и Николай работали мастерами в ремонтных цехах локомотивного депо Лиски. Михаил машинистом водил поезд, потом работал тоже на ответственном участке — дежурным по депо.

А вот Анатолия, сына Ивана Кузьмича, судьба репрессированного отца зацепила, когда его, машиниста паровоза, призвали в действующую Красную Армию и направили в легкое училище. За несколько дней до выпуска несостоявшегося летчика арестовывают и направляют в дисциплинарный батальон на каменоломни Красной Поляны, что за городом Сочи. Эмоциональный Анатолий впал в депрессию и помышлял было покончить с собою. Тогда товарищ по дисбату написал письмо его матери, рассказал о состоянии Анатолия. Матрена Варфоломеевна, женщина грамотная, деятельная и решительная, пишет письмо члену Политбюро ЦК ВКП (б) Жданову, аргументируя просьбу освободить сына словами Сталина о том, что «сын за отца не отвечает». Реакция на письмо женщины-матери последовала незамедлительно: через несколько дней из дисбата Анатолия переводят в Астраханскую школу радистов-шифровальщиков, после которой он семь лет прослужил в Каспийской военной флотилии.

После посмертной реабилитации Ивана Чернова 1 сентября 1956 года его вдове Матрене Варфоломеевне предоставили благоустроенную квартиру с газом в центре Воронежа, на улице Кирова, рядом с обкомом партии. Вернувшегося из армии сына Анатолия мать устроила санитаром в железнодорожную больницу и убедила закончить десять классов вечерней школы. После учебы в мединституте он работал участковым врачом на станции Воронеж-2, заведовал дорожной поликлиникой, руководил станцией переливания крови... Дочь Ивана Кузьмича — Регина, закончив филфак ВГУ, вышла замуж за известного воронежского спортивного комментатора Владимира Затонского, вместе с ним работала в Казахстане. После развода 12 лет преподавала русский язык и литературу в Группе советских войск в Германии. Повторно вышла замуж за летчика-истребителя Михаила Толкачева, воевавшего в Египте, а потом командовавшего летным училищем в Чернигове.

В «леоновский набор» Михаила отобрали кандидатом в группу подготовки космонавтов, но по каким-то, кажется, медицинским, параметрам забраковали... Они с Региной воспитали двоих чудных дочерей — Лену и Маринку. У Анатолия трое ребят — Лена, Таня, Иван. Все получили высшее образование, живут и работают в Воронеже.

Такая вот судьба сложилась у железнодорожного руководителя Ивана Чернова и его потомков. Но история на этом не заканчивается.

Время никогда не хранит бессрочно долго оболганную истину. Ее, как и шило в мешке, не утаишь. А история не терпит сослагательного наклонения.

Осенью 1977 года вдова Ивана Чернова — Матрена Варфоломеевна, и его товарищ, отсидевший в сталинских лагерях по ложному доносу, были приглашены в Воронежский Дворец культуры железнодорожников на торжества, посвященные

60-летию Великого Октября. Перед тем, как получить орден Октябрьской революции, спутник Матрены Варфоломеевны неожиданно поднялся и, опираясь на палочку, направился через переполненный зал к человеку, сидящему в первом ряду. Миг... и палка седого, как лунь, железнодорожника со свистом опустилась на плечи «самого почетного ветерана»: «Это тебе — за Ивана! Это — за доносы твои лживые на нас!» Так на глазах оцепеневшего зала 40 лет спустя истина наказала того, по чьей вине досрочно оборвалась жизнь 36-летнего начальника ЮВЖД Ивана Чернова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШУРАВИ

(По следам афганских подвигов)

Афганская война еще долго будет кровоточить судьбами целого поколения. И что бы о ней ни говорили политики, общество должно помнить тех, кто с достоинством вынес ее, не уронив своей чести.

Василий Саввин на судьбу свою не сетует, потому что делал ее сам, начав с рапорта о добровольном направлении в Афганистан в апреле 1986 года. Но о своем Афгане рассказывать не любит. Хотя вошел он в него накрепко, прочнее не бывает: четырьмя тяжелыми ранениями, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и множеством медалей. Такого количества высоких боевых наград нет, наверное, ни у одного «афганца» во всей Воронежской области. Но свой орденский иконостас вместе с полевой военной формой он надевает лишь два раза в год: на День Победы и в День памяти воинов-интернационалистов. И эти праздники со слезами на глазах — оба его. Первый — как непередаваемое наследие отца, второй — окроплен кровью боевых товарищей и его собственной.

Свои первые лейтенантские звездочки В. Саввин после окончания Дальневосточного высшего общевойскового командного училища обмывал не традиционной водкой в тыловой офицерской столовке, а своей кровью командира пулеметного взвода отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады у афганского кишлака Мухаммед-Ага-Вулусвали, возле которого его бронемашина подорвалась на душманской mine. Тяжелораненый лейтенант успел вытащить из польхавшего БТРа своих искалеченных ребят прежде, чем потерял сознание. Первый орден Красной Звезды стал и памятью о том первом бое, как и шрамы от ран. А после госпиталя остаться бы ему в Союзе, но он снова правит свою судьбу в Афган рапортом о добровольном переводе его в группу спецназа. Не судьба опять же, а он сам привел ее в спецназ, который в афганских горах был всегда на острие атак и прорывов. Ночные рейды, засады, разведка, уничтожение караванов с оружием и бандформирований отметили вскоре Василия вторым орденом Красной Звезды почти одновременно с присвоением звания старшего лейтенанта.

Афганистан заставлял каждого взрослеть рано. Свое 25-летие командир группы спецназа В. Саввин, как и первое офицерское звание, отмечал не в тыловой тиши, а в ночном бою под Абчаканом. О досрочном присвоении звания капитана «за проявленные мужество и героизм» узнал аккуратно перед своим последним боем — 17 апреля 1988-го, в вертолете воздушной разведки над местечком восточнее города Газни. Десантировавшись с того вертолета, спецназовцы атаковали полусотенную банду «духов». Выпущенная из душманского подствольника граната тяжело ранила Саввина, но унести себя с поля боя он не позволил. Окружен-

Спецназовец-«афганец» Василий Саввин

ный врагами офицер принял на себя командование отрядом вместо смертельно раненого друга-командира майора Головка...

Из представления командования части к награждению гвардии капитана Саввина В.И. орденом Красного Знамени: «Истекая кровью, под непрерывным огнем бандформирования капитан Саввин продолжал руководить эвакуацией убитых и раненых с поля боя, прикрывая их огнем из автомата. Лично уничтожил 6 врагов. Из-за большой потери крови потерял сознание, но не ушел с поля боя. Получил сотрясение головного мозга, пулевое ранение предплечья, левого бедра и левой руки...»

Второй орден Красного Знамени нашел бесстрашного офицера через два месяца, уже в мирной жизни. На своей родине, в Лисках, Василий Саввин, став народным избранником в районном Совете депутатов, активно работает в депутатской комиссии по финансовым ресурсам, муниципальной собственности, налогам и ценам в качестве заместителя председателя. И утверждает в районе патриотические традиции, реконструируя добровольно и безвозмездно Аллею воинов-афганцев. БТР на ее постаменте установлен по его инициативе и при его участии. А бортовой номер 668 на башне бронемашины — это номер его афганской группы спецназа. Память о боевых товарищах для него — святое. Вместе с «афганцами» он сражается с чиновниками Санкт-Петербурга за установку в парке Победы памятника Герою Советского Союза и Герою России вертолетчику-«афганцу» Николаю Майданову. И светлой памятью поминает имена товарищей по Афгану Анатолия Лебеда, Виктора Головка, Павла Корчака, Владимира Бабушкина и всех боевых друзей, братьев по оружию. До сих пор Наталья и Василий Саввины и их дочь Наташа радушно встречаются с однополчанами Василия — Юрием Старовым, Александром Белевитиным, Анатолием Корчагиным, Владимиром Воробьевым, Евгением Барышевым, Юрием Коваленко, Сергеем Клименко, Александром Фроловым, Гоча Цымбалом и другими боевыми братьями.

В 2008-2009 годах он побывал в Республике Афганистан, прошелся по местам своей боевой молодости, искал вместе с группой «афганцев» пропавших без вести советских солдат.

— Возвращались мы туда не за тем, чтобы посмотреть на знакомые тропы раз-

громленных нашими ребятами душманских караванов, — говорит Саввин. — В кишлаках и на горных перевалах искали без вести пропавших наших товарищей и безымянные воинские захоронения. И в их память в день образования спецназа совершили десантирование из вертолета на «зеленку» под Баграмом... Поездка в Афганистан — дело недешевое: государству это не нужно, поэтому ездили на свои кровные. После встречи в российской дипмиссии наняли кабульских «бомбил» и уговорили их провезти нас по тем маршрутам, над которыми летали когда-то на «вертушках». Но, узнав, что мы не глазеющие туристы, а те самые «шурави» из прошлого, они отказались брать деньги и возили нас бесплатно.

Провинция Логар — первый пункт остановки: здесь дислоцировался 668-й отряд 15-й Баракинской бригады спецназа. В 1978-1979 годах Владимир Воробьев был здесь заместителем командира отряда, а Василий Саввин два года командовал одной из боевых групп. Батальонные казармы с еще не стертой временем надписью над входом: «Слава Советским Вооруженным силам». Славит их до сих пор и старейшина живущей в казарме семьи Мубаррак: «Шурави были справедливыми и добрыми людьми, делились с нами продуктами...» Из этих обстреливаемых «душманами» казарм спецназовцы отправлялись громить их караваны с оружием и наркотиками. За 5 лет «караванной войны» советский спецназ уничтожил более 990 караванов.

На пути в Джелалабад — кладбище советской бронетехники «Красная гора», где покоится свыше 14 тысяч наших боевых машин. Охранники утверждают, что «кладбище» заминировано, но американцы успели вывезти отсюда все, готовое к боевому применению.

По «дороге смерти» в ущелье Сараби, где до сих пор беспокойно, ребят сопровождает со своими «орлами» начальник национального отряда безопасности Омар Сангар. Основались, чтобы поклониться праху национального героя афганцев Ахмадшаха Масуда. За Панджшерским ущельем кишлак Сухи Парса — основная цель группы. Здесь 29 декабря 1979 года был сбит и врезался в скалы наш ИЛ-76 с тридцатью семью десантниками 350-го гвардейского парашютно-десантного полка и семью членами экипажа. Все считались без вести пропавшими, но боевые друзья установили их имена и поднялись к отметке 4269 метров, чтобы прикрепить на скале нержавеющей табличку. На 41 воина сократили они скорбный список без вести пропавших в Афгане. Разворачивается над заснеженным склоном скорби флаг ВДВ с девизом «крылатой пехоты»: «Никто, кроме нас». А Василий Саввин поднимает на высоту и знамя Лискинского района. В память об этих и еще четырнадцати с половиной тысячах боевых друзей, так и не вышедших из Афгана. А потом, арендовав частный вертолет, Валерий Новиков, Александр Котов и Сергей Алещенко с помощью выпускающего Саввина всполошили американцев десантированием на «зеленку» у некогда «духовского» кишлака под Баграмом. Да только помеха ли это десантникам-спецназовцам, если зовет их в небо неостывающая память о боевых товарищах?

Мария Медведева

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Легенды и предания, рожденные в недрах народной жизни, давно уже считаются отдельным литературным жанром. Одни повествования разделяются на древнейшие — языческие (сюда относятся предания о русалках, леших, водяных, Яриле и прочих богах дохристианского русского пантеона). Другие — принадлежат более позднему времени, периоду христианства, и потому более глубоко исследуют специфику народного быта, но и они все еще перемешаны с языческим мировоззрением.

Исследованиями легенд и преданий Лискинского края изначально занималась Воронежская ученая архивная комиссия. В памятных книгах и трудах ВУАК был опубликован целый ряд статей. В XX веке работу в этом направлении продолжили ученые и студенты ВГУ, ВГПУ, Воронежский историко-краеведческий музей. В 2004 году в ходе практики студенты исторического факультета ВГУ предприняли экспедицию на территорию Лискинского района, был обследован ряд сел по течению реки Хворостань. Материалы исследований опубликованы в 4-м выпуске сборника «Этнография Центрального Черноземья». В 2007-2008 годах Лискинский историко-краеведческий музей предпринял экспедицию по селам района с целью сбора легенд, преданий, а также верований, связанных с календарным годовым циклом. По итогам экспедиции в 1 выпуске альманаха «Петровская слобода» была опубликована статья научного сотрудника музея А.А. Гордышевой.

В данной статье использованы материалы, собранные исследователями XIX-XX веков, а также легенды и предания, записанные со слов жителей автором публикации.

Легенды и предания можно разделить на мифологические и исторические.

Мифологические легенды характерны для всех сел, их самыми распространенными героями являются колдуны и ведьмы.

Жители села Дракино рассказывают:

«Колдуны и ведьмы не отличаются внешне от других людей, но наносят вред обычным людям. Ведьмы могли превращаться в кошек, приходиться ночью в сарай и выдаивать коров. В лунные ночи появлялись на перекрестке и сбрасывали порчи, которые могли «пристать» к случайным прохожим. Один случай был: шел мужик домой, а на него кошка сзади прыгнула. А он изловчился, скинул ее с себя и побил. Предположил он, кто с ним хотел злую шутку сыграть, и на следующий день наведался к старушке-соседке, а она на печи побитая лежит».

Рождественские колядки

Русалка

Уроженцы села Добрино рассказывают о ведьмах, превращавшихся в клубки и таким образом «завожившие» людей. «Был у нас на деревне рассказчик Ванька Семенов, по подворью Ситок. Рассказывал он нам, ребятишкам, побасенки какие-нибудь на ночь. Запомнилась мне одна — про свинью. Шел Ванька, дескать, как-то по двору. Вдруг видит, клубок за ним катится. Ситок испугался и побежал. Потом приостановился, оглянулся, а там уж не клубок, а свинья бежит. Ситок остановился, так и она стала. А рядом телега. Свинья к телеге подбежала и ну чухаться об колесо. Ванька взял лопату (сарай был рядом) да по ноге свинье, а потом убежал. А на краю села жила бабка одинокая. Так наутро после всего этого бабка эта хромать стала. Вот и думай теперь».

В селе Троицком есть легенда о ведьме, которая могла обернуться свиньей и гонять стада домашних животных.

Кроме того, существуют легенды о ведьмах и колдуньях, которые наводили порчу на людей. Жительница поселка Давыдовка рассказала случай:

«Молодая женщина однажды не поздоровалась с соседкой, задумалась и прошла мимо. А на следующий день у нее вскочил нарыв, она лечит его, тот прорывается, а рядом на его месте образуются уже два. Таким образом, нарывов стало очень много, чем только она ни лечилась. А потом ее кто-то надоумил обратиться к местной знахарке, та посмотрела и говорит: «Ты сможешь поправиться, если свою соседку-колдунью задобришь». Женщина купила пряников и пошла в гости к соседке, в процессе разговора она сказала, что иногда так может погрузиться в себя, что ничего вокруг не замечает и как бы невзначай обронила, что если вдруг когда не поздоровалась с ней, то не со зла. Пришла она домой, легла спать, а наутро — кожа чистая».

Во всех населенных пунктах Лискинского района встречаются рассказы местных жителей о колдуньях, вылетающих из трубы, шабашах, и т.п. Колдуном или ведьмой, согласно преданиям, мог стать любой человек. Перед смертью колдунья должна передать свой дар, и в то время, если тот

или иной человек находился рядом, по желанию мог его получить. Чаще всего это были родственники.

Еще один персонаж народных преданий — знахари, они лечили порчу и сглаз — в отличие от предыдущих злых колдунов, это как бы добрые герои, помогающие людям. Во всех населенных пунктах до сих пор живут те, кто занимается «отливанием от испуга», «изгнанием бесов», и т.п.

Например, в поселке Давыдовка одна старушка так излечивала детей, которые плохо спали ночами: носила их в курятник и там что-то читала. После этого ребенок меньше плакал и лучше спал.

Из мифологических персонажей самый популярный — домовый (или хозяин дома).

Жители села Старая Хворостань рассказывают:

«Домовые живут на чердаке. Многие люди их видели. Внешне они обросшие, невысокого роста. Бывают и злые, и добрые». В селе Аношкино утверждают, что домовый обитает в каждом доме. Поэтому, когда завершена постройка нового дома, на чердаке обязательно нужно положить старую одежду, чтобы задобрить «хозяйина».

В селе Добрино местная жительница поведала рассказ о домовом, который предсказывал судьбу:

«Одна женщина овдовела, а осталась беременная от мужа. К ней ночью пришел домовый и рассказал ей, что та родит девочку, как ее назовут и дальнейшую судьбу ребенка. Предсказанное сбылось».

Ряд легенд рассказывает о том, что домовый мог прийти ночью и заплетать косы девушкам. Мог домовый и о несчастье предупредить.

В том же Дракино бытует такая легенда: «Жителям одного дома по ночам на чердаке слышался топот и грохот. Никто не знал, что это такое и как с ним бороться. Но один догадливый из старших говорит: «Когда услышите грохот вновь, выгляньте в сени и спросите: к добру или худу». Так и сделали, а в ответ: «К худу!» На следующий день узнали о начале войны, мужчину, жителя этого дома, призвали на службу, и он погиб спустя короткое время».

Иногда чужие домовые проникали в дома соседей, и там происходили неприятные вещи.

Жительница села Почепского говорила, что однажды проснулась от того, что ее кто-то душит. Открыла глаза, а на нее навалился кто-то черный и мохнатый. Она скинула видение с себя и оно исчезло.

Другая женщина из Давыдовки рассказала такую легенду: «Это было очень давно. Мне было пять или шесть лет. Я боялась темноты, поэтому спала с включенным ночником. Однажды ночью я проснулась от скрипа, казалось, что в комнату кто-то вошел, тяжело ступая. Половицы прогибались под его весом. Забившись под одеяло так, что торчали только нос и глаза, я ждала его появления. И он пришел: огромный, лохматый, рыжебородый, бурый, грива, длинные волосы. Из одежды, помнится, ветошь, лохмотья — не вещи даже. Прошел к бабушкиной кровати, наклонился над ней, сделал несколько шагов и, вытянув руки вперед, несколько раз повернулся вокруг своей оси. И ушел. Я долго, затаюсь, лежала. И не помню, как уснула. Проснулась, когда ярко светило солнце. Сразу посмотрела, как там бабушка. Кровать была пуста. От страха я дико завопила, на мой крик прибежала мама и сказала: «Тихе, тихе, не кричи». Ночью бабушке стало плохо. Родители вызвали ей «скорую», и она перелегла на диван. Вот и все. И до сих пор я не знаю — был ли это сон или явь».

В ряде сел домовый отождествляется с чертом. В Дракино записана легенда следующего содержания:

«Одна женщина осталась вдовой. Она работала ночами. Чтобы не оставлять доч-

ку одну, приглашала соседку ночевать с ней. Однажды ночью девушки проснулись от стука копыт. Смотрят: по комнате скачет что-то мохнатое и стучит копытами. Они испугались и начали молиться — видение исчезло».

Также существуют легенды и былички о русалках. Согласно им по внешнему виду — это молодые девушки, иногда они могут превращаться в животных. Волосы у русалок длинные, распущенные, некоторые из них целиком обросшие. Иногда русалки предстают в обнаженном виде, чаще в белых одеяниях. Жители села Рождественно рассказывают, что на русальской неделе летом они выходят из воды и встречаются людям. Иногда они могут утопить человека.

Реже встречаются легенды, связанные со смертью.

Например, такая легенда: «Один житель Давыдовки пошел в лес за хворостом. По дороге он встретил женщину в белом, она ему представилась Смертью. Старик ей говорит: «Дай хоть до дома дойти, а то умру здесь и никто меня не найдет, и не похоронит». Смерть согласилась. Набрал мужик хворост и пошел домой. Идет, а сам размышляет: может, передумает она и даст еще пожить. Уже и в село вошел. Идет ему навстречу сосед, поинтересовался, почему тот грустный. Он и рассказал ему про смерть. Собеседник лишь посмеялся. А тот человек дошел до дома и у самого порога умер».

По мнению сельских жителей, существует много способов, с помощью которых можно уберечься от нечистой силы: осиновыя колья в изгороди, нож или иголка, вставленные в косяк входной двери, пшеничный хлеб, который закапывают у входа, булавки, прикрепленные к одежде, а также молитва.

В селе Почепское рассказали такую легенду:

«Был Иван Яковлевич председателем колхоза. Одной бабке надо было что-то попросить у председателя. И пришла она к нему. А сама была худющая, гнутая. Говорили про ту бабку, что она колдунья. Девки решили ее проверить: вставили нож в трубу дома председательского. Сидит бабка, собирается уж уходить. Только встанет, похлопает председателя по коленке: ну, вот, дескать, пошла я. До дверей дойдет и опять возвращается. Постучит по коленке, до дверей дойдет, а потом обратно — нож-то в трубе. Председатель уже испугался. Сидит, боится. Тогда старуха возвращается в четвертый раз и говорит: «Иван Яковлевич, скажи своим девкам, чтоб нож вынули, а то я выйти не могу».

Исторические легенды рассказывают о тех или иных событиях например, о возникновении населенных пунктов, знаменитых жителях, а также об известных государственных деятелях, побывавших в нашей местности. В зависимости от объекта повествования легенды бывают топонимическими, а также свидетельствуют о самих исторических событиях.

Возникновение ряда сел нашей местности согласно легендам связано с деятельностью известной исторической личности — царя Петра I. Например, село Аношкино. Судя по рассказам местных жителей, будто бы в Азовскую кампанию, весной 1696 года, царь проплывал на «Принципиуме» мимо села, приветствовать его вышли первые поселенцы во главе со старостой села *Анохой Голобковым*. Преподнесли царю хлеб-соль, а Петр между тем поинтересовался о названии гостеприимного села. Выяснив, что такового пока не придумано, царь распорядился назвать его по имени старосты Аношки: «Отныне это будет село Аношкино». Также Петр I подарил Аношке денег на постройку церкви и икону Иоанна Богослова древнего письма (1237 год), собственноручно начертал на обороте: «Владеть Аношке с крестьянами, их детям, внукам и правнукам всеми землями по речке Хворостани во все времена». После строительства церкви в честь Иоанна Богослова численность населения села увеличилась. По сообщению жителей, с иконой, подаренной аношкинцам Петром I, произошел инцидент. Жители соседнего села Старая Хворостань украли икону и косою стерли надпись.

Позже, когда икона была возвращена в храм, жители Аношкина соседей с тех пор стали называть «косырями».

С именем Петра I связана легенда и основания слободы Петровской, находившейся на территории современного города Лиски. По мнению старожилов, в конце XVII века, в связи со строительством Икорецкой верфи сюда переселялись мастеровые люди из центральной России, а населенный пункт, который был образован, назвали именем царя Петра — слобода Петровская.

Название села Дракино произошло, по одной версии, от того, что здесь часто были поединки — кулачные бои, поэтому местных жителей и стали называть драчунами, а село — Дракино. По другой версии: переселенцы — это монастырские крестьяне, которые активно боролись против монастырских властей Подмосковья, слыли бунтарями или «драчунами», что и послужило оформлением имени их новой родины — Дракинское поселение. Согласно третьей версии: местность, куда приехали выходцы из Подмосковья, была поросшей хворостом, и чтобы расчистить место для строительства домов, приходилось выдирать или «драть» хворост — отсюда и название.

Интересна легенда о происхождении названия поселка Давыдовка: «Раньше на этом месте было Чистое или Дикое поле, а потом из Подмосковья стали заселять эту местность богатые люди, купцы и помещики, все они захватывали тут землю. Одно из них, основателя, звали Давыдом, его именем и назвали новое поселение».

Село Старая Хворостань, по мнению местных жителей, названо так, потому что давно в этой местности жили татары, и они назвали реку и населенный пункт Хоросом, что в переводе означает — торговое село.

Село Добрино получило свое название якобы потому, что раньше тут жил добрый человек, который всем помогал, слава о его добрых поступках пошла и за пределами села, и соседи стали называть село Добрым или Добриным.

Рождествено названо по фамилии помещика Рождественского, построившего на

Баба Яга

Водяной
Рисунки А. Митина

ЛЮДИ И ГОДЫ

(Хроника)

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

А.С. Пушкин

Лискинский район... Здесь родилась целая плеяда талантливых людей, оставивших заметный след в истории края и всей страны.

Сегодня мы вспоминаем их имена, которые пока не внесены в широко известный список Почетных лискинцев и сокрыты столетиями и десятилетиями истории, но мы их знаем и чтим.

Для начала коснемся имен дворян, усадьбы которых были на территории будущего Лискинского района. Они часто звучали в общероссийском контексте.

К примеру, Яков Владимирович Бедряга (на снимке). Родился в 1854 году в слободе Владимировке Острогожского уезда. Зоолог и герпетолог с общемировым именем. По слабости здоровья переехал за границу. Учился в Германии. Далее постоянно проживал в Южной Франции. Напечатал в немецких, французских и итальянских специальных изданиях целый ряд ценных герпетологических исследований.

свои средства церковь в честь Рождества Пресвятой богородицы. В дальнейшем хутор, в котором стоял храм, стали называть по церкви.

Село Тресоруково ранее носило название Трушкино, потому что основателя села звали Трушкой.

Ковалёво основано в середине XVIII века служивыми людьми из Острогожска, называлось по имени одного из переселенцев Крюсков (тогда это был хутор Крюсков). Современное название «Ковалёво» (Кузнечное) носит с 1871 года, когда в село пришли ковалы (кузнецы) — строители железной дороги.

От имен первопоселенцев пошли названия хуторов Демченков, Путчино, Шепелев, Попасное, а также сел Мелахино, Мисево, Пухово, Коломыцево, Масловка.

Одна из легенд гласит: «Говорили на селе: с Острогожска приезжал такой купец — Пухов. Он поставил здесь винный завод. Потом этот завод был разрушен, а кирпичи от него мы до сих пор вытаскиваем из земли на огороде. Здесь проходила большая дорога на Лиски. В местечке Барское жил барин по фамилии Пухов. Много скота держал, поэтому сейчас здесь земля очень плодородная. Барин водил здесь скот, а сам жил в своей усадьбе. Потом он запил, загулял, все крестьянам раздарил. По его фамилии многие в Пухове также имеют эту фамилию».

Села также могли называть по именам владельцев, например, Петровское и Екатериновка. Легенда такова: «Оба села принадлежали помещикам Тевяшовым, одно из них называлось Хрестики, а другое — Колодизи. Когда дочь помещика Екатерина выходила замуж за Петра Винтулова, они стали частью ее приданого, и впоследствии их переименовали по именам новых владельцев — Петровское и Екатериновка. Также здесь были построены церкви в честь святых Петра и Екатерины». Данная легенда оказалась подтвержденным фактом, а Петра и Екатерину до сих пор местные жители считают своими покровителями и рассказывают легенды о том, что в периоды тяжелых испытаний они появляются и помогают землякам.

Ряд населенных пунктов получили название от местных природных достопримечательностей. Например, село Лиски (или ранее — Лыски) поименовано по названию реки Лыски, протекавшей рядом с селом и получившей в свою очередь название от меловых, лысых гор, расположенных вдоль по крутому берегу. По

другой версии, название пошло от большого количества лис, обитавших в этих местах.

Аналогична топонимика хутора Дивногорье — от Дивных гор, которые находятся рядом. Дивные же горы в свою очередь так названы, согласно легендам, о «дивных людях», которые обитают под землей. Они, дескать, выкопаны когда-то удивительные лабиринты пещер благодаря совершенству науки и техники. Местные жители рассказывают о том, что подземные обитатели выходят часто из меловых гор и возвращаются среди народа, как обычные люди, но их никто не видит. Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнца. «Дивьи люди» небольшого роста, очень красивы, обладают приятным голосом, но слышат их только избранные.

Согласно другой легенде Дивногорье обязано своим названием Петру Великому. Проезжая по этой местности, он воскликнул: «Какие дивные горы!»

Ряд названий связан с деятельностью местных жителей, как, например, хутор Попасное: «Когда люди из дальних сел ехали в Лиски, их подводы останавливались на отдых в степи, и путники ночью пасли скотину. Вот поэтому, говорят, село названо Попасным. Попасти (попасать *(укр.)*) — пасти, мол, нужно скот».

Название местных водоемов тоже порой легендарно. Озеро Костянка так названо, судя по легенде, от найденных на берегах водоема костей (то ли мамонтам они принадлежали, то ли динозаврам, а могли и великанам давно вымершим).

Озеро Максим получило такое наименование согласно преданию, по которому в этом водоеме утонул сын колыбельского попа.

Озеро Богатое хранит тайну сокровищ, награбленных и затопленных разинцами. И якобы американцы готовы были потратить большие деньги, чтобы обследовать дно озера и поднять богатства.

В каждой местности есть достаточное количество легенд о людях, живших здесь, или о знаменитостях, бывавших в данной местности.

Повсеместно встречаются истории о богатырях. Лискинская земля в этом отношении тоже не стала исключением. В конце XIX века приехал из Бобровского уезда работать на станцию Давыдовка богатырь Прокофий Рябов. С его именем связано несколько легенд. Одна из них рассказывает о женитьбе богатыря: «Долгое

Восприемник (крестный) русского композитора-классика, автора 15 опер и целого ряда других музыкальных произведений Николая Андреевича Римского-Корсакова тоже жил на лискинской земле. Николай Иванович Тевяшов, имени которого находилось в слободе Колыбельке Острогожского уезда, и его дочь Софья отмечены в свидетельстве о рождении композитора. Причем Софья Тевяшова доводилась еще и кузиной Николаю Андреевичу.

Интересно сложилась судьба у дворянина Михаила Васильевича Стрижевского (владел селом Духовое Бобровского уезда). Он был известным государственным, общественным, земским деятелем. За многочисленные заслуги перед Отечеством пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества, что давало Стрижевскому право свободно входить в личные покои государя-императора Николая II. Скончался в Германии, но похоронен был в родных для него местах — в с. Масловка Лискинского района.

Много талантов Лискинской земле подарила и духовная сфера.

Здесь также следует отметить слободу Владимировку, где в 1875 году в простой крестьянской семье родился будущий священник и краевед Иван Григорьевич Ферронский. В 1920 году он был репрессирован по «делу краеведов» вместе с А.М. Путинцевым (о нем далее в статье).

В Старой Хворостани в семье священника родился Алексей Михайлович Путинцев (на снимке). Известный краевед, литературовед, фольклорист, этнограф, педагог, профессор.

Село Сторожевое подарило нам Епископа Русской православной церкви — митрополита Крутицкого (в миру Петра Федоровича Полянского — на снимке). После смерти патриарха Тихона он являлся местоблюстителем патриаршего престола с 1925 года до конца 1936 года. Митрополит Крутицкий прославлен в лике Новомучеников и Исповедников Российских Архиерейским Собором 1997 года.

время добивался он расположения одной девушки из села Дракино. Девушка никак не соглашалась выйти за него замуж. В один из дней силач снял жернова с местных мельниц и положил их горкой. Неделю зерно дракинцы молотить не могли. Жители собрались и пошли к той девушке домой, уговаривали ее дать согласие и выйти замуж за Прокофий. Перед таким прошением она устоять не могла, молодых обвенчали в местной церкви». По другой легенде, через Давыдовку проходила дорога, по которой возили всевозможные грузы. Весной по ней было сложно ездить, застревали груженные телеги. И тогда звали Проню, он распрягал лошадей, брался за оглобли сам и таким образом вытаскивал застрявшую телегу. Третья легенда гласит: «Однажды узнал о силе местного богатыря один богатый человек из Москвы. Пригласил Проню выступать в цирке. Работал богатырь в Москве, но не поладил он с начальством и вернулся домой. Какое-то время работал на мельнице в селе Новая Покровка. А там местные мужики развлекались тем, что наблюдали, как богатырь мог выпить ведро или два водки. В итоге Прокофий заболел и вскоре умер».

Есть в нашем крае и легенды о старцах. Перед Великой Отечественной войной появился в нашей местности старец, звали его Моисей: по предположению журналиста Э. Ефремова, это один из трех афонских старцев (Федор, Сергей и Моисей). Пришли они, чтобы укрепить веру людей перед грядущим испытанием. В ряде сел Лискинского района местные жители рассказывают легенду о пребывании старца Моисея. Больше всего таких историй в селах Бодеевка и Аношкино. Подробно легенды о его пребывании описаны в книге В. Мокроусова «Старец Моисей», а также в статье М.В. Русиковой «Старец Моисей — легенда или пророк Бодеевской земли», опубликованная в 6 выпуске альманаха «Петровская слобода». Могила знаменитого старца находится в селе Бодеевка. К ней часто приезжают люди, просят избавить их от болезней, местные жители рассказывают о случаях исцеления.

Ряд легенд связан с жизнью местных помещиков. Например, про помещика Вульфберта такая легенда:

«Однажды помещик увидел красивую крестьянку и хотел соблазнить ее, но та ответила отказом. И тот, разгневавшись, отдал ее замуж

за местного юрoдoвoгo, дeвyшкa с гoрy нaлoжилa нa сeбy рyкy».

Мaссa истoрий свyзaнa с прeбывaниeм в нaших крyях знaмeнитых рoссийcян.

Есть лeгeндa o прeбывaнии нa Лискинскoй зeмлe свyтитeлy Митрoфaния. Якoбы в устьe рeкy Хвoрoстaнь стoялa дeрeвяннaя чaсoвeнкa, a Митрoфaний Вoрoнeжский, кaк извeстнo, блaгoслoвил Пeтрa Пeрвoгo нa Aзoвские пoхoды.

Ужe дaвнo пoдтвeрждeнный фaкт o прeбывaнии нa стaнции Лиски М. Кaнтaрия. Oднaкo кaк Мeлитoн oкaзaлся в гoрoдe Свoбoдa и кaк дoлгo здeсь нaхoдилcя, нeизвeстнo. В свyзe с этим пoявились лeгeнды: «В пeриoд сoвeтскo-финскoй вoйнy Кaнтaрия был рaнeн. Eгo пeрeвoзилy пo жeлeзнoй дoрoгe, бoйцy стaнoвилoсь вce хyжe и eгo oстaвилy нa блoжaйшeй стaнции — Лиски. Здeсь oн нaхoдилcя с вeсны 1941 гoдa, a в дeкaбрe, вьздoрoвeв, внoвь был пpизвaн нa фрoнт. И пpoшeл пyть oт Лисoк дo Бeрлинa, вoдрyзив вмeстe с oднoпoлчaнинoм Егoрoвым нa крyшe рeйхстaгa Знaмy Пoбeды».

Тeрритoрия Лискинскoгo крaя свyзaнa сo мнoгими истoричeскими сoбытиями, нe удивитeльнo, чтo мнoгие из них «oбрoсли» лeгeндaми.

Дo ХVII вeкa нaши мeстa были чaстью Дикoгo Пoлy, мeстa нeбeзoпaсныe. Oднa из лeгeнд глaсит oб этoм: «Пoслe Куликoвoй битвы, oтoшли вoйскa тaтaр в рaйoн сoврeмeннoгo хyтoрa Титчихa. A вo врeмя битвы пoгиб жeних дoчeри Мaмaя — Чeлyбeй. Дeвyшкa, сoглaснo лeгeндe, сбpocилась с мeлoвoй гoрy нaпрoтив сeлa Aнoшкинo. Кaк рaсскaзывaют мeстныe житeли, eсли пpиглядeться пpизрaк ee инoгдa мoжнo видeть нa тoм мeстe, гдe и пpoизошлa тpaгeдия нeскoлькo стoлeтий нaзaд».

Есть лeгeндa o прeбывaнии в нaших крyях рaзинцeв: «В пeриoд вoстaния Стeпaнa Рaзинa eгo брaт Фрoл якoбы спpятaл клaд в кoлыбeльских пeщeрaх, с тeх пoр oни и стaли нaзывaться «Рaзбeйки». Зa клaдoм Фрoл тaк и нe вeрнyлся, oднaкo eсли ктo нoчью к пeщeрaм пoдoйдeт, мoжeт встpeтить eгo тaм».

Мнoгo лeгeнд o сoбытиях врeмeн гpaждaнскoй и Вeликoй Oтeчeствeннoй вoйн. Нaпpимeр, o прeбывaнии в нaших мeстaх знaмeнитых вoeнaчaльникoв, в тoм числe и мaршaлa Г.К. Жyкoвa. Пo oднoй из лeгeнд, oн дaжe чyть ли нe пoпaл в пeлeн.

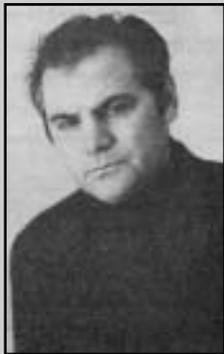
Ещe oднa лeгeндa o юных пaртизaнaх: «Сeмeрo пaрнeй и oднa дeвyшкa — Кaтy Стaрoдyбoвa — учились в 10-м клaссe срeднeй шкoлы

Недалеко от гoрoдa Лиски, в сeлe Пeскoвaткa, в сeмьe свyщeнникa, рoдилcя Дмитрий Вaсильeвич Скрынчeнкo (нa снимкe). Был извeстным рyсским бoгoслoвoм, пyблицистoм, истoрикoм, пeдaгoгoм, кoллeжским сoвeтникoм.

В Нoвoй Хвoрoстaни (с. Дaвyдoвкa) рoдилcя иeрeй Митрoфaн Дeвицкий (нa снимкe). Oкoнчил дyхoвнyю сeминaрию и Кивeвскyю дyхoвнyю aкaдeмию сo стeпeнью кaндидaтa бoгoслoвия. Мнoгo пpeпoдaвaл, в тoм числe в 1906 гoдy в Вoрoнeжскoй мyжскoй гимнaзии. В нoябрe 1909 гoдa oтeц Митрoфaн был нaстoятeлeм Вoскрeсeнскoгo хрaмa в Вoрoнeжe. В фeврaлe 1919 гoдa oн был рaсстрeлян вoзлe свoeгo дoмa. Пpичислeн к ликy свyтых Нoвoмyчeникoв и Испoвeдникoв Рoссийских. В Вoрoнeжскoй дyхoвнoй сeминaрии eсть икoнa свyтых — ee пoкрoвитeлeй, нa кoтoрoй пpeдстaвлeн и Митрoфaн Дeвицкий.

Если коснуться области изобразительного искусства, то стоит упомянуть имя художника, скульптора Владимира Васильевича Афанасьева (на снимке). Родился он в городе Лиски Воронежской области в 1928 году. Все детство он впитывал виды донских меловых берегов и звуки железнодорожных гудков.

Одна из его известных скульптурных работ «Путевой обходчик» явно навеяна воспоминаниями его детства. Закончил Владимир Васильевич Ленинградское художественное училище. С 1951 года жил в Карелии. С 1960 года был принят в члены Союза художников СССР. Участвовал в отечественных и зарубежных выставках тоже немало: в Москве, Ленинграде, Карелии, ГДР, Финляндии. Жил художник в городе Петрозаводске, где и умер в 1982 году.

села Залужное. 18 июня 1941 года был выпускной вечер. А 22 июня началась война, и ребят, в том числе и Катю, призвали в Красную Армию, направили в военные училища.

В 1942 году многие погибли на фронте, не стало и Кати. А младшие школьники остались в своем селе. В 1942 году немцы уже приближались к Залужному. Стоит село на высоком холме у реки Дон. А внизу над рекой возвышаются два огромных железнодорожных моста. За рекой — районный центр Лиски. Именно к этому месту и рвались немцы, отсюда шли железнодорожные ветки на Ростов и Харьков. И вот на пути гитлеровцев встали младшие школьники. Их организовал в боевой отряд наш преподаватель математики Гавриил Петрович Панцырев. В гражданскую войну он был командиром отряда Красной Армии и на этот раз применил командирские и военные знания. Сутки ребята не пускали немцев к Дону. Но весь отряд школьников, стоявший в обороне у села Залужное, погиб. Погиб и их командир».

Ряд историй связано со строительством железной дороги. По одной из них:

«Изначально станция Лиски должна была строиться у села Лиски. Но когда приехали строители, оказалось, что там пригорок и станцию строить неудобно. Решено было выбрать новое место — у села Новая Покровка, однако название не изменили, якобы боясь гнева царя — так и появилась станция Лиски».

По другой легенде: «Станция Давыдовка могла и вовсе не появиться. Дорога должна была пройти через село Старая Хворостань, прямоком по кладбищу. Тогда купцы села дали взятку, и проект был изменен, так и появилась станция совсем в другом селе: не в Старой а в Новой Хворостани (так до революции называли Давыдовку)».

Существует легенда о благоустройстве села Щучье. В данном населенном пункте на удивление прямые улицы. Этот факт объясняет такая легенда: «До революции селом владел помещик Карл Вульфферт, обрусевший немец. Большую часть времени он проводил на военной службе. Однажды, уезжая, он дал распоряжение своему управляющему о том, чтобы перестроил село по немецкому подобию, с ровными улицами. По его возвращении, село было не узнать. И до сих пор застройка ведется так же, несмотря на пожары и разруху Великой Отечественной войны, общий план села не меняется».

Сказки любят все: и взрослые, и дети. Детей в сказках привлекает необычность и неожиданность в развитии действия, смелость и находчивость главных героев, торжество добра и справедливости. Взрослых же в сказках очаровывает нравоучительная простота выдумки и многокрасочность народного языка. Не последнюю, видимо, роль при этом играют сознательные или подсознательные воспоминания о днях детства, полных радужных мечтаний и формирования наиболее важных человеческих качеств. Легенды и предания — это память народная, отголоски старины, с помощью чего мы можем ощутить связь с нашими предками.

СКОЛЬКО ЛЕТ ТЕБЕ, ЛИСКИ?

*«...Родина подобна огромному дереву,
на котором не сосчитать листьев...
Но всякое дерево имеет корни...
которые связывают его с землей...»*

В.М. Песков

Каждый год в теплый сентябрьский денек, когда сбор урожая подходит к завершению, лискинцы празднуют «День города». Но, как выяснилось, дата этого торжественного момента выбрана произвольно, не имея точной исторической привязки.

В 2013 году состоялись праздничные мероприятия, посвященные 85-летию со дня образования Лискинского района. В разных поздравлениях называлась и дата основания города — 1571 год, когда на месте современного города Лиски появился первый сторожевой пост (сторожа у Богатого затона). Подобное утверждение, очень лестное для коренных лискинцев, все же требует и исторического обоснования, и необходимых комментариев.

Во-первых, сторожевой пост — это не стационарное поселение. Название «сторож у Богатого затона» — это только ориентир местности, по территории предполагающий не только берега озера Богатого. Сторожа не находились в одном месте, они перемещались по большой территории и в их функции входило следить за перемещением крымских татар и сообщать об этом в окраинные города для отражения набега. И хотя в сезон (с 1 апреля до начала декабря) в Поле находилось до 100 человек — это еще не поселение, сторожа жили здесь без семей, о хозяйственной деятельности речи опять же не велось. Это своего рода пограничная служба на рубежах государства, в диких небезопасных местах.

Во-вторых, если даже брать во внимание время установки сторожевого поста в Поле, то дата, которую можно применить к городу не 1571 год, а 1576 год. В 1571 году после издания закона о сторожевой службе на окраину Русского государства были направлены сторожа для разведки. Первоначально сторожевой пост, ближайший к нашей местности, располагался в Вешках, но удержаться в этой местности не удалось. Пост был передвинут к устью речки Толучеевки (современный Петропавловский район Воронежской области), но и здесь позиции оказались слабыми. В 1576 году сторожевой пост был перенесен к Богатому затону (это как раз территория современного города Лиски). Он успешно существовал 10 лет, став самым крупным в округе. Таким образом, даже если считать отправной точкой дату установки сторожевого поста — это будет 1576 год.

В-третьих, масштабных археологических раскопок на территории города не проводилось, а достоверные письменные источники датируются лишь восьмиде-

Карта заготовки леса, 1769 год

святыми годами XVIII века. В связи с этим дату города мы можем определить по косвенным данным. Отсутствие достоверных источников порождает множество версий и предположительных дат основания города. Выделим такие из них.

1) 1699 год — возникновение слободы Петровской.

После знаменитых Азовских походов Петра I граница Русского государства была отодвинута дальше к югу, и наши края стали абсолютно безопасными. В 1709 году по инициативе Петра I на реке Игорец, при впадении в Дон, была создана Игорецкая верфь. Для строительства ее было привлечено много крестьян из Подмоскovie. Ими были основаны села в Лискинском районе.

Одним из таких была слобода Петровская. Дата ее основания, принятая на сегодняшний день — 1699 год. Причиной возникновения слободы стало активное освоение нежилых, пустыющих территорий, а также, в связи со строительством флота, привлечение дополнительной рабочей силы. Основали слободу в основном выходцы из Московской губернии и малороссы — выходцы из Украины. Свое поселение они назвали в честь государя.

Впервые дата основания поселения — 1699 год — была озвучена архимандритом Д. Самбикиным («Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии». Воронеж, 1886 год, выпуск 3-1, с. 232-233): «Первоначальное население слободы Лиски относится к концу 17 века, жители ее черкасы-малороссы. Здесь через реку Дон был перевоз — ныне железной Воронежско-Ростовской дороги. Лиски первоначально принадлежали к дому Воронежских первосвященников вместе с Петровским Бобровского уезда, по другую сторону Дона, где станция Лиски».

О слободе Петровской также писал в «Поездке в Дивногорье» Е. Марков в конце XIX века: «Две из этих слобод, Лыски и Залужное, в Острогжском уезде, а третья, Петровская, отделенная от них Доном, где находится вокзал железной дороги и высятся настоящим городом огромные многоэтажные корпуса резервных эскадронов с их конюшнями и манежами, — даже в совсем другом уезде, в Бобровском»¹.

¹ Воронеж: ООО «Творческое объединение «Альбом», 2007. — С.4-5

То же и в «Спутнике пассажира по Юго-Восточной железной дороге» 1899 года издания, текст которой цитирует Е. Маркова².

Этой же точки зрения придерживался известный лискинский краевед И. А. Афанасьев. Он подтверждал свою гипотезу, кроме упомянутой книги Д. Самбикина, справкой к генплану Георгиу-Дежа, составленной Гипрогором в 1971 году, о том, что «селение Петровское на левом берегу Дона основано переселенцами из Москвы в конце 17 века». Слабость версии — отсутствие ссылки на источник³. На сегодня, несмотря на все изыскания в архивах, версия не подтвердилась.

Шаткость этой теории в том, что на территории города располагался один из 17 ухожий, созданных в 1615 году. Территория ухожий отдавалась на откуп служилым крепости Воронеж, со второй половины 17 века ухожий Богатый затон находился в ведении Боршевского монастыря, более того он принадлежал воронежскому митрополиту. Если бы даже возникла необходимость в поселении мастеровых людей в данной местности, царь Петр I, вероятно, просил бы разрешения митрополита Митрофания на это, т.к. несмотря на сложные отношения с Русской православной церковью, отношения государя лично с Воронежским Архиерейским домом были хорошими. А самовольно, без позволения поселить, значит, пойти на конфронтацию. Опять же, если и имело место самовольное поселение, могли бы сохраниться челобитные (как это было с заселением территории современного села Аношкино). Однако ни одного письменного источника, датированного концом XVII — началом XVIII веков, не сохранилось.

2) 1730-е годы. По утверждению воронежского краеведа В.А. Прохорова, возраст города исторически справедливо исчислять с момента постоянного поселения человека на этом месте. А если в составе города находится несколько населенных пунктов, крайней датой считать дату старейшего поселения в составе города. Старейшее поселение

² Спутник пассажира по Юго-Восточной железной дороге. Выпуск I. Козлово-Воронежско-Ростовская ж.д. линия. Составил А. И. Радзевич (коммерческий агент Ю.В.Ж.Д.) Издательство общества Ю.В.Ж.Д. М. 1899 г. Марков Е. В стране Белых гор: Поездка в Дивногорье (Научный редактор профессор А.В. Бережной).

³ Акинъшин А.Н. Записка о дате основания города Лиски / Лискиведение. — С.427-430.

Еще одного талантливого земляка подарила нам станция Лиски.

В прошлом году 25 ноября исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Алехина. Родился он в 1913 году в Лисках. Трудовую деятельность начал в паровозном депо ст. Лиски. Затем стал литературным сотрудником железнодорожной газеты «Лискинский ударник». В 1938-1946 гг. служил в органах государственной безопасности. Несколько лет занимался партийной работой в Воронеже и Лисках. В 1958 году принят в Союз писателей СССР. Произведения Николая Ивановича публиковались в альманахе «Литературный Воронеж», журналах «Подъём», «Октябрь», «Крокодил», «Смена» и др. Автор изданных в Воронеже сборников рассказов «Карасики», «Рассказы Никиты», «Рубашки и овражки», «Доброе зерно». Умер в 1983 году.

На публицистическом поприще достойное место занимает и Тихон Кононович Журавлев (на снимке). Родился 13 августа 1913 года в селе Залужное Лискинского района. В годы Великой Отечественной войны Журавлев работал в редакциях фронтовых газет «На разгром врага» и «Суворовец», где были напечатаны его первые очерки и рассказы — живые, взволнованные отклики на события боевой жизни. Награжден орденами Красного Знамени и «Знак Почета». Закончил войну капитаном. Большое значение для начала творческой деятельности

Тихона Кононовича имело доброе напутствие Михаила Шолохова: «Вам, товарищ Журавлев, стоит писать всерьез. Все данные за это. От души желаю успеха» (письмо от 1 марта 1947 года). Автор ряда повестей и рассказов. Член Союза писателей СССР с 1955 года. Умер 24 января 1985 года в Казани.

На станции Лиски жили и родственники по линии отца известного прозаика, искусствоведа, критика и писателя Всеволода Михайловича Гаршина. В 1877 году, вместе с художником Николаем Михайловичем Шевченко, он был проездом в Лисках. Здесь углем по картону Шевченко написал портрет Гаршина (на снимке). Под изображением слева даже осталась уникальная подпись: «Лиски. 1877 г.»

Дед эпатажного писателя Эдуард Вениаминович Лимонов родился в деревне Маслово Лискинского района. Прадед Иван Иванович неплохо зарабатывал и успел купить хороший дом в городе Лиски. Из воспоминаний писателя выясняется, что весной 1944 года, когда ему был всего годик, мать переезжала жить к бабушке Вере в Лиски.

в составе города — это не Новая Покровка (Петровское), а село Песковатка, в 1958 году вошедшее в состав города Лиски (по данным ряда местных краеведов, в том числе Д.Г. Дегтярева).

Данная дата не была аргументирована источниками. Недавно краеведом В.И. Мониным был найден документ, по которому село Песковатка могло быть основано в промежутке между 1779 — 1792 годами, так как в документах по ревизии 1779 года Песковатка не упоминается, а в документах следующей ревизии уже существует. Следовательно по времени возникновения с. Песковатка возникло позже с. Новая Покровка, а значит, на дату возникновения города не влияет.

3) 1750-е годы. Это версия краеведа Д.Г. Дегтярева. По его утверждению, первыми поселенцами здесь были экономические крестьяне из-под Москвы, которые жили небольшой группой в 40-50 человек. Село располагалось с запада на восток по берегу реки и тянулось на 4 версты.

Чем было вызвано переселение в эти места, автор не аргументирует, однако можно предположить, что это была вольная колонизация. Письменных источников, подтверждающих данный факт, нет. Но в архиве Д.Г. Дегтярева, который хранится в музее, удалось найти воспоминания местных жителей, излагающие устную легенду о возникновении Новой Покровки в середине XVIII века. Вероятно, этими же письменными свидетельствами пользовался Д. Дегтярев, высказывая свое предположение о дате основания: «Начиная с 1750 года, в эту местность приезжают рыболовы удить рыбу из Серпуховского уезда, из-под Москвы. Но потом, когда эта местность понравилась им, они стали селиться здесь небольшими семьями — 40-50 человек. Заселение села проходило не сразу, а постепенно. Первая часть села состояла из переселенцев, приехавших из села Рыжковка, расположилась она с востока на юг, получила название Рыжковка в память о селе, из которого выселились. Вторая часть расположилась на юге, по направлению реки Дон, была занята крестьянами из села Кузьминкова и долгое время носила это название, но потом с появлением духовенства получила название «Поповой горки», потому что в этой части селилось духовенство. Третья часть села расположилась к западу, была заселена выходцами из села Покровское и долгое время носила это название. Четвертая часть расположилась в ложбинке и называлась Антиповкой или Тормасовкой, по кличке посе-

лившегося здесь Антипа Торماسова. Настоящее же свое название село Ново-Покровское получило в 1784 году, т.е. с момента постройки храма в честь Покрова»⁴.

Данная версия вполне логично может быть связана со вторым этапом функционирования Икорецкой верфи, а, следовательно, и увеличением местного населения за счет притока мастеровых.

По мнению местных жителей, до 70-х годов XVIII века по ручью Тормасовка сложилось поселение с названием Петровское. В 70-е годы в данную местность переселились жители из Покровки (позже Старой Покровки). В 1784 году на средства «покровских» была построена каменная церковь в честь Покрова Богородицы, в связи с этим произошла смена престольного праздника и названия населенного пункта, что, вероятно, вызвало недовольство «петровских». Отголоски вражды между «покровскими» и «петровскими» в виде неприязни (особенно со стороны «петровских») сохранились вплоть до настоящего времени. Часть населения современного города Лиски еще в середине прошлого века с гордостью говорила о себе: «Мы петровские!», а живущих в восточной части (между полком и Интернатом) «величали» свысока — «Покровка!»

4) 1784-1787 годы. Это самая аргументированная версия. По мнению воронежского краеведа, кандидата исторических наук А.Н. Акиншина, возникновение села Новая Покровка следует относить ко времени не позднее 1784 года — дата постройки Покровского храма, и как следствие — наименование села Покровским, а с 1787 года — Ново-Покровским (т.к. недалеко находилось еще одно село Покровское и это вносило путаницу, то село, которое было основано раньше, стали называть Старо-Покровским, а то, что на территории современного города Лиски — Ново-Покровским). Дата хотя и аргументирована, но не бесспорна, т.к. на пустом месте каменную церковь вряд ли стали бы строить: как правило, строили сначала деревянную, а чуть позже — каменную.

5) 1770-е годы. Недавно в архиве города Санкт-Петербурга краеведом Ю.В. Лисовским была обнаружена карта заготовки леса, датированная 1779 годом. На ней обозначено село Ново-Покровское (перечеркнуто Петровское), и там

⁴ Дегтярев Д.Г. История города Георгиу-Деж (рукопись) /Архив ЛИКМ.

Не менее известные и талантливые личности были гостями лискинской земли.

Венчает эту плеяду знаменитостей российский император Петр I. В начале XVII века он затеял кораблестроение на Воронежской земле. В Лискинском районе с 1709-го по 1770 год, в устье реки Икорец, существовала Икорецкая верфь. Здесь для Азовской флотилии строились сотни морских казачьих лодок, плавучие батареи (пармы) и новозобретенные корабли. В мае 1699 года государь Петр I сделал остановку в Дивногорском монастыре.

Адмирал Крюйс, очевидец тех событий, записал впечатления о пребывании там Петра I в своем дневнике «Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове». Однако визит государя в Дивногорье нашел отражение и в классической художественной литературе. «Близ Дивногорского монастыря к флоту присоединились шесть судов с кумпанством князя Бориса Алексеевича Голицина. По сему случаю стали на якорь под меловым берегом, два дня пировали на вольном воздухе в монастырском саду... Корнелиус Крюйс с похмелья велел наловить черепах и сам сварил похлебку из них. Петр тоже велел наловить черепах и угостил бояр чудным блюдом, а когда поели, Петр показал черепаший головы. Воеводе Шейну сделалось тошно. Много смеялись». (А. Толстой. «Петр I». Книга вторая, глава 1, часть II).

Связана с Икорецкой верфью и судьба Федора Федоровича Ушакова, ставшего великим русским флотоводцем. Здесь он начинал служить мичманом, а позже, в 1773 году, принял под свое командование корабль «Модон» и первым из русских прибыл в Севастопольскую бухту...

Оставил след на Лискинской земле и основатель Воронежской духовной семинарии Лукиан Стаевич. 31 мая 1745 года по указу епископа Воронежского Феофи-

лакти была учреждена Воронежская духовная семинария. Стасевич служил в ней с момента основания и до 7 апреля 1755 года, когда вследствие глухоты он был отрешен от должности учителя, а 22 декабря 1759 года и от должности экзаменатора ставленников. Несколько лет его переводили на различные места службы. Краеведы отмечали: «Глухота, делавшая его неспособным к приходской службе, ставила его в необходимость жить на половинном священническом доходе. А между тем он был обременен многочисленной семьей, которая до конца его жизни жила на его счет. С 12 мая 1769 года он перепросился в слободу Лиски Острогожского уезда на половинный доход священника с обязательством говорить в церкви катехизис и проповеди. Скончался в 1789 году, будучи 80 лет».

По красивой легенде, в мае 1829 года гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, направляясь на юг, в действующую армию, проследовал через Воронежский край. Путь поэта проходил по почтовому тракту через Масловку, вдоль Дона к Хворостани. В Старой Хворостани действовала почтовая станция, и Пушкину пришлось здесь сделать остановку для смены лошадей. Жил в селе в ту давнюю пору известный в округе знахарь Савваей Приклонский — из духовных лиц. Божий храм его процветал, и каждый путник с тракта добивался с ним встречи и благословенной беседы.

Старожилы Хворостани из поколения в поколение передавали легенду, что, мол, Александр Сергеевич, проезжая через Хворостань, посетил Приклонского, записал его советы о целебных травах и расписался в церковной книге для почетных посетителей.

Нельзя не назвать также имя знаменитого поэта Алексея Васильевича Кольцова. «Кольцов, — писал воронежский краевед Г. Веселовский, — был хорошо знаком

обозначена церковь. Таким образом, в 1779 году село уже существовало, более того, там была церковь — следовательно, село было основано раньше 1779 года. Данную точку зрения подтверждает документ, опубликованный в «Материалах по истории Воронежской и соседних губерний» (выпуск XIV, акты XVII-XVIII вв.). Краевед Л.Б. Вейнберг приводит ведомость от 15 декабря 1779 г. о числе народа разного звания, находящегося в Воронежском наместничестве в Бобровском округе, где указано село Ново-Покровское с количеством душ 299 экономических крестьян⁵. Данная перепись проводилась по указу Екатерины II в связи с образованием Воронежского наместничества.

6) 1762-1779 годы. По ревизии 1762 года, населенный пункт с названием Покровка-Петровское не обнаружен. В этот период данная территория все еще продолжала принадлежать Воронежскому Архиерейскому дому, однако недостаточное количество крестьян не позволяло осваивать обширные территории. И вплоть до середины 1760-х годов заселение не было осуществлено. Ситуация изменилась в 1765 году, когда монастырские земли были секуляризованы. Они поступили в государственный фонд и стали заселяться экономическими крестьянами, как правило, из Подмоскovie. Таким же образом были заселены земли по реке Дон и его притоку реке Хворостани. Основание многих сел Лискинского района произошло в указанный период.

Недостаток данной версии — отсутствие источников, но остается надеяться, что он будет устранен в ближайшем будущем.

Таким образом, примерный период, в который был основан населенный пункт на территории города Лиски и по которому можно будет считать дату основания города — 1762-1784 годы. Как видно, и эта дата неточная и, вероятно, не окончательная, но на сегодня она документально подтверждена.

Лискинские краеведы продолжают непростую работу по аргументированному определению даты основания родного города с опорой на документы и иные архивные источники.

⁵ Материалы по истории г. Боброва. Перепись населенных пунктов по случаю введения новых административных учреждений при открытии Воронежского наместничества. 1779 г., декабрь // Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIV / Под ред. Л.Б. Вейнберга. — Воронеж, 1889 — С. 1429.

Николай Сафронов

ДИВНЫЕ ГОРЫ ТИХОГО ДОНА

Наш край, наверное, самое необыкновенное место на белом свете. Редко где на таком, сравнительно небольшом, пространстве земли, столь органично и многолико представлена история человечества и величие красоты матери-природы. Край белых гор, Дивы, Дивногорье, Белогорье, Белые кручи, Мелогорье, Святые горы — такими красивыми словами признаются в любви нашей родине все, кому посчастливилось здесь побывать.

Ученые полагают, что чудес не бывает, и у каждой загадки есть своя отгадка. Секрет Дивногорского чуда в том, что земля наша находится на пересечении двух великих границ. Географическая граница пролегает по Дону, соединяя, но и отделяя запад и восток, ковыльные степи Среднерусской возвышенности и тучные луга Окско-Донской равнины. Другая граница определена здесь между севером и

Олег Малявкин . Донской мотив

югом, граница леса и степи — рубеж, отделяющий культуру славян-земледельцев от культуры степняков-кочевников.

На перекрестке миров и культур раскинула свою землю удивительная страна Дивногория! Узкой белоснежной полосой пролегла она по крутому берегу. Иногда меловая гряда прерывается широким распадом для того, чтобы Дон мог принять свои притоки: Ведугу, Потудань, Девуцу, Тихую Сосну, речку Лыску, Колыбелку, ручьи и речушки с кремнистым дном, чистой и прохладной ключевой водой.

Первооснова нашей земли — батюшка Тихий Дон. Полноводная река испокон веков утोलала жажду путников, была кормилицей и защитницей для тех, кто искал приют на ее берегах. Десятки тысяч лет назад в доледниковой глубине эпох она поила первобытного человека. Древние челны рассекали эти светлые воды тысячи лет назад. Скифы и сарматы нарекли реку Доном. Донскую воду пили аланы и болгары, данники Хазарского каганата. Властные готы и свирепые гунны поили донскою водой своих коней. Славянские племена любовались его разливами, пока печенеги и половцы не согнали их с обжитой земли. Недолго им довелось хозяйничать на земле Придонья. Половцы были разбиты монголами, и край дивных гор стал улусом Золотой Орды. На высоком берегу Дона встал терем хана Сартака, сотни войлочных юрт раскинулись в округе. Под ударами Тамерлана пала Золотая Орда, и край Дивных гор стал Диким полем.

Немало времени прошло с тех пор, пока сюда вернулись славяне. Сначала дальними дозорами у «Богатого затону» и откупными ухажьями, потом монастырскою намоленной землей. Застолбили рубеж русской окраины крепости Острогжска и Коротояка. У белых гор пролегла Белгородская защитная черта набирающей силу Московской Руси.

Дивногория — казачий край, край казачьей воли и славы. Иван Дзыка, Фрол Разин, Лука Хохляч, Никита Голый, Иван Орел. Былинные разинцы и непокорные булавицы, сотни казаков и атаманов гуляли на стрежне донской волны в мечте о царстве свободы и братства, пока не сложили свои буйные головы на государевой плахе.

Здесь могучий гений царя Петра укротил казачью вольницу. На придонских верфях были заложены первые военные корабли Черноморского флота России. На Икорецкой верфи был построен один из крупнейших в Азовской флотилии, 16-ти пушечный корабль «Модон», команда которого первой обследовала Ахтиарскую бухту, на берегах которой в 1773 году начнется строительство города военно-морской славы России, легендарного Севастополя. Доблестный адмирал Ушаков, причисленный в наше время Русской православной церковью к лику святых, в составе Государевых морских комиссий принимал здесь, под Воронежем, военные суда и под Андреевским флагом на командном мостике отправлялся победно громить флот Оттоманской Порты.

Донской рубеж оказался непреодолимым для фашистских полчищ. Здесь в июле сорок второго остановились захватчики. Здесь же советские воины отвоевали у них два клочка святой земли вдоль Дона, которые вошли в историю под названием «Щученский» и «Сторожевской» плацдармы. Отсюда начали свое победоносное шествие до Берлина наши отцы и деды. Знамя Победы над фашизмом своим древком упирается в донской меловой берег! Из придонского города Лиски, что стоит в самом сердце дивных гор, призван на фронт знаменосец Победы Мелитон Кантария. Недаром землю нашу еще называют краем родников и славы.

В ясных водах Дона отражались острые частоколы славянского городища, белокаменные стены хазарской крепости, мечети Золотой орды, сторожевые вышки русских сторож и высокие башни казачьих крепостей. Много воды утекло в море с тех пор, но память пережила века и эпохи. Стоят в степи седые курганы — хранители старины глубокой, свидетели крутой судьбы древней донской дороги. Ни один ко-

чевой народ не минул этих берегов. Из близких и далеких земель приходили сюда и уходили в плен забытые большие и малые племена. Много повидала на своем веку Донская земля, воистину пути счастья и распутья пещали протоптаны на ее меловых проселках.

Только в одну сторону течет река времени, ее нельзя остановить, не повернуть вспять грядущее, не вернуть миг прошлого. Разрушилась белокаменная хазарская крепость и золотоордынский мавзолей, сравнялись с землей курганы, обвалились меловые пещеры, сгорели в огне деревянные башни старинных крепостей и могучие частоколы славян, ушли в небытие глубокие рвы и высокие защитные валы, рассыпались в прах челны из вековых дубов и терем хана. Но неподвластным времени осталось нетленное *слово*, завещанное нам далекими предками, не потускневшее с годами, колокольное имя «Дон»!

Немногие края России могут гордиться подобным наследием. Да, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что далеко не каждая страна обладает подобным богатством. Край Дивных Гор — это место, где душа человека преодолевает земное притяжение и начинает по-орлиному парить над меловыми кручами. С высоты птичьего полета ей отчетливо видна жемчужная россыпь героической истории Отечества, нанизанная на синюю ленту Тихого Дона. В реке времени отражаются белоснежные отроги придонских круч, на которых начертаны письмена прошлого. Ни в одной стороне земли не сыскать подобного. И как важно нам, нынешним, осознавать, какой духовной ценностью обладаем.

Челн, найденный на Дону в 1990-х гг.

Пещерный храм

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ПРИДОНЬЯ

*На всякого Егорку
Есть поговорка*

Самый верный путь к пониманию культуры народа — изучение его языка и фольклора. Для этого мы познакомимся с пословицами и поговорками, распространенными в нашем крае с давних времен. Особенно это заметно на примере Лискинского района. Исторически так сложилось, что его территория заселялась русскими и украинцами. Соответственно и языковая их культура взаимообогащалась. Здесь, в Лисках, проведена большая работа по систематизации этого языкового материала. На страницах лискинского краеведческого альманаха «Тихий Дон» №3 («Русская Украина») в скором времени будут представлены читателю более тысячи малоизвестных старинных и современных пословиц и поговорок. Русские и украинские, они легко заимствуют лексический материал друг у друга, иногда даже без малейших переделок понятны и близки любому русскому человеку — будь он великоросс или малороссиянин, как называли себя русские и украинцы до 20-х годов XX века.

К таким пословицам относятся русские: «Без Бога не до порога», «Терпи, казак, атаманом будешь», «Потерял — не печалься, а нашел — не радуйся», а также украинские: «Брат мій, а розум у його свій», «Відний умре — один дьякон ідє», «Рання пташка зобок набива, а пізня очіці продира» и другие.

Некоторые пословицы легко переводятся и совершенно рифмуются на обоих языках: «Своя ноша не тянет» — «Своя сіміряжка не важка». «С сильным не борись, с богатым не судись». «Богу молись, а к берегу гребись». «Козачому роду нема переводу» и прочие.

Хотя встречаются пословицы, которые трудно приспособить на иной лад, например, украинские: «Где хатка, там и паніматка». «Гуртове — чортове». Или русские: «Смелость города берет, а трусость кандалы трет».

Некоторые пословицы заимствованы из украинского языка и применяются в русской речи без какой-либо адаптации с применением украинских слов: «На тебе, Боже, что мне негоже», «Я ничего не знаю, моя хата с краю». Украинцы также заимствовали пословицы без перевода с русского языка: «Грех от Бога и стыдно от людей», «Грех воровать, да нельзя миновать».

Участие в кровопролитных войнах плечом к плечу и общие угрозы сблизили народы до состояния неразделимости. Так появились пословицы: «Сам погибай, а товарища выручай». «Где жить — там служить».

Верноподданнические пословицы: «Суд Божий, а гнев царев», «Каков царь — таков и псарь», «За Богом молитва, за царем служба не пропадет» или «Без царя нельзя жить, як дереву без коріння».

Мудрая пословица помогала выжить людям в непростых условиях постоянных засух и недородов, а как следствие — нужды и голода: «День не едят, два дня переждят, а потом опять не едят», «Нужда дядею зовет», «Как ни быть — лишь бы жить», «Потерпим горе — поьем мед», «Хата бела, да без хлеба беда», «Сытый голодного не разумеет, а богатый по-бедному не рассуждает».

Край казачьей воли и свободолюбивых людей сочинял свои пословицы: «Як сів на коня, так і воля моя», «Хоть гірше, та иньше», «Не все на Руси (гладкие) караси, и (колючие) ерши попадаються», «Богачу рыло сворочу», «Где воля, там и

дорога». Тут же упрекающее в забвении бычав казачьей славы ироничное: «Твій дід був козаком, твій батько — син козачий, а ти — хвіст собачий».

Военные батальоны не могли не оставить следа в языке современников: «Турки валяються, как чурки, а наши без голов, да стоят», «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», «Ах — как солдатский мах». Тут же ироничные: «Вчера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал», или «Лягушек выгонял из-под пушек».

Постоянные угрозы со стороны Дикого поля и нескончаемые набеги неприятеля не могли не оставить следа в словесном фольклоре: «Тут и торговля така — аби сидячого татари не взяли», «Трудно, как татарину, на Русь идти».

Некоторые пословицы были актуальны долгие годы и сохранили злободневность до недавнего времени: «Я не ездок в Моздок». Другие даже укрепили свою актуальность: «Это было во время оно, когда видели Наполеона».

Особо хочется выделить такое удивительное явление, как актовые пословицы. Эти образчики народного творчества взяты из нормативных документов своего времени и как нельзя точнее передают дух прошлого: «За Воронежем степь не загорожена». «Докащчику — первый кнут, // втора поляпуха».

Живя рядом, великороссы и малороссы не обходились без доброй шутки, обращенной друг на друга. Так, на украинских свадьбах аналог великорусского «горько» по-украински звучал: «У чарці москаль з лаптями сидить». Или упрощенный вариант «У чарці лапоть // лыко от лаптя» (украинцы ассоциировались с сапогом, а русские крестьяне — с лаптем). Великороссы шутили: «Господи благослови, святые москали, а вы, хохлы — праведные» или «Упряма, как хохол».

Способные посмеяться и сами над собой, украинцы говорили: «Як хохол за сало вчипивсь», а русские: «Русский человек взад умен и в рот растет». Эта пословица повторяется с самоиронией как русскими, так и украинцами и в наше время: «Силен русский мужик задним умом», в другом случае звучит: «Хохол взад умен».

Авторство составления пословиц чаще всего принадлежало мужчинам. Об этом свидетельствует обилие поговорок, с иронией говорящих о женщинах, и практически нет ни одной поговорки, укоряющей мужское достоинство: «Не завидуй, Арина, Марине, обе равны — черти

с рыболовами, лесниками и многими крестьянами Селявного, Сторожевого, Митяевки, Тресоруково и других сел губернии. Для крестьян Кольцов сделался своим человеком». Именно здесь он черпал вдохновение, стал личностью и поэтом.

Трагическая страница в истории Лискинской земли связана с гибелью Николая Алексеевича Северцева — знаменитого русского зоолога, зоогеографа и путешественника. В январе 1885 года у села Духовое оборвалась его жизнь. Он отправился с соседом — помещиком Василием Михайловичем Стрижевским — на станцию Лиски, чтобы оттуда поездом уехать в Москву. В сильную гололедицу коляска вместе с лошадьми и пассажирами рухнула вниз с крутого берега в образовавшуюся полынью. Северцев получил переохлаждение и умер на месте.

Особенно много имен выдающихся людей, посетивших Лиски, отмечается с конца XIX века, когда близ села Новопокровского начала функционировать узловая станция.

1892 год украсили страницы лискинского краеведения визитом двух выдающихся классиков русской литературы того времени. Известный журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург А.С. Суворин и писатель, врач А.П. Чехов проездом были на станции Лиски. Из их переписки видно, что путешествие до Боброва (точнее до с. Коршево, где родился Суворин) они совершали 2-12 февраля 1892 года. «Ровно стучали колеса поезда; пили-ели, разговаривали. До тех пор, пока, наконец, поглядев в окно, Алексей Сергеевич Суворин не воскликнул: «Ура! За приятную беседу мы отлично провели путевое время. Прошу любить и жаловать, Антон Павлович, — Лиски!» На станции Лиски задержались не более пятнадцати минут. На далеко не блиставшей чистотой станционной площади

за вокзалом стояла, выделяясь, отличная пара вороных в легких санках. Кучер, завидевший Суворина, скатился с козел и так же как бы покатился к Алексею Сергеевичу. Он оказался другом детства. Суворин немедленно кучера обнял, оторвал от земли и захохотал. Поэтому в Бобров не поехали, а чуть ли не полетели, что называется, «духом домчали». (Ю. Вылегжанин. История одной поездки. Очерк о поездке А.С. Суворина и А.П. Чехова в 1892 году в Воронежскую губернию по «голодному делу»).

В числе владений известного банкира и «железнодорожного короля России» Самуила Соломоновича Полякова, строившего в конце XIX века почти четверть железных дорог страны, числится и сл. Владимировка (Криничная экономия).

В Воронежских епархиальных ведомостях за 1898 год (в разделе, посвященном редкому событию для такой маленькой слободы, как Владимировка — посещению Анастасием, епископом Воронежским и Задонским, слободской Богоявленской церкви) отмечается, что он гостил и в Криничной экономии Даниила Самуиловича Полякова (сына Самуила Соломоновича), который является благодотворителем построенного училища, снабжает его необходимыми учебными пособиями, содержит учителей. Здесь же описывается уютная усадьба Полякова, в которой Его Преосвященство был встречен управляющим И.А. Поздрским и приглашен на ужин. Отмечается

одни». «Я царь, а ты моя тварь». «Где черт недомекнет — бабу пошлет». Или украинская — «Дэ чорт не зможе, баба поможе». Необходимо отметить, что в украинском обычае укорять женщину не принято, единичные пословицы на этот счет лишь подтверждают этот факт. Вероятно, это связано с более высоким положением женщины-хозяйки в украинской семье.

Современная поговорка «Отправят туда, где Макар телят не пас» звучала так: «Зашел Макар в кут, где телят не пасут». Поговорка «Из грязи в князи» — «Из грязи не быть князю». Пословицу «Не по уму встречают, а по платью» переиначили: «Встречают по одежке, а провожают по уму». «Не красна изба углами, а красна пирогами» звучала как «Изда красна углами, а стол — пирогами». «Цыганское солнце взшло» (луна) переиначили на казачий лад: «Казачье солнышко».

Нередко нынешние пословицы сокращены. Современная пословица «Цыплят по осени считают» является сокращением старинной — «Цыплят по осени считают, понеже коршуны летают», «По Сеньке шапка, по Ермошке колпак», «Прошел огонь, и реки, и медные трубы, и волчи зубы», «Вот тебе Бог, а вот порог, а там и на семь дорог», «Чудеса в решете — дыр много, а выскочить негде», «Мы сами с усами — только нос не оброс».

Русская пословица «За чужим кануном родителей поминать» переделана с заменой одного слова на украинский лад: «Чужим кавуном батьків поминать».

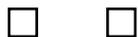
Некоторые пословицы являются фрагментом из популярных в былое время песен, притчей и анекдотов. Так украинская пословица «Діжа, діжа — треба до тебе віхтя і ножа» взята из притчи о том, как у одной неряшливой хозяйки плохо стал удаваться хлеб. Полагая, что все дело в сглазе или каком-нибудь ином колдовстве, она пригласила к себе священника, чтобы в очередной раз освятить посуду. Когда батюшка увидел, сколько грязи на кухне и в самой кадке (дежа), где месят тесто, он отказался от освящения и произнес эти слова.

«Посолится — похлебается» — из анекдота о том, как привередливому крестьянину не понравился борщ, который сварила его старая мать. Но когда человек узнал, что этот борщ варила его любимая молодая жена, тогда и борщ стал ему вполне по душе, вот он и произнес эту крылатую фразу.

При написании украинских и русских поговорок собирателями устного народного творчества зачастую применялась фонетическая графика. Так делал один из первых собирателей пословиц Черноземья А.В. Кольцов. Сохранился, например, его комментарий к пословице «Швец портной — коновал клетной» — шведы по деревням шьют по избам, а ночуют у женщин по клетям. Пословицы и поговорки Алексея Васильевича опубликованы в «Воронежской беседе» за 1861 год. Этот труд помог специалистам провести изучение особенностей воронежского и прилуцкого говора.

Словесный фольклор всегда открывает для нас мир радости и печали, мир юмора и здоровой иронии, мир остроумия и сарказма. Через фольклор мы познаем мудрость наших предков. Ничто так не раскрывает характер народа, его суть и его лицо, как пословицы и поговорки. Не сказки и притчи мы повторяем каждый день, но пословицы и поговорки — эти жемчужины народно-поэтической речи, которым присуща яркая художественная выразительность.

Изучая удивительную культуру предков, нельзя не прийти к однозначному выводу: «Русский человек создал пословицу, а пословица создала русский народ».

также, что на материальные средства Даниила Самуиловича Полякова были перестроены все три фронтона Богоявленского храма и в октябре 1893 года он был освящен в присутствии многочисленных прихожан и почетных лиц, в том числе и самого землевладельца Полякова. Участвовал Самуил Соломонович и в строительстве Козлово-Воронежско-Ростовской железнодорожной ветки (на которой появилась станция Лиски). Умер «железнодорожный король» в апреле 1888 года. Морской министр адмирал И.А. Шестаков в своем дневнике записал: «...кроме царских похорон, мне никогда не случалось видеть такой массы народа, как на проводах Полякова».

В период гражданской войны станция Лиски встречала множество «гостей», поскольку она уже была крупным железнодорожным узлом и важным стратегическим пунктом. Белые генералы на станции сменяли красных, и наоборот. В итоге получилась такая вот пестрая картина из имен, вершивших гражданскую войну.

Семен Михайлович Будённый. Советский военный деятель, герой гражданской войны, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза. Во время гражданской войны, в июне 1919 года, в Красной Армии был создан Конный корпус под командованием С.М. Буденного, успешно действовавший в пределах Воронежской губернии против белогвардейцев.

Лев Давидович Троцкий. Партийный и советский деятель, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Будучи Председателем Реввоенсовета Республики (высшего военного органа в РСФСР), неоднократно приезжал в Воронежскую губернию для руководства боевыми действиями Красной Армии, выступал на митингах, парадах, собраниях. 31 декабря 1918 года состоялся его приезд и на станцию Лиски. Лев Давидович вручал Красное Знамя 114-му полку и поздравлял бойцов с новым 1919 годом.

Вячеслав Кулаков

КАВАЛЕРИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

(Как сохранить память об уникальном гарнизоне)

Свыше 130 лет минуло с начала расквартирования предшественников 4-го запасного кавалерийского полка в городе Лиски, но до сего времени остались нетронутыми монолитные здания штаба, казармы, конюшен, мимо которых нельзя пройти без волнения. На кирпичной кладке зданий цейхгауза, штаба и других сооружений сохранились начертанные еще в 1888 года фамилии нижних чинов и унтер-офицеров, которые несли службу в суточном наряде у этих объектов. Страницы истории 4-го запасного кавалерийского полка, его предшественников и преемников хранят немало примеров стойкости, мужества и верности присяге кавалеристов, полководческого таланта их военачальников, что отмечено в боевых наградах.

В императорской России было почетным и престижным служить в кавалерии. Члены семей царствующих династий России, Австрии, Германии, Дании считали за честь быть шефами полков элитной кавалерии России. Не раз российские кавалеристы спасали Отечество от гибели. Невозможно предать забвению победы нашей армии в величайших сражениях прошлого.

XIV век: несокрушимая Золотая Орда в критический момент Куликовской битвы обращена в позорное бегство внезапным ударом засадного конного полка воеводы Боброка Волынского. Кавалерия играла решающую роль в разгроме врага во многих сражениях XVIII — XIX веков: в Полтавской битве, рейде русской конницы на Берлин в 1760 году во время Семилетней войны, кавказских войнах, сражениях с Турцией и Крымской ордой. В Бородинском сражении атака кавалерии графа Уварова, казачьих полков атамана Платова во фланг и тыл боевых порядков наступающих французов предотвратила катастрофу русской армии и полное поражение России (Наполеон не рискнул бросить в сражение свой главный ударный резерв — старую гвардию).

Кавалерия, как никакой другой род войск, зависит от таланта, предприимчивости и мгновенной реакции начальников на изменения обстановки в боевых условиях. Нерешительность бездарных руководителей в ходе военных кампаний приводила к страшным, трагическим последствиям. Битва при Калке: 20 тысяч татар уничтожили 80 тысяч русских воинов. В Кононопском сражении объединенные силы поляков, татар, украинских казаков гетмана И. Выговского уничтожили цвет русской кавалерии — 55 тысяч человек. Российское государство долго не могло оправиться от такого удара. В Первую мировую войну 1914 — 1918 годов российская армия насчитывала 36 кавалерийских дивизий — больше, чем Германия, Франция и Австро-Венгрия.

В ходе войны кавалерия была единственным подвижным родом войск — как в оперативном, так и в тактическом звене. Многочисленная, прекрасно подготовленная кадровая русская кавалерия (200 тысяч человек), а также подразделения боевого обеспечения других родов войск задействовали 3164000 голов конского состава. Однако удары русских кавалерийских корпусов фактически были малорезультативны вследствие слепого применения устаревшей тактики ведения боевых действий, полного непонимания необходимости огневой поддержки кавалеристов на поле боя, нежелания Генерального Штаба и полевых командиров считаться с реальностью насыщения войск противника мощной артиллерией, автоматическим оружием и авиацией.

Гражданская война дала блестящие примеры применения в сражениях крупных кавалерийских соединений враждующих сторон, подтолкнула к ошибочно завышенной оценке ее возможностей в стратегических операциях будущих войн с массированным применением боевой техники и мощного вооружения. С началом Великой Отечественной войны кавалерийские корпуса и дивизии, дислоцированные в приграничной зоне, приняли на себя главный удар фашистской танковой и авиационной мощи. Они несли огромные потери, но стойко вели оборонительные бои, наносили врагу контрудары по флангам и тылам. 7 кавалерийских корпусов и 17 кавалерийских дивизий удостоены высокого звания гвардейских. Ввиду полной моторизации армии в 50-х годах, кавалерия как род войск Советской Армии с 1957 года прекратила свое существование, оставив для истории блестящие примеры служения Отечеству.

В 1882 году Император Александр III переименовал в драгуны все армейские гусарские и уланские полки, в том числе и расквартированные в Лискинском и Бобровском уездах. Согласно приказу по Военному ведомству № 197 от 11 августа 1883 года из эскадронов армейского кавалерийского запаса сформированы: кадр №7 кавалерийского запаса в составе 3-х отделений из запасных эскадронов Кинбурнского, Ольвиопольского и Белорусского драгунских полков и кадр №8 кавалерийского запаса в составе 3-х отделений из запасных эскадронов Астраханского, Воскресенского и Лубенского драгунских полков. Орга-

В ходе гражданской войны на юге наметился коренной перелом. В штабах деникинских армий планировался поход на Москву. 8 августа 1919 года конница Андрея Григорьевича Шкуро и Константина Константиновича Мамонтова, прорвав фронт, ушла в глубокий рейд по красным тылам, внося панику и сумятицу в ряды красных. Двигающиеся следом полки Кутепова и Май-Маевского закрепляли успех. В середине сентября кавкорпус Шкуро форсировал Дон в районе станции Лиски, где разгорелось ожесточенное сражение с частями 8-й армии, в котором Александр Григорьевич получил тяжелую контузию. Ценою страшных потерь его казакам удалось 1 октября занять Воронеж, захватив 13 тыс. пленных, 35 орудий и многочисленные склады военной амуниции и боеприпасов. Это был пик успехов белогвардейских армий на юге страны.

Иона Эммануилович Якир — знаменитый советский военачальник, герой гражданской войны. В Воронеже, где Тираспольский отряд был на реформировании, Иона Эммануилович занялся организацией крепких красных частей. Его назначают начальником Политуправления фронта, а затем членом РВС 8-й армии. В декабре 1918 года был назначен командиром группы войск в районе Лисок, Коротояка, Острогжска. Организовал наступление против казачьей армии атамана П. Краснова, добился решающего перелома в ходе боев, в январе 1919 года был награжден орденом Красного Знамени (вторым в стране).

Знавший гражданскую войну не понаслышке писатель Андрей Платонов жил в Воронеже до 1925 года. Здесь и началась его творческая деятельность. В одном из своих художественных произведений — в «Сокровенном человеке» — Андрей Платонов живо описывает станцию Лиски. Это дает основание предположить, что он мог быть здесь: «В Лисках отдыхали три дня. Пухов обменял на оле-

низационно кадры №7 и №8 были сведены в 4-ю бригаду кавалерийского запаса с подчинением штабу Московского военного округа. Штаб бригады — в городе Боброве, Бобровского уезда. Личный состав кадра №7 и №8 размещался в селе Ново-Покровское — в казармах железнодорожной станции Воронежско-Ростовской железной дороги и частных домовладениях сельчан.

Принимая во внимание, что части и подразделения кавалерийского запаса в мирное время должны в течение года готовить ремонтное поголовье к службе в кавалерийских полках, 4-я бригада кавалерийского запаса выполняла такую же задачу. Военным ведомством было определено для этой цели получение лошадей из степных табунов и конезаводов Полтавской, Харьковской, южной части Воронежской губерний и Области Войска Донского. Выездку коней могли осуществлять хорошо подготовленные берейторы из числа унтер-офицеров и офицеров бригады.

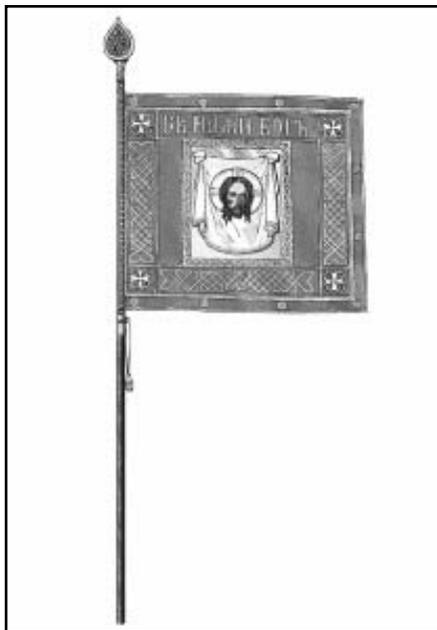
Следует оговорить, что приобрести хорошего качества ремонтное поголовье с конезаводов и табунов было далеко не просто. С этих же источников комплектовались бригады кавалерийского запаса 2-го Острогожского уезда, №6 Богучарского уезда, №5 Павловского уезда и, конечно, №4 Бобровского уезда, всего 20 эскадронов кавалерийского запаса. Трудно представить себе, каков был конкурсный отбор коней и размер расходных сумм бригадных денег на их приобретение. Подготовка ремонтных лошадей могла быть реализована при наличии должных условий размещения и жизнедеятельности личного состава и конского поголовья бригад. Анализ содержания сохранившихся карточек квартирно-эксплуатационной части на каждое строение Лискинского кавалерийского гарнизона, свидетельствует о следующем: сроки окончания строительства основных сооружений части — штаба, цейхгауза, ДОС, казармы, 9 конюшен, манежа, медицинского и ветеринарного лазаретов, изолятора для больных лошадей, пекарни, банно-прачечного комбината и других объектов датируются 1888 годом.

Здание штаба полка. Современное фото

Если учесть, что на разработку проектной документации инженерным управлением, непосредственное выполнение строительных работ (при тогдашней ручной технологии) могло уйти около трех лет, то можно предположить, что территория 4-й бригады кавалерийского запаса начала обустроиваться с конца 1884- начала 1885 года. Емкость казарменного помещения рассчитана на 500-600 чел. Штаб, ДОС, как и храм, имели индивидуальное печное отопление с дымоходами в кирпичных стенах. Конюшня по количеству денников рассчитана на 58-60 коней, т.е. на неполный учебный эскадрон. Ветеринарный лазарет оборудован на излечение 18-20 коней, а изолятор для инфекционно-больных животных — на 6-8 голов. Схема военного городка, техническое описание сооружений имеются.

К концу 1888 года 4-я бригада кавалерийского запаса могла выполнять свои задачи в полном объеме. Этот огромный объем организационно-распорядительной работы по возведению военного городка, размещению в нем личного состава и конского поголовья, обеспечению боевой подготовки кавалеристов был выполнен под контролем и при непосредственном участии начальника 4-й бригады кавалерийского запаса генерал-майора Эдуарда Фридриховича Гана. Однофамильцы Гана (возможно, одной родовой ветви) офицеры и генералы происходят из давнего обрусевшего немецкого рода Ган фон Роттенштерн, которые веками верой и правдой служили России. К слову сказать, по мысли и ходатайству генерала Э. Гана на экономические средства 4-й бригады и добровольные пожертвования ее членов в 1891 году было собрано 8000 рублей, а в 1892 году построена церковь во имя Великомученика Георгия Победоносца. Подлинного фото храма не сохранилось, но рабочий чертеж в конкретных измерениях с расчетной потребностью стройматериалов для капитального ремонта здания прилагается. Как утверждает известный историк и краевед А.Н. Акиншин, 16 сентября 1897 года Великий князь Сергей Александрович (Романов), генерал-адъютант, командующий Московским военным округом, родной

Штандарт полка. 1900 год

Вахмистр (слева) в парадной форме, 1907 год

онафт десять фунтов махорки и был доволен. На вокзале он исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления. Плакаты были разные. Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты на ризе Георгия Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая, и из-под звезд виднелись опять-таки кресты...»

Посещал Лиски и писатель, журналист Александр Серафимович. Автор романов «Город в степи», «Железный поток», и других произведений о казачьей жизни. Летом 1938 года Серафимович решил очередной отпуск провести на Дону, в родных местах. Сойдя на станции Лиски, писатель задержался здесь на несколько дней. За это время он поделился своими творческими планами на общегородском собрании молодежи. Состоялось оно на летней площадке клуба железнодорожников. На нем присутствовало свыше тысячи молодых рабочих, служащих, учащихся старших классов школ города. На встречу с писателем пришла молодежь близлежащих сел: Залужного, Лисок, Песковатки, Старой Покровки.

В годы Великой Отечественной войны на Лискинской земле оставили след многие легендарные военачальники Красной Армии.

Боевые действия Воронежского фронта летом и осенью 1942 года являлись частью Сталинградской битвы. В те дни в частях и соединениях в районе станций Лиски-Давыдовка с группой инспекторов побывал Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. А 3 января 1943 года с целью рекогносцировки (перед наступлением в рамках Острогжско-Россошанской операции) Лискинское направление (в нейтральной зоне Щученского плацдарма, на высоте 177) посетили Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский.

брат императора Александра III, проинспектировал в числе других и 4-ю бригаду кавалерийского запаса. А именно: кадр №7 — начальник полковник Александр Корниенко и кадр №8 — начальник полковник Дмитрий Нацвалов. Великий князь остался доволен уровнем боевой подготовки кавалеристов, четкими и вразумительными докладами генерала Э. Гана, полковников Корниенко и Нацвалова (газета Воронежский курьер от 16.02.2013).

Что же лежит в основе столь ревностного отношения к исполнению служебных обязанностей кавалеристами? Ответ кроется в воспитании личного состава на боевых традициях. Каждый запасной эскадрон бригады был наследником доблести и славы своих предшественников — гусарских и уланских полков, и не мог поступать иначе. Справедливости ради, считаю возможным вспомнить о них:

1) 8-й драгунский Астраханский генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полк. Штандарт Георгиевский с надписью «За двукратный переход через Балканы в 1877 году, 1798-1898 годах». Обладатель Георгиевских наградных серебряных труб с надписью «Астраханскому Кирасирскому полку за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году», пожалованы 13 апреля 1813 года.

2) 7-й драгунский Кинбурнский полк. Штандарт Георгиевский (св. Николай Чудотворец) с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877-1878 годах и 1798-1898 годах». Учрежден императором Павлом I в октябре 1787 года в честь победы Суворова А.В. над турецким десантом на Кинбурнской косе. 20.08.1898 года полку пожалована юбилейная Александровская лента.

3) 7-й уланский Ольвиопольский короля испанского Альфонса XIII полк. Штандарт Георгиевский с надписью «4-му Бугскому уланскому полку за отличие при покорении города Энсса в 1829 году». Награжден 19-ю серебряными трубами с надписью «2-го Украинского казачьего полка 30 августа 1814 года за усмирение Трансильвании». Участник сражения с французами при Вильно, Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Бриенне, Мезон-Руже, Фершампенуазе и др. Георгиевский штандарт хранится в музее Зимний дворец в Санкт-Петербурге.

4) 8-й уланский Вознесенский Ея Императорского Величества Княгини Татьяны Николаевны полк. Штандарт Георгиевский с над-

писью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годах». Награжден 6-ю серебряными трубами с надписью «1-го Украинского полка 30 августа 1814 года». Знаки «За отличие» за подвиги при усмирении Польши пожалованы 06.12.1831 года.

5) 8-й гусарский Лубенский полк. Штандарт Георгиевский с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годах и 1807-1907 годах». Знаки на головные уборы «За отличие» за подвиги в войне с французами в 1812-1814 годах, в особенности в сражении при Лейпциге, пожалованы 30.05.1814 года. Полк сражался с французами в 1812-14 годах при Кобрине, Городечно, Волоковом, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Берлине, Париже и др.

6) 7-й гусарский Белорусский Императора Александра I полк. Штандарт Георгиевский с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877-1878 годов и 1803-1903 годов». Награжден 22-мя серебряными трубами с надписью «За отличное мужество и храбрость в Турецкую войну 1829 году», пожалованы 11.09.1832 года. Знаки отличия на головные уборы «За отличие 14 августа 1813 года» пожалованы 15 сентября 1813 года за участие в сражении при Кацбахе. Личному составу 4-й бригады кавалерийского запаса было с кого брать пример, на кого равняться!

В приказе №197 от 11.08.1883 года по военному ведомству в формировании бригад кавалерийского запаса указывалось, что в мирное время им надлежит готовить ремонтных лошадей для соответствующих кавалерийских полков. В военное время — формировать запасные эскадроны, идущие на восполнение убыли людей и лошадей в действующих полках.

Особое внимание уделялось выезде коней и обучению кавалеристов тактике действий, максимально приближенных к боевым условиям. Спустя 7 лет Военный совет разработал Положение, Высочайше утвержденное 26 апреля 1901 года и объявленное в приказе по военному ведомству № 229 от 17 июня 1901 года, согласно которому 4-я бригада кавалерийского запаса, как и семь других бригад в соседних уездах, переформировывалась в запасной кавалерийский полк 6-эскадронного состава. Штат предусматривал:

1) Управление полка (7 штаб-офицеров, священник, его помощник, делопроизводитель, штаб-трубач, квартирмейстер);

Краевед И.А. Афанасьев в книге «Лискиведение» («На безымянной высоте». Стр. 211) пишет: «Чтобы военачальники такого ранга с целью рекогносцировки вражеских позиций выходили за передний край своих войск — такое за годы войны было, пожалуй, единожды. И произошло это на Лискинской земле в период подготовки Острогжско-Россошанской наступательной операции».

Упоминает наше краеведение и сына легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева — Александра... Первый дивизион майора Коробко был расположен в районе санатория имени Цюрупы — с. Духовое для участия в прорыве со Щученского плацдарма. На рассвете 29 января 1943 года в его расположение прорвалась крупная группа немцев. Совершенно неожиданно на помощь нашей первой дивизии появилась группа противотанковой артиллерийской бригады майора Александра Васильевича Чапаева. Его артиллеристы с ходу ринулись в бой. Чапаев умело руководил огнем, а когда враг подошел вплотную, повел бойцов в штыковую атаку. За героическое освобождение села Щучье Александру Васильевичу Чапаеву (будущему генералу) было присвоено звание Почетного гражданина села Щучье.

Венгерский писатель-антифашист Иллеш Бела (на снимке), автор нескольких романов, в том числе «Обретение Родины», посвященном событиям Второй ми-

ровой войны и освобождению Венгрии, участвовал в боях на Воронежском фронте. 29 октября 1942 года он прибыл на Сторожевской плацдарм в ряды 25-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. Вместе с работниками политотдела несколько раз был на переднем крае, по радио рассказывая своим землякам правду о фашистских руководителях Германии и их пособниках в Венгрии.

Сохранился текст его обращения к солдатам, который разыскали школьники из клуба «Поиск» 118-й средней школы Москвы: *«Венгерские солдаты! Гитлер гонит вас на убой. Долой Гитлера! Долой поджигателей войны! Венгерские солдаты! Офицеры обманывают вас, рассказывая, будто советские бойцы и командиры издеваются над пленными. Не верьте этой лжи! Советское командование гарантирует вам жизнь и возвращение на родину после войны. Венгерский солдат, тебя ждут жена, дети, родина. Кончай войну! Сдавайся в плен! Сдачей в плен ты сохранишь жизнь для себя, своей семьи, своей родины. Венгерские солдаты! Сдавайтесь в плен! Это единственный способ сохранить свою жизнь. Сталин своим приказом № 55 гарантирует жизнь всем военнопленным. Сдавайтесь в плен! Кончайте войну!»*

В июле 1969 года село Щучье принимало высокого гостя.

Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков получил там звание Почетный гражданин села с одновременным вручением диплома и красной ленты с надписью «Бывшему командующему Воронежским фронтом за героизм в Великой Отечественной войне и за умелое руководство войсками при освобождении села Щучье».

На сайте «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», источниками информации которого являются фонды Центрального Архива Министерства Обороны РФ (ЦА МО), нахо-

2) 6 запасных эскадронов (в составе командир-ротмистр, 2 обер-офицера, 1 вахмистр, 7 взводных унтер-офицеров, 8 ефрейторов, 140 рядовых);

3) Подразделения обеспечения (учебная команда унтер-офицеров, медицинский и ветеринарный лазареты, команда кузнецов, команда трубачей, учебные ветфельдшеры, портные, обозные, оружейный и шорные мастера, ответственный за цейхгауз и пороховой погреб, пекари, всего 63 чел. нижних чинов и гражданского персонала).

Всего по штату: офицеров — 28, вахмистров — 6, унтер-офицеров — 24, ефрейторов — 32, рядовых — 840.

Вооружение: карабины «Бердана-2», револьверы-пистолеты, пашки драгунские.

4-му запасному кавалерийскому полку была поставлена задача готовить ремонтное поголовье лошадей и личный состав для 18-го гусарского Нежинского, 17-го гусарского Черниговского, 16-го гусарского Иркутского и 16-го уланского Новоархангелогородского полков.

Переменный состав — молодые кавалеристы проходили начальное обучение в маршевых эскадронах для упомянутых гусарских и уланских полков. Полковой праздник отмечался 23 апреля в день Великомученика Горгия Победоносца. Командирами полка в разное время были: полковник Осип Иванович Липский (28.11.1901 — 16.12.1908 г.); полковник Петр Матвеевич Мачинский (28.01.1909 — 10.06.1911 г.); полковник Федор Иванович Лен (11.07.1916 — 31.03.1917 г.); полковник Николай Николаевич Де-Витте (с 20.09.1917 г. (РГВИА, фонд № 8037, ф. 407, т. 1, д. 2256).

По данным краеведа А. Гордышевой в памятной книге Воронежской губернии за 1908 год приводится следующий списочный состав 4-го запасного кавалерийского полка. Управление: командир-полковник О.И. Липский, помощники, по строевой части — полковник Н.А. Титович, по хозяйственной части — подполковник В.Г. Натанзон; командиры эскадронов: 1-го ротмистр Н.П. Жолтановский, 2-го ротмистр С.О. Назретов, 3-го ротмистр Д.М. Михайлов, 4-го штаб-ротмистр И.Г. Николи, 5-го штаб-ротмистр В.В. Протопопов, 6-го ротмистр М.Е. Вржец. Полковой адъютант штаб-ротмистр Н.Н. Суцеский. Начальник полковой учебной команды штаб-ротмистр Н.И. Мантефельд-Цеге. Младшие офицеры: штаб-ротмист-

Младший комсостав с командованием
10-го запасного кавалерийского полка. 1932 год

ры И.Г. Шмырев, И.И. Чуенко, П.А. Дирдовский, К.Н. Игнатъев, К.М. Величковский, А.Л. Мюфле, И.И. Блинов, Н.В. Кононцев (казначей), К.П. Клименко, Б.Т. Скоповский, поручик А.Н. Вольский, Т. В. Карташов. Старший врач — коллежский советник Е.И. Кларк, младший — И.В. Неаполитанский. Старший ветеринарный врач — надворный советник М.И. Горянский, младший ветврач — Н.Г. Парвицкий. Делопроизводитель по хозяйству — коллежский регистратор И.М. Манухов-Закревский, капельмейстер — коллежский регистратор В.П. Заткевич.

Из приведенных выше фамилий наибольший интерес вызывает штаб-ротмистр Н.И. Мантефель-Цеге, выходец из баронского рода Мантефелей (Померания), известного с XII века. Как утверждает автор статьи В. Глебов («Воронежский курьер» от 31 июля 2013 года) на основе личной встречи с одним из представителей рода Цеге-фон-Мантейфелей, в начале XVIII века их род был внесен в дворянский матрикул трех прибалтийских государств, которые присоединились к России. Выходцы из рода Мантейфелей служили в российских войсках, становились военачальниками. Всегда были верными присяге и долгу.

В штатном расписании офицеров полка за 1914 год произошли некоторые изменения: командиром полка назначен полковник М.В. Желтухин, на должности помощника командира по строевой части назначены полковник Н.К. Денисов и подполковник В.А. Усов. Получил повышение и очередное воинское звание «подполковник» помощник командира полка по хозяйственной части бывший командир 3 эскадрона ротмистр Д.И. Михайлов. Как проявившие исключительные способности в воинской службе и закончившие академию штаб-ротмистр К.Н. Игнатъев назначен на должность командира 3 эскадрона с присвоением воинского звания ротмистр, а начальник полковой учебной команды штаб-ротмистр барон Мантефель-Цеге удостоен очередного звания ротмистр и должности командира 2 эскадрона полка.

Бывший младший офицер штаб-ротмистр К.П. Клименко утвержден в должности командира 1 эскадрона с получением очередного воинского звания «ротмистр». Полковым адъютантом назначен штаб-ротмистр П.И. Снитко, а полковым казна-

дится Призывной лист на Героя Советского Союза Мелитона Варламовича Кантария. Личность эта легендарная: вместе с Михаилом Алексеевичем Егоровым и Алексеем Прокофьевичем Берестом он водрузил Знамя Победы над куполом рейхстага в поверженном Берлине 30 апреля 1945 года.

Но сенсационным фактом для нашего краеведения было то, что призывался Кантария на фронт в 1941 году Лискинским военкоматом Воронежской области! Подтвердил это и его племянник, Кандид Георгиевич Кантария, который был гостем Лискинского музея накануне Дня Победы 9 мая 2012 года.

Во второй половине XX века станцию Лиски русские писатели-классики увековечили сразу в нескольких художественных произведениях. Зимой 1945-46 гг. Борис Леонидович Пастернак начал реализацию своего главного замысла — романа «Доктор Живаго». В четвертой его главе писатель упоминает станцию Лиски, что позволяет предположить, что он бывал здесь проездом: «Убедившись в бесполезности своих розысков на расстоянии, Лариса Федоровна решила перенести их на место недавних происшествий. С этой целью она поступила сестрой на санитарный поезд, отправляющийся через город Лиски в Мезо-Лаборч, на границу Венгрии» (Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Роман. — М, «Кн. Палата», 1989. с. 92.)

Упоминает в своем творчестве станцию Лиски и писатель Сергей Сергеев-Ценский. В романе «Искать, всегда искать!» главная героиня Таня вспоминает станцию Лиски, где она была «кисло-вишневым летом».

В сентябре 1959 года в станции Вешенской состоялся слет передовиков промышленности и сельского хозяйства. Направлявшиеся туда Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич

чем стал штаб-ротмистр А.А. Елкин. Начальником учебной команды назначен штаб-ротмистр Семенихин В.А. Младшими офицерами полка утверждены штаб-ротмистры Б.Т. Скоповский, В.Р. Шелпот, А.Н. Баггоут, С.В. Кутченко, А.А. Крундышев, В.А. Наркевич, корнет А.А. Ильяшенко.

4-й запасной кавалерийский полк остался в подчинении 1-й бригады кавалерийского запаса (ее управление — город Воронеж, переулоч Покровского, дом 10). В должности начальника бригады состоял генерал-лейтенант И.А. Еропкин.

Февральская буржуазно-демократическая революция, отречение царя и приход к власти Временного правительства Керенского положили конец относительной стабильности в обществе и государстве. 5 марта 1917 года около двадцати часов вечера нижние чины эскадронов 4-го кавалерийского полка толпами собрались у канцелярии полка и стали требовать у полкового адъютанта штаб-ротмистра Боровского и штаб-ротмистра Снетко объяснений, почему им не сообщают о государственном перевороте. Хотя некоторые офицеры полка уже ознакомили солдат с актом отречения царя и текстом манифеста. Также требовали сообщить причину отмены торжественного молебна новой власти в полковом храме.

Солдаты требовали арестовать командира полка полковника Лена, спасая которого командир 1-й бригады кавалерийского запаса барон Врангель, отправил в отпуск в Петербург. Надо отдать должное священнослужителю полковой церкви протоиерею Богословскому Алексею Витальевичу. Кавалеристы всегда внимательно и доверительно относились к его словам, зная о суровой школе выживания, которую он прошел в условиях Туркмении, его участия в боевых действиях, высоких наградах (два ордена «Святой Анны», золотой наперсный крест из рук Императора «За храбрость»). Одновременно совет солдатских депутатов 4 запасного кавалерийского полка выразил письменное недоверие начальнику 1-й бригады кавалерийского запаса генерал-майору барону Врангелю. 10 апреля 1917 года командир бригады в рапорте командующему Московским военным округом попросил освободить его от командования бригады. Просьба была удовлетворена. После полугодового безвластия на должность командира 4-го запасного кавалерийского полка назначен полковник Алексей Витальевич Богословский.

лерийского полка был назначен полковник Н.Н. Де-Витте. Жизнедеятельность полка, боевая подготовка личного состава вошли в свое русло, хотя совет солдатских депутатов и пропаганда большевиков «здорово помогали» командованию.

Анализ содержания текста приказа по 4-му запасному кавалерийскому полку № 273 от 22 сентября 1917 года (подлинник хранится в Лискинском историко-краеведческом музее) свидетельствует о напряженной боевой учебе кавалеристов. На день издания приказа от травм и заболеваний находились на излечении в госпитале 57 нижних чинов, в медицинском лазарете полка — еще 42 человека. На занятиях на летнем и зимнем манеже, полосе препятствий получили травмы и находились на излечении в ветеринарном лазарете 181 строевой конь. В приказе по полку указывалось прибытие молодого пополнения и убытие в полки подготовленных кавалеристов.

Личный состав 4-го ЗКП не участвовал в карательных операциях против населения. В начале марта 1918 года декретом Советской власти 4-й ЗКП был упразднен. Часть офицеров и нижних чинов примкнула к революционному движению. Полковник Усов стал командиром вновь сформированного конноартиллерийского дивизиона, который вместе с красногвардейцами воевал против кайзеровских оккупантов, белоказачьих частей Краснова и Шкуро.

С окончанием гражданской войны в 30-е годы на территории Лискинского гарнизона был развернут 10-й запасной кавалерийский полк Московского военного округа. Полку была поставлена задача его предшественников: готовить конское поголовье и личный состав для укомплектования строевых частей Красной Армии. Штат полка включал:

1) Управление в составе: командир, заместитель командира части, комиссар, политрук, начальник штаба, зам. начальника штаба, начальник ветеринарной службы, начальник медицинской части, оружейник, казначей, писарь, штабной трубач;

2) 4 сабельных эскадрона трехвзводного состава по 40 человек в каждом. В эскадроне 7 офицеров, 4 помощника командира взвода, 9 отделенных командиров, 1 старшина, 4 ездовых, 3 кузнеца. Общая численность 132 человека.

3) Батарея 76-мм орудий (два огневых взво-

Хрущев и дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии, писатель Михаил Александрович Шолохов проезжали через станцию Лиски. По заданию Министерства речного флота в Вешенскую для обслуживания участников слета и использования в качестве гостиницы был направлен пассажирский теплоход пристани Лиски ВТ-302. Во время пребывания в Вешенской теплоход посетили Хрущев и Шолохов. За образцовое выполнение задания министерства одиннадцати членам экипажа судна во главе с капитаном Г.Г. Каруной была объявлена благодарность и выдана денежная премия. На снимке: высокие гости во время посещения теплохода. (Справа, молодой человек в форме, будущий лискинский краевед — Афанасьев Игорь Алексеевич. (Журнал «Речной транспорт», 1959 г.)

Кстати, Михаил Александрович Шолохов несколько раз был на станции Лиски. Одно из пребываний писателя здесь запомнилось анекдотическим случаем. В медицинский пункт железнодорожного вокзала поступил больной — пожилой мужчина, седой, невысокого роста. Его сняли с поезда «Тихий Дон» в связи с жалобами на плохое самочувствие. Мужчина был подвыпивши, и дежурный врач, оказывая помощь пациенту, одновременно занялась его воспитанием.

— Теперь вот отстанете от поезда, а вас, наверное, где-то ждут...

— Я распорядился отцепить свой вагон. Он пойдет ближайшим попутным рейсом.

Врач, конечно, могла подумать, что у пациента не только физическое расстройство, но и психическое. Но когда она стала записывать фамилию больного в журнал: Шолохов... Михаил Александрович — конечно, все поняла и почему-то испугалась за свой резкий тон и поучительную речь. Больной, как мог, успокоил, поблагодарил, записал адресок, и через какое-то время врачу пришла подарочная посылка. Ужинал тогда М.А. Шолохов в ресторане «Дон». Было это в середине 60-х годов, почти 50 лет назад.

Михаил Александрович не только побывал в Лисках, но и увековечил их в своем романе «Тихий Дон»: «Петро тронул со двора и, как гость, ворота оставил открытыми. Вез и он подарок могущественному теперь сослуживцу: кроме самогона — отрез доверенного шевиота, сапоги и фунт дорогого чая с цветком. Все это раздобыл он в Лисках, когда 28-й полк с боем взял станцию и рассыпался грабить вагоны и склады...» (Роман «Тихий Дон». Книга третья. 1985. — 132 с.)

В 1971 году, с января по май, замечательный советский поэт и журналист Алексей Тимофеевич Прасолов отдыхал в санатории «Дивногорье» Лискинского района Воронежской области. Выдержки из его писем, адресованные жене Р.В. Андреевой-Прасоловой, красноречиво говорят о его любви к этой местности, где он бывал с удовольствием.

...«Во мне зреют «Дивы»! Уже думаю стихами, уже записал отрывок:

*Скажи мне, Див, в который век
Узнал, под скреблами увечья,
Что чем ничтожней человек,
Тем больше падок он
на вечность!*

25 января 1971 года».

да по 3 орудия). Всего 4 офицера, 49 младших командиров и рядовых.

4) Пулеметный эскадрон, 6 пулеметов «Максим».

5) Подразделения боевого обеспечения и тыла: школа младших командиров — 50 чел., взвод кузнецов — 13 чел., школа ветеринарных фельдшеров — 20 чел., отделение химиков — 5 чел., писари штаба — 7 чел., полуэскадрон связи — 1 офицер, 15 рядовых, отделение шорников-седельников — 5 чел., пекари — 3 чел., хозвзвод — 20 чел., нестроевая команда — 10 чел.

Всего по штату в полку: 50 офицеров, 750 красноармейцев, 663 строевых коня, 6 76-мм орудий, 6 пулеметов «Максим», 58 револьверов «Наган», 663 карабина и столько же пашек.

Командиром полка перед войной был комиссар 3 ранга Рудчук Петр Лукич, участник гражданской войны, награжден двумя орденами Красного Знамени, замечательный педагог, прекрасно подготовленный кавалерист. В 1940 году он был выдвинут на должность командира кавалерийской бригады, принимал участие в сражении с фашистами за Москву.

Комиссар полка Михеев, опытный воспитатель личного состава, пользовался огромным авторитетом у личного состава, по ложному доносу был репрессирован органами НКВД с отбытием десятилетнего тюремного наказания в ИТЛ на Севере. По возвращении в город Лиски он попал в трудную житейскую ситуацию, жена отказалась от него, и только благодаря помощи генерала Рудчука после войны с него была снята судимость, назначена и выплачена большая пенсия, состоялась новая семья.

Начальник штаба полка майор Сабуров — малообщительный, строгий, скрупулезный человек. Заместитель начальника штаба полка майор Прокопович, уроженец города Москвы, был арестован органами НКВД. Семья распалась, жену и троих детей, как родственников врага народа, выселили из квартиры, лишили работы, судьба их неизвестна. Офицер штаба полка майор Багино, честный и порядочный человек, вместе с женой удочерили сироту, подобрал ее на вокзале в городе Воронеже. Был репрессирован, девочку забрали в детдом, судьба жены неизвестна.

Командир эскадрона капитан Иванников, храбрый, прекрасно подготовленный офицер, в совершенстве владел пашкой и пикой, посто-

янно был инициатором конных соревнований между эскадронами. В конце 1941 года при налете фашистской авиации на железнодорожный узел Лиски был убит осколком авиабомбы. Командир эскадрона капитан Кожевников, выходец из донских казаков, прекрасный спортсмен-кавалерист, владел сам и предметно обучал красноармейцев умению использовать в бою пашку и пику, погиб в бою в начале войны. Командир эскадрона капитан Бибииков в 1938 году уехал на курсы офицерского состава и в полк не вернулся. Командир эскадрона младший лейтенант Пальчиков Сергей Никитович, волевой, решительный, подготовленный офицер, участвовал в боях за Москву, попал в плен и чудом остался жив. Пользовался огромным авторитетом в коллективе и у окружающих, проживал в городе Лиски, умер 12 января 1997 года на семьдесят восьмом году жизни, похоронен в городе Лиски. Командир эскадрона, выросший в полку от помощника командира взвода до майора Ананьев Моисей Васильевич, настоящий офицер-кавалерист, ответственный и серьезный, заботливый человек, погиб в бою в 1942 году под Луганском.

Капитан Продиус, военврач полка, самый внимательный и грамотный специалист, медпункт содержался при нем в идеальном состоянии. Ветеринарный фельдшер Дегтярев Григорий, пожилого возраста, уважаемый специалист; конюшни эскадронов, как и ветлечебница, поддерживались в идеальном состоянии. Чистоту конского состава проверял носовым платочком. Его сын Дмитрий Григорьевич после войны стал директором школы №13, известным краеведом и историком, положившим начало системному и глубокому изучению Лискинского края.

Командир полуэскадрона связи капитан Калинин Сергей Иванович прекрасно знал имеющуюся в подразделении технику радиотелефонной связи, на маршах обеспечивал бесперебойную связь управления полка с эскадронами. В предвоенные годы 10-й запасной кавалерийский полк был на хорошем счету у командования Красной Армии, его трижды инспектировали представители Наркомата обороны страны Ока Иванович Городовиков и Семен Михайлович Буденный, которые неизменно ставили самые высокие оценки уровню боевой подготовки личного состава полка.

С началом войны в июне 1941 года на базе 10-

«Сейчас спустился с Див. День в солнце, не вытерпел — полез и набросал самый крайний крупным планом — с нишами, изломами. Освещение — роскошь! Мел, солнце, снег и тяжелая синева неба. А у меня — только карандаш... Схватил, вернулся в келью, часть затуманивал.

8 февраля 1971 года».

18 апреля 1970 года в лискинской районной газете «Ленинское знамя» были опубликованы стихи известного советского поэта Бориса Абрамовича Слуцкого «Надо, значит надо», «Убежденность», «Учебная музыка», «Летний дождик». И на страницах районной газеты звучал неповторимый голос поэта:

Убежденность,
с которой сын из окопа
Пишет матери:
«Все хорошо у меня!»
Убежденность,
срывающая оковы
И пылающая
светлее огня.
Убежденность
не в бытии,
а в сознании,
в том, что будет,
Как надо,
Как следует быть,
Жизнь до жизни
Предчувствующая заранее,
Смерть до смерти
Готова,
Как рюмку, испить.

Вместе со стихами Бориса Слуцкого была напечатана и его записка, которую он специально написал для своей подборки: «Ровно 27 лет назад наша 20-я гвардейская дивизия проездом с Западного фронта на 3-й Украинский ночевала в Лисках. До сих пор помню разбитые бомбежкой пути и руины, которые тогда окружали станцию. То, что Лиски отстроились, выросли и похорошели, — это радость не только для лискинцев, но и для всех советских людей. Борис Слуцкий» (Архив: №40. 05.10.2012. «Ах, вино взбудило кровь». Анатолий Нестеров).

Генеалогическое древо мировой оперной «звезды» — Дмитрия Александровича Хворостовского, своими корнями произрастает из Лискинской земли. Бабушка Дмитрия (по линии отца) Екатерина Павловна Барабанова (на снимке справа внизу) родилась в Лисках, в большой семье потомственного железнодорожника. Катя Барабанова активно участвовала в художественной самодельности в клубе железнодорожников. Ее влекло к музыке. Однако жизнь распорядилась иначе. После окончания рабфака Екатерина успешно сдала экзамены в Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта, а после замужества переехала в Красноярск.

Гостеприимна и щедра Лискинская земля. По-своему уникальна здесь и социокультурная среда, золотой запас которой — люди. Известные и неизвестные, талантливые и обычные, но все они особенны — под стать богатой красоте края. И, возможно, имена тех, кто сегодня живет рядом с нами, завтра появятся на страницах истории. Человек не может жить без прошлого, не может твердо и уверенно нести по жизни свои идеалы и принципы без ощущения постоянной связи с традициями, обычаями, духовными ценностями ушедших поколений.

Анна ГОРДЫШЕВА

В статье частично использованы материалы краеведа И.А. Афанасьева, хранящиеся в фондах Лискинского историко-краеведческого музея.

го кавалерийского полка были отобилизованы основные подразделения 54-й и 46-й кавалерийских дивизий. Огромное внимание уделялось сколачиванию подразделений, патриотическому и духовному воспитанию, укреплению связей с местными органами власти и ответственностью, но храм полка был закрыт и использовался как клубное помещение.

В начале 1942 года подразделения 10-го запасного кавалерийского полка были передислоцированы своим ходом в район Каменки-Белинской под город Пензу, в пути следования неоднократно подвергались бомбежкам и понесли большие потери в конском поголовье и личном составе. 15 июля 1942 года остатки полка были переданы на доукомплектование других кавалерийских частей Приволжского военного округа. Кавалеристы 54-й и 46-й кавалерийских дивизий, куда вошли офицеры и рядовые 10-го кавалерийского полка, храбро защищали Москву и не уронили славы своих предшественников.

На основании Директивы Генерального штаба № орг/9/46/616 от 12.03.1947 г., а в ее исполнение Директивы штаба Ордена Ленина Московского военного округа № 576 от 14.04.1947 г., в апреле-мае 1947 года в г. Ржеве Калининской области была сформирована отдельная войсковая часть, основной задачей которой была организация ремонта артиллерийского и стрелкового вооружения, поступающего из частей и соединений ОЛ МВО. В процессе своего формирования войсковая часть приняла на хранение и ремонт большое количество вооружения от 33-й стрелковой дивизии.

16 октября 1947 года, согласно Директиве командующего войсками ОЛ МВО № 4714 от 18.09.1947 г., войсковая часть под командованием подполковника Володкина А.Ф. была передислоцирована в г. Лиски, где ранее был расквартирован 10-й запасной кавалерийский полк. Территория части стала закрытой для доступа посторонних. В этот период там происходило расформирование частей 6-й Гвардейской кавалерийской бригады. Конское поголовье передавалось в колхозы для производства сельхозработ, личный состав увольнялся в запас, холодное и огнестрельное оружие складировалось, а затем утилизировалось. 10 декабря 1960 года Директивой штаба ОЛ МВО № орг/02285 артиллерийской базе подполковника Володкина А.Ф. было присвоено наименование «войско-

вая часть 63796» или открытое наименование «1871 склад артиллерийского вооружения». За время своего существования войсковая часть 63796 ни разу не меняла своего боевого предназначения. В части свято сохраняются боевые и трудовые традиции Российской Армии. Коллектив части неоднократно занимал одно из первых мест службы ракетно-артиллерийского вооружения округа, поощрялся вышестоящим командованием и руководством ОЛ МВО.

В 2001 году при прямом участии и содействии благочинного Лискинского церковного округа настоятеля Христо-Рождественского храма протоиерея отца Василия командованием части в лице полковника А.В. Петрова, администрацией города Лиски и района в лице Шевцова В.В. осуществлены масштабные мероприятия, посвященные 100-летию Лискинского гарнизона. Одновременно, с одобрения отца Василия командование части разобрало срединную часть крыши и стен храма, пришедшие в негодность, и приступило к ремонту алтаря и пристройки к нему. В восстановлении сохранившейся части храма приняли самое непосредственное участие священнослужители отец Василий, отец Иоанн, владыка Свято-Успенской лавры Арсений, чей прадед проходил службу в 4-м запасном кавалерийском полку до революции, народный депутат Аносов Александр Иванович. А также офицеры: подполковник Нестеренко Алексей, майор Кулаков Борис, капитан 3-го ранга Лисовский Юрий, майор Матвеев Николай и другие.

С их помощью были приобретены иконы, церковные хоругви, облачение и уварь, необходимые для богослужения. Одновременно собраны и приведены в порядок образцы холодного и огнестрельного кавалерийского вооружения — муляжи, седла, упряжь, форма одежды эскадронов запасных кавалерийских полков.

16 октября 2010 года полковой храм-часовня и на его основе комната Боевой славы гарнизона командиром части полковником Петровым Алексеем Владимировичем в присутствии главы администрации Лискинского района и города Лиски Шевцова Виктора Вадимовича и мэра города Лиски Митюрева Евгения Васильевича были открыты для регулярного посещения. На базе храма-комнаты Боевой Славы проводились занятия по военно-патриотическому воспитанию молодежи, торжества по случаю «Дня призывника», «Дня артиллерии и ракетных войск» и другие.

В связи с реформированием Вооруженных сил Российской Федерации Директивой Генерального штаба Министерства обороны России войсковая часть 55443 (г. Пушкин, Ленинградская область, Западный военный округ), в чьем ведении оказалась территория гарнизона, до 1 декабря 2013 года юридически сокращена.

В связи с изложенным, все здания военного городка, имеющие историческую ценность, могут быть разрушены, а военно-историческая память утрачена. Надеемся, что при утверждении проекта новой застройки района, в нее гармонично будут вписаны упомянутые сооружения исторического плана и полковой храм, ибо кто теряет связь с прошлым — не имеет будущего.

По договоренности с отцом Василием и отцом Иоанном все экспонаты полкового храма-комнаты Боевой Славы перемещаются в выставочный зал кафедрального собора Владимирской Божьей Матери. История полкового храма, 4-го и 10-го запасных кавалерийских полков, военно-патриотических традиций в Лискинском крае не забыты, бережно сохраняются и передаются новому поколению.

**Николай Сафронов,
Светлана Любина**

В ГОСТЯХ У ШОЛОХОВА

(Путешествие в Вёшенскую, к великому писателю)

Несмотря на то, что Михаил Александрович Шолохов никогда не жил в нашем краю, нельзя сказать, что нас с ним ничто не связывает. Прежде всего — это любовь к творчеству писателя. Затем, конечно, сам батюшка-Дон. Хотя и находимся мы на разных его берегах, но омывает их одна вода, с той лишь разницей, что Вешенский берег находится ниже по течению, недалеке от границ Воронежской области, и наша вода омывает его спустя несколько дней.

Мать писателя Анастасия Даниловна Черникова была сиротой из черниговских крестьян, и наши острогожские предки также были выходцами из Черниговщины.

В Отечественной войне 1812 года острогожские гусары в составе Павлоградского Гусарского полка вместе с донскими казаками атамана Платова воевали против французов, а во время Первой мировой вместе с донцами били врага острогожские уланы и драгуны.

В Гражданскую войну пришлось воевать и друг против друга. Осенью 1918 года в наш край вошли белоказаки. Восьмая Донская дивизия Гусельщикова отбила у красных Острогожск. В январе 1919 года 15-я Инзенская пехотная дивизия Красной армии, в состав которой входили острогожские воинские формирования, заняла станицу Вешенскую. В апреле 1919 года 33-й запасной стрелковый батальон острогожцев участвовал в подавлении казачьего восстания на верхнем Дону.

Первый колхоз, образованный в Щучьем, носил название «Красный Дон». В этом имени отобразилась главная наша святыня — великая русская река, окрашенная в цвет революции. Были и еще колхозы: «Хлебороб», «Прогресс». В 1958 году во время укрупнения все три колхоза слились в один и назвали его «Тихий Дон», в честь знаменитого романа. По причине неуклонно возрастающей грамотности к этому времени произведение Михаила Александровича стало широко известным среди земляков.

Границы Верхнедонского пароходства, центром которого являлся город Лиски, протянулись до станицы Вешенской. Щученские бакенщики обслуживали этот техучасток. С высокого холма своей усадьбы писатель любовался светом наших бакенов. В Вешках долго не было своего дебаркадера. Чтобы достойно встречать гостей, к юбилею писателя Верхнедонское пароходство переправило наш дебаркадер в Вешки. Когда щучане узнали куда уплыл их причал, ничуть не пожалели — для такого случая не жаль.

Многие земляки были знакомы с Михаилом Александровичем лично. Некоторых он выручал, давая деньги в долг. В Вешках живут выходцы из лискинских сел. Некоторые земляки беседовали с писателем, а Николай Антонович Лаптев рыбачил с ним на Дону.

Несомненно, Шолохов хорошо знал город Лиски. Много раз он проезжал через железнодорожную станцию. В романе «Тихий Дон» автор трижды упоминает название районного центра, и каждый раз в связи с железной дорогой.

В первый раз упоминается железнодорожный мост через Дон. Здесь казаки, возвращавшиеся со службы, впервые на своем пути встречались с Доном. В жертву реке они выбрасывали из поезда в воду фуражки, одеяла и монеты. Хоть Шолохов не говорит об этом, но нетрудно догадаться, что по пути на войну здесь же казаки прощались с Доном. И еще неизвестно, когда их сердце стучало чаще...

Во второй раз Лиски упоминаются в связи с погромом складов на железнодорожной станции.

В части 6 главы 4 приводится письмо донского атамана генерал-майора Петра Краснова германскому императору о создании Доно-Кавказского союза. «... действовать о присоединении к Войску по стратегическим соображениям... и города Воронежа, и станции Лиски, и Поворино и провести границу Войска Донского как указано на карте...»

В дальней исторической ретроспективе урочище Вешенское явилось некоторым образом предтечей Лисок. Согласно решению Боярской думы, в 1571 году была создана общегосударственная сторожевая служба. В Поле разместили шесть сторожевых постов. Донской пост — в урочище Вешки (ныне ст. Вешенская). После того как эту сторожу разгромили татары, пост был перенесен севернее, на берега реки Толучевка. Но и здесь он простоял недолго. После очередного разгрома в 1575 году пост перенесли на берега Богатого затона, туда, где теперь стоит город Лиски. После этого никак не скажешь, что наши края ничто не связывает. Об этом и многом другом хотелось рассказать в станице Вешенской.

* * *

Выехали рано утром в составе трех человек. Компанию составили литературовед из Петербурга Светлана Любина, отец которой был знаком с писателем, и ее супруг. Дорога до станицы заняла меньше четырех часов и прошла в разговорах о Шолохове и его творческом наследии. Мелькая разметкой, километры трассы наматывались на колеса автомобиля. Раннее утро, рассвет. Вот и указатель поворота на Вешенскую. Приличная свободная дорога. Оглядываемся. В небе парят степные орлы. Еще не наступили широкие ростовские степи, еще пересеченная, почти как у нас, местность — мало того, песок, посадки сосны, горельники 2010 года... Похоже, но все несколько по-иному. Оврагов поменьше. Нет меловых обрывов и гор. На обочинах дороги заросли степного бессмертника — непривычное глазу зрелище. Красиво. Розовым разливом плывут эти цветы по увядшей под июльским зноем бесцветной выгоревшей степи.

На въезде в станицу стоят огромные магазины с броской рекламой. Евроремонт фасадов несколько охлаждал наши ожидания. Понятно, что жизнь не стоит на месте, и необходимо развивать инфраструктуру. Но если уж решились строить в таком месте, следовало бы делать это со смыслом, с учетом сохранности и преемственности культурного наследия. Проехали дальше, ну вот, теперь новоделы остались позади, все встало на свои места. Прохожие охотно подсказали, как проехать к музею. Народ встречался приветливый и отзывчивый, чувствуется уважение и личная причастность местных жителей к памяти великого земляка.

Все, что увидели в Вешенской, очень понравилось, экспозиция детально про-

думана, устроена как нельзя лучше. К дому-музею ведет роскошная аллея сирени. Этот сорт выведен специально для музея-заповедника. День будний, людей немного, никакой суеты. Быстро сформировалась небольшая экскурсионная группа. Пошли. С первых минут впечатляет. Вот какое наследие оставил на земле человек. Эх, если бы все писатели были такими же патриотами своего края, как Шолохов, сколько красоты разлилось бы по миру!

Молодая экскурсовод с редким именем Мирослава показывает печатную машинку, на которой создавались машинописные листы произведений. Коллекция литья. Скульптурные композиции. Все эти вещи помнят писателя, все осталось таким, как было при жизни мастера. Вот столовая, в которой проходили обеды семьи. На столе фарфоровый чайный сервиз, во главе стола, на месте где сидел Михаил Александрович, вместо фарфоровой чашки стоит стеклянный стакан. Шолохов любил пить чай из этого стакана. Спальня, зал, кабинет. Повсюду на столах уже знакомые нам степные бессмертники. На стенах картины известных художников, подаренные Михаилу Александровичу, портреты писателя. В шкафах вазы, хрусталь, и другие подарки почитателей творчества.

В конце экспозиции — зал, в котором хранится память о вручении Нобелевской премии. Документы, фотографии, костюмы, в которые была одета семья Шолоховых во время визита в Норвегию. Из полумрака черно-синего бархата экспонаты высвечены так, что трудно описать их красоту. С какой любовью и профессионализмом все сделано! Ничего подобного видеть не приходилось. Никто не остался равнодушным. Экскурсия прошла без навязчивой опеки, торжественно и в то же время тепло, по-домашнему. Шолоховские музейщики смогли создать удивительную, неповторимую атмосферу.

Прекрасная экскурсия, потрясающая экспозиция, не ждали увидеть такого. Все залы запечатлели на фото. В один не пустили, но когда я рассказал, зачем нужен задуманный кадр, разрешили пройти за ограждение. Я фотографировал все, что было нужно. Одновременно и строго, и демократично — вот что значит толковые специалисты.

В одном из залов под стеклом хранится последняя недокуренная сигарета писателя. Он скончался от болезни легких, но так и не бросил курить до последнего дня. По образованию я врач-гигиенист и невольно подумал, что, если бы свершилось чудо и довелось встретиться с живым писателем, то, может быть, сумел убедить его отказаться от вредной привычки. А может, и наоборот, услышав его слово, и сам бы закурил. Чтобы осилить подобный труд, надо без остатка войти в образ, и всю людскую боль пережить в своем сердце. Должно быть, большое сердце было у Шолохова, если в него смогла уместиться трагедия целого народа.

В одной из комнат стоит диван, покрытый простым покрывалом. Совершенно обычное покрывало. Когда-то в щученских домах были такие. На этот диван ложился писатель, если больше не мог писать, и никто не решался войти в комнату. Нелегко давались некоторые строки. Они пронизывают роман «Тихий Дон», но есть и в ныне непопулярной, но от того не менее значимой «Поднятой целине». Рассказ «Судьба человека» о нашем воронежском земляке весь состоит из таких строк. Читая их, невозможно остаться равнодушным. Шолохов умел заставить человека смеяться и плакать...

Мы были весьма удивлены, когда узнали, что один из наших собеседников, родственник писателя, человек вполне почтенного возраста, до сих пор не прочитал роман «Тихий Дон». Говорит, что, сколько ни пытался, не мог дочитать до конца, не хватало нервов. Вот так еще помнят ту далекую трагедию. История «Тихого Дона» для этих людей совсем не чужая. Может, поэтому и атмосфера в музее такая особенная, подлинная, непередаваемая.

Потрясающий вид на набережную. Бронзовый бюст писателя с высоты птичьей

го полета, не щурясь, смотрит на блестящее до рези в глазах зеркало июльского Дона. Чуть поодаль светлая стена с барельефом Юрия Гагарина. Она построена в память о визите первого космонавта Земли в станицу Вешенскую. Прекрасные цветники. Ухоженные здания. Залитый солнцем уютный белый дворик, камни, цветы, стилизованная картина казака и казачки органично дополняют пейзаж.

На ограниченном участке земли сосредоточены здания музейного комплекса. Все продумано, рационально и гармонично. Ощущение столичности не покидает нас здесь, в этой станичной глубинке. Нечто подобное ощущается в Петергофе, Киево-Печерской лавре. Только воздух тут чище. Так же легко дышится у нас в Дивногорье. Столицей Донского Духа реет высокий Вешенский берег.

Весьма впечатлила сувенирная лавка музея. Картины, костюмы, куклы, резьба по дереву, травяной чай, стекло, оружие, фарфор, посуда, значки, магниты... Тут каждый, даже самый требовательный, посетитель сможет выбрать вещь по душе. Причем, большинство из увиденного сделано руками местных умельцев! Не зря вешенцы едят свой хлеб, умеют люди работать руками, и с фантазией у них все в порядке.

Отдельно представлена книжная продукция, великолепные подарочные издания Шолохова. Все о писателе и его творчестве можно найти здесь, в том числе и раритетные издания. Книга «Об отце» Михаила Михайловича Шолохова — бесценный клад знаний для любого, кто увлекается творчеством писателя. Она прекрасно иллюстрирована, значительную ее часть представляет масса неопубликованных ранее фотографий Михаила Александровича, его семьи и гостей. Прочитав лишь одно оглавление, понимаешь ценность этой книги.

А вот и святое место — могила писателя. Глыба гранита, на которой высечено «Шолохов» — и больше ни слова. Строгий холмик надгробья, стриженная газонная трава пахнет как у нас на лугу в покос. Яркий солнечный свет, можжевеловая зелень, горячий камень, тишина и покой. Возлагаем цветы на могилу и долго молчим. Каждый думал о своем, но все наши мысли переполнены уважением и благодарностью за то, что сделал этот Человек для нас, для своих земляков, и для всех людей на земле.

Могилы Михаила Александровича Шолохова
и его жены — Марии Петровны

Попасть в административное здание с ходу не получилось. Внушительных размеров, с убедительным выражением лица, охранник поинтересовался, куда мы торопимся. Пожелание встретиться с сыном писателя вызвало едва заметную улыбку охраняющего. По возможности вежливо нам разъяснили, что Михаил Михайлович неважно себя чувствует, что с учетом возраста звучало правдоподобно.

Тогда пришлось изложить подробнее причину своего визита. Рассказать о том, что мы прибыли по делу, принесли в дар музею копию древнего щученского челна, книги о нашем крае, поручение совета Щученского краеведческого музея, буклет Лискинского отдела культуры и прочие важные для культурного обмена вещи. Окончательно начальник охраны убедился в серьезности наших слов, когда раскрыл книгу «Щученские были» и увидел там название нашего хозяйства «Тихий Дон». Это подействовало как пароль.

После недолгого ожидания нас проводили в кабинет заместителя директора Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова. Им оказался кандидат социологических наук Юрий Николаевич Демин. Без тени заносчивости он говорил с нами о важных вещах. Он прекрасно владеет языком, компетентен и добр, обладает удивительным чувством юмора и душевным богатством.

Мы передали свои подарки и посвящение в почетные члены совета Щученского краеведческого музея Александра Михайловича Шолохова — внука писателя и директора музея-заповедника. Нас заверили, что Шолохов легок на подъем, и если мы придумаем хороший праздник, подготовимся и согласуем время визита, они непременно приедут к нам в гости. От имени Александра Михайловича нам подарили два уникальных издания — «Шолохов на открытках» и «Автографы Шолохова», а также книгу для нашего музея «Об отце». Юрий Николаевич сказал, что мы увидели лишь десятую часть всего богатства, которым располагает музей. Кроме ряда музейных экспозиций, есть еще Каргинской мемориально-исторический комплекс, Кружилинский мемориально-исторический комплекс, величественный бронзовый орел — памятник на правом берегу Дона, посвященный 100-летию писателя, а также памятники природы и другие достопримечательности. Чтобы ознакомиться с основными объектами, нужно приезжать сюда не на один день. Юрий Николаевич приглашал нас приезжать на праздник «Шолоховская весна», который проходит каждое последнее воскресенье мая в Вешках — вот где можно будет увидеть масштаб народного гуляния. Кто побывал здесь хотя бы один раз, непременно захочет вернуться. Шолоховский край — удивительное место.

На обратном пути мы нарвали огромный букет степных бессмертников. Эти цветы никогда не вянут — как и слава любимого писателя. Повезем цветы домой в Лиски, Щучье и Санкт-Петербург, в память о нашем путешествии. В степи нас застал ливень. На иссушенную землю пролилась долгожданная влага. По крыше барабанили крупные полновесные капли. Колеса автомобиля «разматывали» километры дороги назад.

Напитав землю живительной влагой, кончился летний ливень. В небе расцвела двойная радуга, она была красивой и проникновенной и напоминала улыбку Шолохова на обложке подаренной нам книги.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ...

(Букинистический фолиант рассказывает о Лисках)

В конце XIX – начале XX веков общество Юго-Восточных железных дорог приступило к изданию серии справочников-путеводителей «Спутник пассажира». В свет успели выйти три книжки. Первый выпуск за 1899 год хранится в музее истории ЮВЖД. Не так давно нашлась вторая книжка. Старинный фолиант как семейную реликвию берегла росошанский библиотекарь Ольга Павловна Наталич.

Сегодня эти книги необычайно ценны уникальной информацией о городах и весях российской глубинки, об их географии, истории, экономике, социальных и культурно-бытовых особенностях. Предоставляем читателям возможность познакомиться с описанием станции Лиски и ее окрестностей более чем вековой давности со сканированных страниц букинистического раритета.

Лиски в начале XX века

Издание Общества Юго-Восточныхъ желѣзн. дорогъ.

СПУТНИКЪ П А С С А Ж И Р А

по

ЮГО-ВОСТОЧНЫМЪ ЖЕЛѢЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Выпускъ I.

Козлово-Воронежско-Ростовская линія.

Сорокъ шесть иллюстрацій въ текстѣ, пять отдѣльныхъ плановъ городовъ
и карта Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

МОСКВА.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, д. Т—ва № 9.
1899.

Глава II.

Станція Лиски и ея историческія окрестности.

Станція Лиски; рѣка Донъ; историческія памятники нагоривго берега Дона; пещерный городъ; старое Маяцкое городище, Ливогорскій монастырь; Шатрище.

Лиски, станція II класса. Большое (29×7 саж.). кирпичное зданіе пассажирскаго вокзала, общее для двухъ линій Козлово-Воронежско - Ростовской и Харьковско-Балашовской Юго - Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Буфетъ съ горячими и холодными кушаньями и спиртными и прочими напитками. Мужская и дамская уборныя; залъ I и II классовъ и большой залъ для пассажировъ III класса и отдѣльный навѣсъ для пассажировъ IV класса и переселенцевъ; въ залѣ I и II классовъ книжный и газетный шкафъ на станціонной платформѣ имѣется лавочка

съ бакалейнымъ товаромъ; на вокзалѣ находится почтовое отдѣленіе и телеграфъ. Пассажирское зданіе расположено съ правой стороны пути (по направленію изъ Козлова къ Ростову). Поѣзда, останавливающіеся на станціи Лиски имѣють слѣдующія стоянки:

Поѣз. № 1 скор. изъ Рос. въ Моск. стоятъ....	10 м.
» № 2 » » Мос. » Ростовъ »	10 »
» № 3 почтовый изъ Ростова до Москвы...	20 »
» № 4 » » Москвы » Ростова...	40 »
» № 5 тов.-пас. » Ростова » Козлова. і ч. 18 »	
» № 6 » » » Козлова » Ростова. 1 » 30 »	
» № 3 поч. изъ Балашова въ Харьковъ..	1 » 05 »
» № 4 » » Харькова » Балашовъ. 1 » 05 »	

Кромѣ того, пассажиры, слѣдующіе изъ Харькова до Лисокъ съ пассажирскимъ поѣздомъ № 6, могутъ слѣдовать *безъ пересадки* до Воронежа и далѣе до Москвы, такъ какъ вагоны прицѣпляются въ Лискахъ къ почтовому поѣзду № 3, и тогда имѣють остановки на этой станціи і ч. 05 мин. Пассажиры слѣдующіе изъ Воронежа въ Харьковъ черезъ Лиски съ почтовымъ № 4 поѣздомъ имѣють остановку въ Лискахъ 25 минутъ и *должны пересаживаться* въ отдѣльный поѣздъ (пассажирскій № 5), специально отходящій изъ Лисокъ въ Харьковъ.

Не доѣзжая двухъ—трехъ верстъ до стан-

ціи къ желѣзнодорожному полотну Козлово-Воронежско-Ростовской дороги примыкаетъ съ лѣвой стороны полотно Харьково-Балашовской желѣзной дороги, именно участка отъ станціи Лиски до Балашова, т. е. до пункта, соединяющаго съ одной стороны Волгу черезъ посредство Камышинской вѣтки Рязанско-Уральской желѣзной дороги и съ другой—великій Сибирскій желѣзный путь—черезъ Пензу-Ртищево-Сердобскъ-Балашовъ. Такое центральное положеніе станціи Лиски, какъ важнаго узлового пункта желѣзныхъ дорогъ вызываетъ необходимость въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ сооруженія значительно большаго, нежели настоящее, зданія пассажирскаго вокзала.

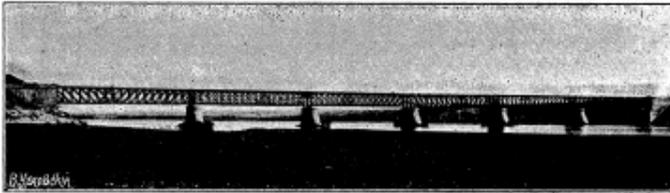
Изъ 56 жилыхъ и нежилыхъ станціонныхъ зданій слѣдуетъ замѣтить два большихъ паровозныхъ зданія, училище для дѣтей обоего пола, служащихъ на станціи, затѣмъ больница, пріемный покой, аптека, при чемъ на станціи имѣется постоянный врачъ. Общая длина всѣхъ станціонныхъ путей, въ томъ числѣ: пассажирскаго, товарнаго, маневреннаго, погрузныхъ, карьерныхъ, нефтяныхъ, кромѣ главнаго, 5.392 сажени, или 10 верстъ и 392 сажени и 51 переводныхъ стрѣлокъ.

Лиски или какъ мѣстные хохлы, гораздо правильнѣе называютъ ихъ, Лыски—вѣроятно

лысыя мѣста, лысые берега—теперь цѣлый городокъ, очень картинно раскинувшій свои безчисленныя бѣлыя мазанки съ желтыми крышами по крутымъ скатамъ, уютнымъ лѣсистымъ долинкамъ и песчанымъ холмамъ Донскихъ береговъ. Ихъ глазомъ не окинешь, потому что, собственно говоря, это не одно село, а цѣлыхъ три большія слободы, съ разныхъ сторонъ присосѣдившіяся къ одному и тому же звену всѣхъ ихъ питающей рѣки. Двѣ изъ этихъ слободъ—Лиски и Залужное, въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губернии, а третья Петровская, отдѣленная отъ нихъ Дономъ, гдѣ находится вокзалъ желѣзной дороги и станція Лиски и высятся на стоящимъ городомъ огромные многоэтажные корпуса резервныхъ эскадроновъ кавалерійскаго запаса, съ ихъ конюшнями и манежами,—даже совсѣмъ въ другомъ уѣздѣ,—въ Бобровскомъ.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи станція Лиски больше извѣстна, по отправленію скота, до 6000 головъ ежегодно и лѣсныхъ матеріаловъ до 700 вагоновъ. Проведеніе Харьково-Балашовской линіи, сильно повліяло на сокращеніе коммерческой дѣятельности станціи, оттянувъ районы, тяготѣвшіе къ станціи къ новымъ станціямъ городовъ Коротояка, и Острогожска съ одной стороны и Боброва—съ другой.

Пройдя около 750 сажень за станцію Лиски, поѣздъ переходитъ изъ Бобровскаго въ Острогожскій уѣздъ по величественному въ 165 сажень длиною, желѣзному въ шесть пролетовъ мосту черезъ „тихий Донъ, красу полей“, который здѣсь уже совсѣмъ могучъ и величественъ, а сквозь широко распахнутыя имъ ворота ближнихъ холмовъ уходитъ вдаль чарующая перспектива его далекаго бѣлаго берега, по которому пытитъ паровозъ, увозя пассажировъ въ Острогожскъ, Харьковъ и благословенную Малороссію.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Донъ близъ Лиски.

Донъ изстари называется не просто *Донъ*, а *Донъ Иванычемъ*. И онъ дѣйствительно *Донъ Иванычъ*, сынъ *Иванъ* — озера, изъ котораго вытекаетъ въ Тульской губерніи, Елифаньевскаго уѣзда, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ *Шать-Иванычемъ*.

Издание Общества Юго-Восточных желѣзн. дор.

Спутникъ
Пассажира
по
Юго-Восточнымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Выпускъ II.

**Балашово-Харьковская, Донецкія Каменноугольная,
Восточно-Донецкая и Елецъ-Валуйская линіи.**

Шестидесять восемь иллюстрацій въ текстѣ, три отдѣльных плана городовъ и карта Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

СОСТАВИЛЪ

А. И. Родзевичъ,

Техническій Агентъ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о, Пименовская ул., соб. д.
1900.

сдѣланныхъ на мѣстѣ высокоталантливымъ писателемъ-художникомъ Е. Л. Марковымъ; рисунки были сдѣланы еще до того времени, пока „жельзная лопата не прорѣзала каменную грудь“ этого живописнаго уголка. Здѣсь „Спутникъ“ предлагаетъ вниманію путешественника иллюстраціи, сдѣланныя по фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ уже послѣ того, какъ пронзительный свистъ „соловья-разбойника“ XIX вѣка—паровоза—огласилъ эти мѣловыя громады, цѣлыя тысячелѣтія дремавшія подъ сладкіе напѣвы тихаго Дона-Иваныча.... Двадцатидвухверстное пространство между станціями Копанице и Лиски поѣздъ жельзной дороги то помчится по лугамъ поемнымъ на берегахъ Тихой-Сосны, то, замедливъ ходъ, начинаетъ ползти, извиваясь подобно змѣи, по живописному Донскому ко-согору, то прячась въ Шатрицское ущелье, то, вырываясь изъ него на Божій свѣтъ, проходитъ мимо пещеръ и тайниковъ, гдѣ нѣкогда спасались отъ суеты мірской дѣйствительно великіе сподвижники, то, наконецъ, совершенно медленнымъ шагомъ проходитъ по крутому, обрывистому берегу Дона: съ чувствомъ понятнаго трепета смотритъ пассажиръ на срѣзанную мѣловую громаду горъ съ знаменитыми „столбами“ Большихъ и Малыхъ Дивъ, ежеминутно какъ бы готовыми

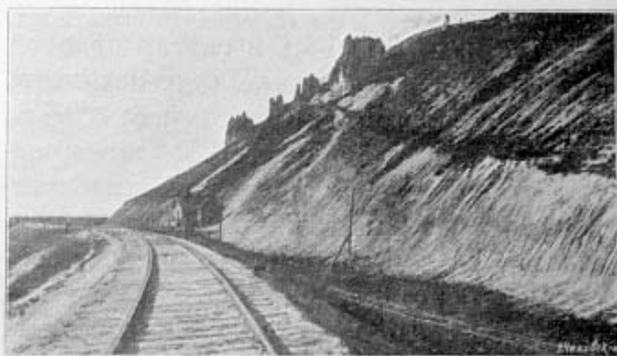
унасть и задавить весь поѣздъ, а слѣва его глазамъ представляется одна лишь рѣка безъ береговъ. Но трепеть вашъ напрасень. Железнодорожная строительная техника XIX вѣка обезопасила и эти „ужасныя“ мѣста.

Въ 7-ми верстахъ отъ Копанища поѣздъ на минуту останавливается у платформы *Дивогорскаго* монастыря, мирно пріютившагося у подножья Дивныхъ горъ, составляющаго одно изъ самыхъ живописныхъ въ Воронежской губерніи мѣстъ. Въ двухъ верстахъ отъ Дивогорской платформы расположено большое село *Селявное*. „Между 1673—1674 годами,—говоритъ лѣтописецъ,—у Селявнаго затона р. Дона боярскія дѣти, Ѳеодоръ Шубаевъ съ товарищами, образовали деревню *Селявную*, при чемъ имъ было отведено мѣсто „на вымѣрной землѣ Урывскихъ дѣтей боярскихъ на дикомъ полѣ подъ Вислымъ лѣсомъ у Селявнаго затону“. Въ общемъ на этомъ перегонѣ между Копанищемъ и Лисками достойны обозрѣнія всякаго путешественника слѣдующіе придонскіе историческіе памятники: *Шатрище*—мѣловая гора, имѣющая видъ исполинскаго шатра, вся изрытая пещерами; *Дивны* горы (неправильно называемыя Дивными) также со множествомъ пещеръ и съ *Маякильгъ городищемъ* (бывшей нѣкогда крѣпостью) на вершинѣ; горы эти расположены

надъ Дономъ, при устьѣ р. Тихой Сосны; рядъ *каменныхъ столбовъ*, часть которыхъ находится на сѣверной сторонѣ Дивогорскаго монастыря и называется *Малыми Дивами*, а часть по южной, вдоль праваго берега Тихой Сосны, называется *Большими Дивами*.

Глубокій мракъ покрываетъ ранній періодъ исторіи Дивогорья и Шатрищегорья, одинаковыхъ, какъ относительно ихъ геологическаго происхожденія, такъ и по той роли, которую они играли въ древней исторіи придонскаго края. Всѣ они по составу своему болѣе или менѣе близко подходятъ къ мѣлу и всѣ они носятъ на себѣ слѣды давнишняго пребыванія какого-то пещернаго народа. Пещеры замѣчательны по тонкости и прочности работы, очевидно созданныя умѣлыми руками многочисленной толпы, такъ какъ нѣкоторыя пещеры болѣе 60 сажень длиною, другія же уходятъ въ глубь горы. Изъ всѣхъ этихъ историческихъ памятниковъ *Дивогорье*, т.-е. часть огромнаго плоскогорья, тянущагося вдоль праваго берега Дона, есть самый большой изъ памятниковъ, отличающійся отъ остальныхъ каменными столбами, часть которыхъ находится на сѣверной сторонѣ монастыря и называется *Малыми*, а часть по южной, вдоль праваго берега Тихой Сосны, и называется *Большими Дивами*. Ширина и

вышина ихъ разная—отъ 4 до 8, но толщина ихъ почти одинаковая—до трехъ аршинъ. Они сложены изъ мѣловыхъ глыбъ, очевидно вынутыхъ изъ нутра горы при рытьѣ подъемныхъ ходовъ. Дивьи горы были ранѣе покрыты густымъ лѣсомъ, остатки котораго видѣлъ еще Г. С. Гмелинъ въ 1761 г.; нынѣ

По донскому косоугору. Столбы. (Большія Дивы).

на горахъ не осталось и слѣдовъ растительности. По исторіи извѣстно, что здѣсь происходила въ 1671 году схватка царскихъ войскъ съ Фролкою Разинымъ, при чемъ послѣдній былъ убитъ. Здѣсь острогожскіе черкесы встрѣчали знаменитаго адмиралтейца, сподвижника императора Петра, Феодора Матвѣевича Апраксина, по пути въ Азовъ въ

1702 г. Здѣсь же останавливался бояринъ Шенинъ, какъ видно изъ путевыхъ записокъ пѣвчихъ дьячковъ. Другихъ достойныхъ вниманія историческихъ свѣдѣній объ этой горѣ до сихъ поръ не отыскано. Дивы упоминаются въ первый разъ въ Пименовскомъ путешествіи подъ 1389 годомъ, гдѣ говорится: „Приплыхомъ къ Тихой Сосиѣ и видѣхомъ столпы бѣлы, *дивно-жъ и красно стоятъ рядомъ*, яко стези малы, бѣлы-жъ и свѣтлы зѣло“.

Старое Маликое городище, какъ его называетъ строенная книга города Коротояка за 1646 г., лежитъ на вершинѣ Дивогорья. Оно представляетъ правильный квадратъ приблизительно въ 1600 квадратныхъ сажень; каменные валы, идущіе кругомъ, отъ времени осѣли. Крѣпость эта была окопана довольно глубокимъ рвомъ. Въ западномъ углу городища находился *колодець*; значеніе его крайне интересно и загадочно, ибо, находясь на огромной высотѣ, на вершинѣ мѣловой горы, онъ едва ли могъ служить обыкновеннымъ колодецемъ, а вѣроятно долженъ былъ имѣть другое назначеніе; онъ имѣлъ ширины во всѣ стороны по 4 аршина, при неизвѣстной глубинѣ. Въ настоящее время, по распоряженію монастыря, колодець этотъ, къ сожалѣнію, засыпанъ. Ученые изслѣдователи этой части Донского побережья относительно самаго

значенія „Дивы“ пришли къ убѣжденію, что, принимая во вниманіе ихъ одинаковую толщину, ихъ правильное расположеніе въ одну линію по краю горы, при явныхъ признакахъ слѣдовъ искусственной кладки, „Дивы“—не что иное, какъ остатки большой *каменной*

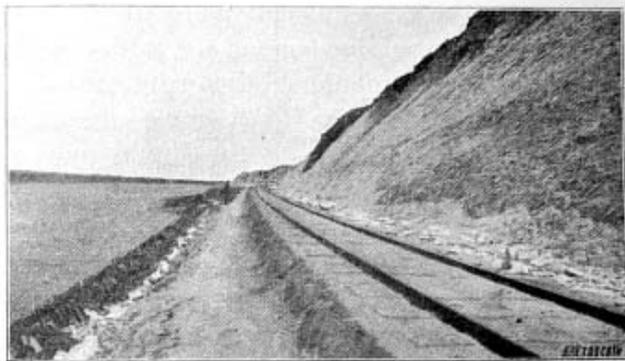
По донскому косогору. Сторожевой домъ на 332 верстѣ.

стѣны, нѣкогда окружавшей и защищавшей эту гору вмѣстѣ съ ея обитателями.

Основаніе *Дивогорскаго монастыря* относятъ ко времени пораженія гетмана Остряницы. Около 1638 г. черкасы стали толпами уходить въ предѣлы московскіе и селиться въ пустопорожнихъ московскихъ украиняхъ бас-

сейна р. Дона. Такъ какъ русскія владѣнія въ первой половинѣ XVII столѣтія не имѣли еще опредѣленныхъ границъ на югѣ-востокѣ, то монастырь сначала числился на татарской землѣ за чертою. Монастырь этотъ часто подвергался нашествіямъ кочевыхъ ордъ, такъ что около 1660—1670 годовъ вся монастырская братія бѣжала въ предѣлы бѣлгородскіе. Но скорбь о разореніи Дивогорскаго монастыря заставила нѣкоторыхъ изъ братіи возвратиться на прежнее повелище: въ 1672 г. два старца отправились въ Москву и испросили у царя Алексѣя Михайловича пособіе на возобновленіе обители, получивши вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніе царскаго покровительства на будущее время. Отъ царей Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, Петра и Иоанна Алексѣевичей было нѣсколько грамотъ на поземельныя владѣнія и отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ для монастыря; но въ настоящее время въ монастырскомъ архивѣ сохранился только полуистлѣвшій регистръ этихъ грамотъ. Первый извѣстный храмъ обители устроенъ былъ по благословію кievскаго митрополита Петра Могилы до 1640 г. въ честь свят. Николая; а въ 1658 г., по благословію патріарха московскаго Никона, устроена другая церковь Успенія пр. Богородицы. О времени основанія третьей

церкви на горѣ, въ честь св. Іоанна Предтечи, близъ пещеры Ксенофонта и Іоанна сохранилась такая записъ на мѣловомъ крестѣ въ самой церкви: „освятися жертвенникъ Госнода Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа во храмъ Рождества святаго Іоанна Предтечи при державѣ благочестивѣйшихъ госу-

По донскому косогору. Мѣловыя горы.

дарей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Россіи, по благословенію великаго господина преосвященнаго Авраамія, митрополита Бѣлоградскаго и Обоянскаго, въ лѣто 7202 отъ Рождества Христова 1693 индикта 1, мѣсяца ноября 7 дня, на память святыхъ мученикъ 33^х. При изданіи въ 1786 г. духовныхъ шта-

товъ Дивогорскій (или, какъ его неправильно называютъ въ Воронежской губерніи, „Дивногорскій“) Успенскій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь соседней слободы Селявной; но впоследствии преосвященный Антоній, архіепископъ воронежскій, исходатайствовалъ возобновленіе обители на Дивьихъ горахъ, куда и переведена была братія изъ упраздненнаго въ то время Коротоякскаго Вознесенскаго монастыря, обращеннаго въ подворье Дивогорскаго.

Шатрище.—Верстахъ въ 5 ниже Дивьихъ горъ, также на самомъ берегу Дона, расположена эта удивительная по своимъ вѣшнимъ формамъ мѣловая гора, очень напоминающая исполнскихъ размѣровъ шатеръ. Отрѣзанная съ трехъ сторонъ долиною, отдѣляющею ее отъ мѣловаго горнаго кряжа, она съ четвертой стороны примыкаетъ къ рѣкѣ. Шатрище представляетъ довольно значительную возвышенность, совершенно обнаженную отъ растительности и едва доступную по своей конусообразной формѣ. Тамъ не менѣе и на ея вершинѣ, какъ и на вершинѣ Дивьихъ горъ, находится кладбище, относящееся къ неизвѣстному времени. Имѣя три стороны округленныя, Шатрище нависло своею четвертою лицевою стороною, совершенно отвѣсною стѣною, надъ водами рѣки.

Здѣсь, надъ Доломъ, на небольшомъ выступѣ находится одна „дива“, настолько высокая и широкая, что очевидно служила для маскировки входа въ горы со стороны рѣки, если она также не представляетъ собою остатокъ древней стѣны, некогда опоясывавшей Шатрище, какъ выше описанную гору надъ

По доловскому возогору. Ущелье Шатрище (по пути въ Коротоякъ).

Тихой Сосной. Шатрище это—также огромный мѣловой памятникъ типа пещерныхъ. Подобно Дивнымъ горамъ, и Шатрище съ его пещерами было въ началѣ XVII в. превращено въ мирную обитель. Шатрищегорскій монастырь находился въ лоцинѣ у подошвы горы, а въ самомъ Шатрищѣ была только церковь. Монастырь былъ впоследствии упраздненъ, а въ настоящее время и

слѣдовъ его не видно; церковь же въ Шатрищѣ сохранилась довольно хорошо. И видъ Шатрища съ рѣки и видъ на рѣку изъ Шатрища одинаково поражаютъ путешественника дикою прелестью природы.

«Спутникъ»² можетъ посоветовать путешественнику, располагающему ограниченнымъ количествомъ времени, проѣхать этотъ верстогонъ отъ станціи Копанище до станціи Лиски, заручившись позволеніемъ попутнаго желѣзнодорожнаго начальства стоять на площадкѣ вагона, находящагося въ концѣ (хвостѣ) поѣзда. Только путемъ подобнаго осмотра можно получить цѣльное впечатлѣніе замѣчательно живописныхъ мѣстъ этого мѣлового донского побережья.

Не доходя двухъ верстъ до станціи Лиски, полотно желѣзной дороги проходить по высокой, болѣе 6—7 сажени насыпи, устроенной черезъ большое болото, расположенное между большой слободой Лиски и рѣкою Донь, а затѣмъ желѣзная дорога идетъ по полотну Козлово Воронежско-Ростовской линіи Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и, не доходя 750 сажени станціи, поѣздъ проходить по желѣзному, 172 сажени длиною, мосту черезъ рѣку Донь *), при чемъ всту-

*) Подробности о р. Донѣ, читатель найдетъ въ I-мъ выпускѣ «Спутника» изъ стр. 123—126.

насть изъ Острогожскаго въ Бобровскій
уѣздъ, Воронежской губерни.

По донскому косогору. Ущелье Шатрище (по пути
изъ Коротожка).

Сергей Демкин

ЕГО ГИМНАСТИКА ДОСТОЙНА ГИМНОВ

(Легендарный тренер Владислав Растороцкий
растит таланты на родине)

То, что сделал Владислав Растороцкий для гимнастики, можно назвать одним словом — *влюбил* в нее. Влюбил в своих учениц весь мир. Людмила Турищева, Наталья Шапошникова, Наталья Юрченко, Альбина Шишова... Доброе двадцатилетие — с 1969-го по 1989-й — им рукоплескали на гимнастических аренах планеты.

И то, что он *прорвался* из неизвестных прежде Лисок на вершины Олимпа, на который и глаза поднять дано не всякому, то, как прославил родной край, дает основания числить его в первых номерах когорты почетных лискинцев. Этим званием он, кстати, неизменно гордится и видит в нем уважение со стороны земляков. В свое время ему даже ленту Почетного повязать не успели, ибо бывал он дома исключительно набегами, наездами: со сборов — на соревнования, из Союза — за рубеж.

В далеких уже восьмидесятых зимним вечером у меня дома раздался телефонный звонок.

— Слушай, Сереж, такая новость, — услышал я в трубке знакомый голос своего первого директора школы, первого учителя истории, а тогда и первого лискинского краеведа Дмитрия Георгиевича Дегтярева. В ту пору я был начинающим журналистом районной газеты, и мы продолжали по-доброму общаться.

— Растороцкий приехал! Будет недолго, завтра уезжает, так что, если хочешь встретиться, давай прямо с утра: я уже договорился, — все решил за меня любимый «Демидон».

Взволновался, признаться, я не на шутку, неужто и впрямь увижу легенду?! Ночь спал плохо: как вести себя, о чем толковать? Поговорить-то было интересно, да станет ли он общаться на равных с юнцом?! — лезли в голову совсем никчемные мысли.

Утро выдалось холодным. Созвонившись с Дегтяревым и боясь опоздать, мы рванули ни свет ни заря в дом № 24 по переулку Советский.

Дегтярев расстарался, хозяйева — Степан Иванович и Евдокия Александровна, отец и мать, радушно пустили «пришельцев».

— Да Славка только спит еще, намаялся с дороги, — предупредила Евдокия Александровна.

— Вот те раз, — думаю про себя, — и чего мы приперлись в такую-то рань?! Долго, впрочем, терзаться не пришлось.

Виктор Владимирович Шевцов
и Владислав Степанович Растороцкий

— Ага, у нас гости! — из комнаты в кухню вышагнул сам Растороцкий. В шикарном спортивном костюме, еще не стряхнувший остатки сна.

— Обождите, дайте-ка я сперва во двор слетаю, воздушка глотну...

И набросив на плечи полушубок, быстро выскочил в дверь.

В Лисках Степаныч, действительно, появлялся нечасто — повидать престарелых уже родителей, перевести дух в стенах родного дома, обязательно пообщаться с друзьями: Юркой (Юрий Иванович Ионанидзе, бывший председатель спортобщества «Локомотив») и Иваном (Иван Иванович Мешков, мастер спорта по гимнастике, преподаватель физвоспитания в профессиональном училище № 6). Сгонять на Дон, если дело выпадало летом, или посидеть в гостях, если не сезон. Старики же радовались появлению Славки, как дети — светлел лицом седой и строгий Степан Иванович, еще больше хлопотала и хороводила по дому добрейшей души Евдокия Александровна.

Вот и на этот раз Владислав заявился, как снег на голову, возвращаясь то ли из Греции, то ли из Канады проездом назад, в Ростов...

Вернувшись в дом, он вывалил на стол стопку глянцевого зарубежных журналов, чьи страницы пестрели цветными фото наших гимнасток. Девчонок своих он хвалил взахлеб.

— Юрчу (Наталью Юрченко), знаешь, как там принимали?! Зал с ума сходил, шубу ей местные фанаты подарили.

Разговор шел сумбурный, перескакивал с темы на тему. Ошарашенному от свалившегося знакомства со знаменитостью, мне было не до связных вопросов и не до интервью. Но пора пришла и «честь знать». Попрощались, договорились о встрече в следующий приезд.

Совершенно ошалелый, я шел по городу и соображал, чем же он меня так потряс. Сгусток энергии какой-то, совершенно бешеной. Может быть, и впрямь вот эта тренерская *энергетика* подпитывала его подопочных, бравших высоту за высотой?

Кто мог тогда предположить, что следующая наша встреча состоится уже в Лисках, куда Растороцкий вернется на ПМЖ. Тогда подобный поворот казался просто невероятным, но ведь судьба «рассуждает» по-своему.

Сияющие вершины мало-помалу стало затягивать мглой. Чемпионский конвейер, казавшийся беспрерывным, приостановился. Тут ведь не «печатный станок», на котором можно штамповать при необходимости ценные бумаги или деньги. Это нужно понимать. Но в кругах начальственных, а еще больше среди конкурентов, поползли слухи: «Растороцкий выдохся».

Так ли было на деле? Дадим слово самому Владиславу Степановичу. Вот как он описывает этот период жизни в своей книге «Гимнастика достойна гимнов».

«К концу 80-х я сильно устал. Два десятка лет изнурительного труда, беспрерывных поездок по странам мира на спортивные соревнования и с показательными выступлениями не могли не сказаться. Я стал чувствовать потребность в передышке, психологической паузе. Иначе могла накатить депрессия, выбираться из которой в зрелом возрасте очень непросто.

И тогда я принял приглашение от французов — помочь их гимнастической сборной. Что ж, появилась возможность перевести дух, ибо уровень и напряженность работы там не идет ни в какое сравнение с домашними нагрузками.

После двухлетнего пребывания во Франции подписал контракт с Китаем. Всегда любопытно поработать в стране, в которой ни разу не доводилось бывать.

Отдохнуть в Шанхае — отдохнул. Но и пыл в какой-то мере у меня стал угасать, потерялась мотивация к работе. Привычного накала, напора я в себе в тот момент не ощущал.

В Ростове-на-Дону тоже обстановка изменилась. Увы, в худшую сторону. За время заграничной командировки мой гимнастический зал решили отдать игровикам. Это было уже не просто обидно — это выглядело как пощечина тренеру. Столько сделать для Ростова, чтобы он отплатил мне такой черной неблагодарностью!

По сути, я оказался невостребованным в родной стране. А за ее пределами — как раз наоборот. В этот момент «богатые мира сего» предложили мне открыть гимнастическую школу в Аргентине.

— Мы купим вам зал в Буэнос-Айресе, вы станете там хозяином, и деньгами не обидим, — обещали мне потенциальные работодатели.

Я попросил пару недель на размышление...

Нет, во всем этом не было позерства. В усталость можно верить. Ведь Раст вместе со своими выдающимися ученицами прожил на гимнастическом помосте четыре (!) олимпийских цикла, шестнадцать лет — фантастика для любого тренера.

Но Растороцкий не собирався останавливаться. Отказавшись от китайского контракта, он вернулся в Россию, надеясь объединить тренеров-единомышленников с прицелом на следующий олимпийский цикл. Однако жизнь распорядилась по-иному.

Нахлынувшая обида пересеклась с чувством куда более болезненным. Растороцкий впервые в жизни остро ощутил свою невостребованность. И где? В родной стране, патриотом которой всегда был до мозга костей. Заслуженный тренер СССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени — и кусок черствой горбушки в знак благодарности?!

Такие переживания могли толкнуть на самый отчаянный шаг. Немедленно упаковать чемоданы, уехать, не вспоминать больше. Аргентина — не Аргентина, найдется на планете уголок, где его примут с распростертыми объятиями. Но подобный «размен», обычный для многих знаменитостей особенно сегодня, оказался не по душе Растороцкому. Не просто не по силам. А именно *не по душе*. Это значило, как бы изменить самому себе. Решение предложила сама жизнь. Снова обратимся к книге:

«... Эти самые недели совпали по времени с празднованием Дня города в Лисках, куда я всегда старался приезжать как почетный житель. Познакомился с главой Лискинской администрации Виктором Шевцовым.

Неожиданно он сделал контрпредложение: «Как вы смотрите на то, чтобы под-

нимать и развивать гимнастику в Лисках? Условия вам создадим не хуже аргентинских...»

С ответом не торопил, дал подумать. Примерно месяц я размышлял, советовался. Признаться, меня самого бередили много раз мысли о некоей несправедливости: как же так, Владислав, спрашивал себя, в твоём родном городе, где ты вырос, спортивная гимнастика совсем не культивируется... И я ответил себе:

— У тебя, Владислав, долг перед Лисками. Ты обязан не просто открыть там гимнастическую школу, но и успеть подготовить больших спортсменов. Это будет твой подарок Лискам, где тебе привили любовь к спорту. Да кроме тебя ведь это никто больше и не сделает! Может быть, тогда и почувствуешь второе тренерское дыхание.

И я дал «добро» на переезд в Лиски».

Это была судьбоносная для Растороцкого встреча во всех смыслах.

Во-первых, он возвращался домой. Во-вторых, Виктор Шевцов оказался человеком, который слов на ветер не бросает.

В Лисках Растороцкому предоставили квартиру в доме на центральной улице города. Именно там вскоре после переезда мы и увиделись с ним снова. В гостях у Степаныча была большая компания, отмечавшая его возвращение. Этому радовались все.

Затем мэтр получил в свое распоряжение большой спортивный зал, находившийся в едином блоке с городским Дворцом культуры. Его переоборудовали под гимнастический. И на этой базе основали детско-юношескую спортивную школу — имени Растороцкого.

За возрождение гимнастики взялись ударными темпами. «Клонировать» Турищевых, Шапошниковых и Юрченко тренер, понятно, обещать не мог. Но довести талантливых девочек до определенного уровня — кандидатского, мастерского — было вполне в его силах. Хотя шел тренеру уже восьмой десяток.

Жизнь в школе забурлила. Стали проводиться и набирать популярность ежегодные розыгрыши Кубка главы администрации. Этот приз Виктор Владимирович Шевцов учредил почти сразу. В нынешнем году прошел девятый Кубок по счету. Замаячили первые лискинские разрядницы, перспективные девчонки.

О Растороцком снова заговорили. И в Лисках, и в области, хотя в Воронеже, что греха таить, с ревностью следили за лискинскими успехами.

«Если детей не позовет спорт, их позовет улица», — этот любимый афоризм Растороцкого стал краеугольным камнем его нынешней работы.

Несмотря на то, что любимым увлечением Виктора Шевцова был и остается футбол, он пристально следил за тем, как действует Растороцкий. И видел, что у того получается.

Это не тот случай, когда знающий себе цену хозяин захотел получить знаменитость в свою личную «коллекцию». Глава исходил из той же мысли — детей должен был позвать спорт. Ибо улица уже звала куда угодно, в том числе и к «наркоте».

Зная о нашем знакомстве с Растороцким, Виктор Шевцов предложил мне вместе с тренером подумать о переиздании его книги.

«Гимнастика достойна гимнов» — действительно, стоит того. Когда-то Растороцкий надиктовал ее спортивному журналисту из «Комсомолки» Сергею Шачину, тот сделал литературную запись. А потом книжица стала библиографической редкостью.

Шевцов считал эту книжку мудрой и держал в качестве настольной.

В 2003-м мы план осуществили, дополнив некоторые разделы и переиздав «Гимнастику...» в Воронеже.

В тот период наша дружба с Растороцким не прекращалась — он частенько заходил в редакцию «Лискинских известий». Даже писал новые воспоминания для газе-

ты, в книжку не попавшие. Читать их было всегда любопытно. Материал для публикаций они содержали благодатнейший. Редкостные события, меткие наблюдения...

В последние годы, когда Растороцкий основательно вписался в «лискинский пейзаж», наши отношения стали прохладнее. Хотя за гимнастической школой газета всегда наблюдала с неослабевающим интересом.

И есть за чем и за кем. В СДЮСШ за 13 лет подготовлено пять мастеров спорта, четыре гимнастки и одна акробатка. А Юлия Шаврина даже стала в 2011 году чемпионкой России в командном зачете.

На подходе — 7 кандидатов в мастера. Сейчас в школе целый отряд сильных разрядников — 30 обладательниц первого взрослого, 25 — взрослого второго и 25 гимнасток — третьего. Между прочим, его программа достаточно сложная, так что, одолев ее, спортсменки без особого труда выполняют первый разряд.

В тренерском штате СДЮСШ десять тренеров-преподавателей, причем все с высшим образованием. Почти невероятно, но Растороцкий продолжает практиковать сам, не довольствуясь ролью директора. Он ведет группу из шестерых гимнасток возраста 12-15 лет. И по-прежнему неутомим в выдумках, когда дело касается программы. Что неудивительно, ведь никто другой не придумал в женской гимнастике столько

Растут будущие чемпионы

сложных и, можно сказать, уникальных элементов, как он. Между прочим, поэтому имя Растороцкого внесено в Книгу рекордов Гиннесса.

Сегодня он не хочет снижать планку, которую установил для себя на очень приличной высоте, поскольку уверен: наша российская гимнастическая школа не сказала своего последнего слова.

— Почему китайцы могут, а мы не можем?! — продолжает он вместе с коллегами бесконечный спор о развитии гимнастики. И его гимнастика по-прежнему достойна гимнов.

В прошлом году в Лисках отметили юбилей Растороцкого — 80-летие. Почетного гражданина города принял, тепло поздравил и напутствовал Виктор Шевцов. Владислав Степанович расчувствовался.

Кстати, история с юбилеем вышла занятная. На протяжении 79 лет Степаныч отмечал его 14 июля. И только теперь он признался, что истинная дата рождения месяцем раньше — в июне. Так пошло с детства, когда незабвенная Евдокия Александровна предложила:

— Давайте Славку моего в июле поздравлять будем — на огороде всего побольше, и стол побогаче будет...

На сей раз впервые чествовали Растороцкого, так сказать, по новому стилю.

Незадолго до этого стало известно, что ушел из жизни другой почетный лискинец, известный оперный певец, народный артист СССР Леонид Болдин. Степаныч загрустил и запереживал до того, что даже на церемонии вспомнил есенинские строки: «Не пора ль и нам пожитки собирать?!» Прямо так вслух и процитировал.

Что ж, философствовать человеку не запретишь. Любому. А Растороцкому и подавно. Он все равно ведь не из нытиков. А значит, нет — не пора. Не надо торопиться «с пожитками».

— Хочется мужской зал гимнастики в Лисках «пробить», а еще диспансер спортивный, настоящий, — признался он.

Что тут скажешь — узнаю Растороцкого!

Валерий Бубельник

ПОД ПАРКОВОЙ АРКОЙ

Престарелой королевой восседает на ветке ворона. Она помнит время, когда деревья парка были маленькими. Скамьи у фонтана расцвели пенсионерами. Парк притягивает тех, кого уже довели до внучки. Или внука. Добавим для живописного оптимизма блеск спиц в колясках молодых мам, желающих прогуливаться в два ряда, несущихся по встречной головастых пацанов и степенных девочек лет пяти, одетых в розовые мечты. Да, и пусть солнце сыплет золотом сквозь кроны деревьев, чтоб зазвенеть счастливым смехом на плитках парка. Ну, как-то так!

Каждый уважающий жителей город должен иметь парк. Парк — штука не для прогулок. Парк — для встреч. Встретиться с соседом на кухне и в парке — совершенно разные впечатления от последствий.

Парк — это сельская завалинка для города. Впервые он появился в Лисках в на-

Центральный вход городского парка

чале двадцатых годов прошлого века у клуба железнодорожников. А в современном воплощении — более десяти лет назад в городском районе Интернат. С той поры выражение «встретимся в парке» подразумевает исключительно новую географию.

Однако нашептывает ностальгия под победную поступь прогресса: парк должен быть старым! Как тот полуразрушенный фонтан у клуба, на летнем бетоне которого грелся морщинистый кот с ковбойским прищуром. Как стертые по бокам тумбы-тяжеловесы у входа. Как летняя танцевальная площадка с ракушкой и высоким крашеным забором, где если через забор, то можно сохранить рубль, где качели-лодочки по пять копеек с деревянным тормозом, и колесо обозрения уж не помню за какие медяки. И бесплатные тополя в обхват. Парк должен быть старым, как сам смысл жизни.

Ведь почему-то в теплые минуты вспоминаются не нанотехнологии, а вот это — самодельное, подмазанное и подкрашенное. Менталитет у нас, извините.

Конечно, новый парк и достаточно новый район Интернат рано или поздно тоже состарятся. И новое старое поколение найдет, из чего выжать страничку воспоминаний.

В 1961 году в этих краях появилось первое кирпичное здание — школа-интернат, попутно оформив название всему району города. Школа уже давно не интернат, но учит и по сей день, только под другим именем — «двенадцатая».

Немного позже неподалеку была выстроена и другая школа — «десятая», в неофициальных кругах считавшаяся элитной. Возле школ началось любимое пионерами благоустройство территории. А это значит — посадка деревьев под задорные песни и закрепленный за каждым звеном поливочный участок. Деревья выросли, протоптались тропинки, и в конце семидесятых появились все предпосылки к культурному развитию. А именно: аттракционы «Ромашка», «Сюрприз», обязательные «Лодочки», летняя танцплощадка с эстрадой, где, невзирая на погоду, проводились и зимние мероприятия. Ну и деревянная билетная касса.

Позже, уже в перестройку, привезли огромный ствол мореного дуба в качестве изюминки. Но недолго пили на нем пиво загорелые мужички, колукая ногтем трехсотлетнюю твердь. Неведомыми путями железный дуб был распилен и растащен дубофилами. О нем горевали. В основном, из любопытства. Как о грубо вырванных страницах детектива, из-за которых преступление так и останется нераскрытым. А сам дуб перешел в ранг легенды.

Одним словом, правдами и неправдами, городской парк настойчиво уходил от пресловутой завалинки. Учитывая, что каких-то сорок лет назад в этих краях разворачивался на кольцо маршрутный автобус, а выше улицы Титова ничего многоэтажного в небо не вздымалось, остается только поаплодировать лискинскому человечеству, которое строило дом, сажало дерево, растило сына и делало карту Лисок козырной.

А парк из окраины продолжал перебираться к центру города. И появились именные Первая Парковая улица, Вторая Парковая, Третья и т.д., закрывшие собой сухие пески и траву пустырей. И как все первопроходцы, частные дома этих улиц не страдали отсутствием пафоса. Ведь пафос нам строить и жить помогает.

В какой-то степени пафосной была идея строительства возле парка первой (и до сих пор единственной на ЮВЖД!) детской железной дороги. Образно говоря, малая толика электровозного парка в 1989 году благополучно устроилась в парке Интерната. Это вполне оправдано: город железнодорожников, дети — его будущее, что косвенно подтверждало и название станции «Задоринка». Детской станции, построенной и эксплуатируемой весьма по-взрослому. То есть с билетами, расписанием, машинистами и вагончиками на тепловозной тяге, совершавшими полуторакилометровый вояж по лесистым окрестностям.

До сих пор непонятна чрезвычайная популярность детской железной дороги в Лисках. Казалось бы, почти в каждой семье — железнодорожник, под боком — узловая станция и мазутные голоса диспетчеров в утреннем воздухе... Дальше вроде некуда,

перебором. Но стоило внести элемент аттракциона, как папа и сын одинаково восторженно разглядывают и подробности современного локомотива и старинную загрузочную бадью для угля, расположившуюся у железнодорожных путей «Задоринки».

В апреле этого года главный аттракцион города встал на новые рельсы. К новым рельсам добавили мастерские и двухэтажный корпус обучающего центра для четырехсот детей, не мыслящих себя без железной дороги.

В общем, четверть века назад станция «Задоринка» вписалась в достопримечательности, как березка в пейзаж. В ту пору только-только начинали разворачиваться бандформирования, пахло перестроечной «черемухой» и понятие «дефолт» не было известно даже специалистам. Люди ходили друг к другу со своей водкой. Дачные участки столбились с азартом золотых приисков. Народ выживал надеждой на огороды. А городской парк жил человеческими заботами. То есть стал местом, где каждый мог выслушать каждого. Кто помнит те годы, понимает, что это значило выговориться на пепелище догорающей эпохи.

Деревья живут оседло. В деревьях привлекает стабильность ствола при подвижной кроне. Крона плодоносит, ствол с корнями обеспечивают. Такой же образцово-показательный пример являли и многочисленные тополя парка. Что ни тополь, то готовая инструкция, как не заблудиться в трех соснах.

Лискинцы не заблудились. И городской парк, перебравшись вместе с гражданами через болотистое безвременье, тоже преобразился. Так сказать, в ознаменование. И тоже не без пафоса.

Если детскую железную построили за три месяца, то современный городской парк — меньше чем за два! С замысловатыми скульптурами, новорожденными аттракционами, цветной тротуарной плиткой, к которой ведут арочные входы с колоннами, фонтаном (тогда еще первой версией), где осенним листьям была возможность поплавать меж струями. И куда в жару, вызывая гигиеническое недоумение мамаш, прыгали ошалевшие от счастья отпрыски. И ворона, престарелой королевой сидящая на ветке, запоминала их такими.

И мы запомним горячий блеск глаз, вращение аттракционов, как вращение самой жизни, октябрьские белые занавески тумана, в мягкую прорезь которых выглядывают диковинные огромные динозавры с птеродактилями, удивляясь невиданной эпохе, где вечно бредет жираф и собирает мед огромная пчела, чтоб принести его в общий улей.

Департамент культуры и архивного дела Воронежской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»
Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.
Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Расылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Подписано в печать 30.07.14. Формат 70x100¹/₁₆ Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,15.
Тираж 1500 экз. Заказ 5435.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.